Ч

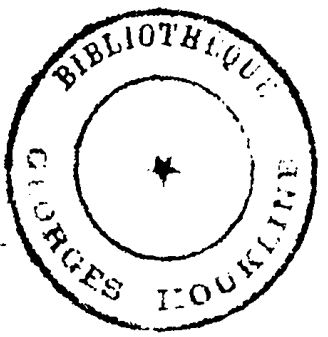
РУССКАЯ

СОЦІАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ІЮЛЬСКАЯ МОНАРХІЯ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО



GENÈVE — BALE — LYON

H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

GENÈVE. — IMP. RUSSE, CHEMIN DE LA CLUSE, 12

1876

4

Для слѣдующихъ выпусковъ въ редакціи Библіотеки **имѣются:**

1. *Etude sur le mouvement communaliste* Лефрансе *(переводится).*
2. *Etude sur les doctrines sociales du christianisme* Гюйо *и* Лакруа *(переводится).*
3. *Уничтоженіе государства* Энглендера.

Н. Г. Чернышевскаго:

4. *О землѣ, какъ элементѣ богатства.* (Библіографія.)
5. *О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала.* (Критика.)

NB. Всѣ его статьи, не вошедшія въ заграничныя изданія, предложены въ наше распоряженіе.

—

Адресоваться за свѣдѣніями по изданію Библіотеки
въ Русскую Типографію
Genève. — Chemin de la Cluse, 12, à Mr Troussoff.

NB. — Желающимъ пріобрѣсти для провоза въ Россію заразъ нѣсколько экземпляровъ **Русской Соціально-демократической Библіотеки,** а именно не менѣе 10, дѣлается слѣдующая скидка съ означенной на изданіи цѣны: отъ 10 до 40 экземпляровъ — 25%, а свыше 40 — 50%.

Съ требованіями обращаться въ Русскую Типографію Трусова.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
014
28

ІЮЛЬСКАЯ МОНАРХІЯ

I. Характеръ Луи-Филиппа. Смерть принца Конде.— II. Процессъ министровъ Карла X. Открытый разрывъ съ демократами, потомъ и съ либералами. Отставка Лафайета и Лафита.— III. Министерство Казиміра Перье. Размѣръ улучшеній, произошедшихъ изъ іюльскихъ событій.— IV. Новый элементъ французской исторіи. Лионское возстаніе.

Пользуясь выходомъ въ свѣтъ первой книги „Мемуаровъ“ Гизо, мы помѣстили въ *Современникѣ* очеркъ политической исторіи Франціи въ эпоху Реставраціи. Теперь мы хотимъ воспользоваться второю частью записокъ Гизо, чтобы представить читателямъ исторію Франціи при іюльской монархіи. Какъ въ статьяхъ „Борьба партій во Франціи“ (*) въ эпоху реставраціи мы вовсе не держались книги, изданіе которой служило для насъ только предлогомъ для изложенія фактовъ по совершенно инымъ источникамъ и съ точки зрѣнія, діаметрально противоположной взгляду Гизо, такъ и теперь вовсе не Гизо будетъ нашимъ руководителемъ. Читатель, знакомый съ литературою французской исторіи, конечно назоветъ наши разсказы почти простымъ переводомъ,—мы и не имѣемъ другой претензіи, кромѣ

(*) Эти статьи составляютъ *III выпускъ* настоящаго изданія.

той, чтобы эти статьи могли назваться не совсѣмъ дурнымъ переводомъ. Теперь мы считаемъ излишнимъ распространяться объ этомъ, но со временемъ удовлетворимъ и требованію библіографической точности представленіемъ цитатъ, отъ приведенія которыхъ нынѣ уклоняемся только для того, чтобы не сдѣлать свое изложеніе чрезмѣрно тяжелымъ.

Въ статьяхъ о реставраціи, мы довели разсказъ до возведенія на французскій престолъ принца Орлеанскаго. Мы не будемъ останавливаться на формальностяхъ, которыми сопровождался переходъ власти отъ Бурбоновъ къ ихъ родственнику. Легкая передѣлка конституціи, нѣкоторыя новыя гарантіи для свободы печати, не слишкомъ прочныя,—все это само по себѣ не было дѣломъ такой великой важности, чтобы стоило долго останавливаться надъ техническими подробностями произведенныхъ реформъ. Тѣ стороны новыхъ учрежденій, знаніе которыхъ будетъ нужно для объясненія смысла тѣхъ или другихъ событій, будутъ изложены нами при разсказѣ объ этихъ фактахъ. Читатель согласится, что намъ нѣтъ надобности разсказывать о новыхъ учрежденіяхъ слишкомъ подробно, если вспомнитъ, что новое правительство съ перваго же раза стало стремиться къ тому, чтобы всѣ либеральныя передѣлки прежнихъ законовъ остались только на бумагѣ. Такимъ образомъ, мы прямо начинаемъ съ разсказа о событіяхъ. Ходъ событій въ очень значительной степени опредѣлялся характеромъ новаго короля, и черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ Луи-Филиппа произошелъ случай, очень ясно обрисовывавшій ту сторону его характера, которая привела Францію къ лишенію свободы, а его собственную династію повела въ изгнаніе.

Сынъ Луи-Жозефа Конде, знаменитаго предводителя эмигрантской арміи, отецъ герцога Ангьенскаго,

извѣстнаго своею трагическою смертью, принцъ Луи-Генрихъ-Жозефъ Конде, герцогъ Бурбонскій, послѣдній потомокъ фамиліи Конде, былъ въ свое время храбрымъ офицеромъ, но въ 1830 году имѣлъ уже около 75 лѣтъ и прежняя отважность замѣнилась въ дряхломъ старикѣ боязливостью. Онъ давно уже не вмѣшивался въ политическія дѣла и тихо жилъ въ своихъ громадныхъ помѣстьяхъ, цѣнность которыхъ простиралась до семидесяти милліоновъ франковъ. При извѣстіи о катастрофѣ, постигнувшей Бурбоновъ, онъ совершенно растерялся. Онъ трепеталъ за Карла X, трепеталъ самъ за себя; приближенные напоминали ему о прежнемъ его мужествѣ, но слабый старикъ находился подъ властью женщины, интересы которой были связаны съ выгодами орлеанскаго дома.

Происхожденіе этой женщины было темно, даже фамильное имя ея неизвѣстно съ достовѣрностью; говорятъ, что она когда-то играла на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ; потомъ жила она съ какимъ-то роскошнымъ богачемъ; наконецъ успѣла овладѣть старикомъ Конде; при его посредничествѣ она успѣла выйдти замужъ за барона де-Фёшера, незнавшаго объ ея истинныхъ отношеніяхъ къ принцу. Женщина умная, красивая лицемъ, соединявшая искательность съ надменностью, умѣвшая казаться то нѣжной, то гордой, баронесса де-Фёшеръ умѣла устроить такъ, что принцъ Конде въ 1824 году написалъ завѣщаніе, въ которомъ отказывалъ ей помѣстья Сенъ-Лё и Буасси. Она уже пользовалась и при его жизни доходами съ нихъ, но ей казалось мало этихъ подарковъ и огромныхъ суммъ, выпрошенныхъ ею у принца. Черезъ нѣсколько времени Конде прибавилъ въ своемъ завѣщаніи новый подарокъ ей — Ангьенскій лѣсъ. Баронесса безпокоилась за судьбу этихъ пріобрѣтеній: она боялась, что по смерти принца законные наслѣд-

ники, принцы Роганы, заведутъ съ нею процессъ. Она искала опоры своимъ правамъ и убѣждала герцога Конде усыновить герцога Омальскаго, бывшаго крестникомъ принца, одного изъ сыновей Луи-Филиппа. Существуютъ документы объ этихъ переговорахъ, начавшихся въ 1827 году. Герцогиня Орлеанская, супруга Луи-Филиппа, писала къ баронессѣ де-Фёшеръ письма, въ которыхъ благодарила ее за хлопоты объ усыновленіи герцога Омальскаго принцемъ Конде и увѣряла ее въ своей защитѣ. Вотъ одинъ отрывокъ изъ этой переписки: „Я очень признательна, писала герцогиня баронессѣ, за вашу заботливость, и повѣрьте, что если я дождусь счастія видѣть своего сына усыновленнымъ со стороны принца Конде, то вы всегда и при всякихъ обстоятельствахъ найдете для себя и для всѣхъ близкихъ къ вамъ въ насъ ту опору, которой требуете; признательность матери служитъ вамъ вѣрнымъ ручательствомъ за то.“ Но герцогъ Конде медлилъ уступить настояніямъ баронессы, и тогда герцогъ Орлеанскій присоединилъ свои личныя убѣжденія къ просьбамъ баронессы. 2 мая 1829 г. Луи-Филиппъ написалъ принцу Конде очень ловкое письмо, въ которомъ говорилъ о своей признательности къ баронессѣ де-Фёшеръ за ея хлопоты и о томъ, какъ пріятно будетъ видѣть ему одного изъ своихъ сыновей носящимъ славное имя Конде. Старикъ былъ смущенъ. Старинный эмигрантъ, онъ не любилъ Луи-Филиппа, фамилія котораго щеголяла либерализмомъ. Но онъ не зналъ, какъ сказать, что вовсе не имѣетъ того желанія, за которое благодаритъ его герцогъ; онъ боялся раздражить и баронессу, черезъ посредство которой приносилась ему слишкомъ ранняя благодарность. При томъ баронесса увѣряла его, что Карлъ X и всѣ Бурбоны желаютъ усыновленія, котораго она требуетъ. Вотъ отрывокъ одного изъ ея писемъ:

„Король и королевская фамилія желаютъ, чтобы вы избрали одного изъ родственныхъ вамъ принцевъ наслѣдникомъ вашего имени и состоянія. Они думаютъ, что я одна мѣшаю исполненію этого желанія. Умоляю васъ, освободите меня отъ этого тяжелаго положенія, избравъ себѣ наслѣдника. Этимъ вы обезпечите, мой милый другъ, благосклонность королевской фамиліи и менѣе несчастное будущее для вашей бѣдной Софіи.“ Принцъ Конде упрекалъ баронессу за то, что она, не спросивъ его мнѣнія, не разузнавъ о его намѣреніяхъ, вступила съ герцогомъ Орлеанскимъ въ переговоры о столь важномъ дѣлѣ. Но баронесса продолжала настаивать, говоря, что только усыновленіемъ герцога Омальскаго принцъ можетъ обезпечить ея собственную будущность, и наконецъ устроила свиданіе между принцемъ Конде и герцогомъ Орлеанскимъ. Ничего рѣшительнаго принцъ Конде не сказалъ на этомъ свиданіи; но герцогъ Орлеанскій приказалъ Дюпену старшему, своему повѣренному въ дѣлахъ, приготовить для герцога Конде проэктъ завѣщанія въ пользу принца Омальскаго. Это порученіе, какъ и всѣ переговоры, оставалось въ секретѣ. Но изготовленіемъ завѣщанія значительно облегчалось дѣло: имѣя готовую бумагу, баронесса де-Фёшеръ могла воспользоваться первою благопріятною минутою, чтобы получить подпись принца Конде. Она продолжала настаивать. Старикъ жаловался и сердился. Хлопоты баронессы о завѣщаніи лишали его покоя, и онъ проводилъ ночи безъ сна: „они хотятъ моей смерти, — говорилъ онъ — какъ только получатъ они то, чего желаютъ, моя жизнь будетъ въ опасности.“ Въ своемъ отчаяніи, онъ, чтобы избѣжать преслѣдованій баронессы де-Фёшеръ, вздумалъ наконецъ обратиться къ великодушію самаго герцога Орлеанскаго. „Дѣло, занимающее насъ, писалъ онъ герцогу 20 августа 1829, было начато ба-

ронессою де-Фёшеръ безъ моего вѣдома и нѣсколько легкомысленно; оно чрезвычайно тяжело для меня— вы сами могли это видѣть.“ Онъ умолялъ Луи-Филиппа просить баронессу де-Фёшеръ, чтобы она оставила свои требованія объ усыновленіи герцога Омальскаго, обѣщая ему „дать доказательство“ своего расположенія. Герцогъ Орлеанскій исполнилъ просьбу: отправился къ баронессѣ и въ присутствіи свидѣтеля, который могъ бы передать его слова принцу Конде, уговаривалъ ее прекратить свои настоянія. Само собою разумѣется, что баронесса де-Фёшеръ рѣшительно отказала ему и объявила, что не можетъ не хлопотать въ пользу его сына. Дѣйствительно, она продолжала свои хлопоты съ такимъ усердіемъ, что вечеромъ 29 августа одинъ изъ приближенныхъ людей принца, Сюрваль, которому принцъ уже и прежде жаловался на свои страданія по дѣлу о завѣщаніи, услышалъ въ комнатѣ принца крики и стоны. Онъ вошелъ въ комнату. Тамъ были баронесса де-Фёшеръ и принцъ, опечаленный и раздраженный. „Это страшное, жестокое дѣло! — воскликнулъ принцъ — приставляютъ мнѣ ножъ къ горлу, чтобы принудить меня сдѣлать актъ, столь непріятный для меня!“ Онъ схватилъ баронессу за руку и продолжалъ, сопровождая свои слова соотвѣтствовавшими ихъ смыслу жестами: „ну, чтожь? рѣжьте же мнѣ горло этимъ ножемъ,— рѣжьте?“ На другой день, 30 августа, принцъ Конде подписалъ завѣщаніе, по которому дѣлалъ принца Омальскаго своимъ наслѣдникомъ и завѣщалъ баронессѣ на десять милліоновъ франковъ имущества въ помѣстьяхъ и въ деньгахъ.

Это было ровно за одинадцать мѣсяцевъ передъ іюльской революціей. Черезъ нѣсколько времени придворные принца замѣтили перемѣну въ его отношеніяхъ къ баронессѣ: ея имя производило на него тяжелое впечатлѣніе, котораго онъ иногда не могъ

скрыть. Онъ по прежнему выказывалъ ей нѣжность, не жалѣлъ для нея денегъ, но въ его нѣжности къ ней замѣтенъ былъ страхъ. Онъ не распечатывалъ при ней получаемыхъ писемъ, какъ дѣлалъ прежде. Двумъ изъ своихъ приближенныхъ онъ сказалъ наконецъ, что хочетъ предпринять далекое путешествіе и просилъ ихъ держать этотъ проэктъ въ секретѣ, особенно отъ баронессы де-Фёшеръ. Время шло, и совершилась іюльская революція; отецъ принца Омальскаго сдѣлался королемъ французовъ. Между тѣмъ происходили у него съ баронессою странныя сцены. Утромъ 11 августа Манури, любимый камердинеръ принца, вошедши въ его спальную, увидѣлъ у старика царапину около глаза. Принцъ поторопился объяснить ему происхожденіе раны: „повернувшись на кровати, я ударился глазомъ о столикъ," сказалъ онъ. Манури замѣтилъ на это, что столъ ниже кровати и удариться о него нельзя. Черезъ нѣсколько минутъ Манури, разстилая коверъ въ туалетной комнатѣ принца, увидѣлъ подъ дверью потайной лѣстницы письмо и подалъ его принцу. Принцъ очень смутился, взглянувъ на письмо, и сказалъ: „я не умѣю хорошо лгать. Я сказалъ, что ушибся, повернувшись во снѣ на постели; нѣтъ, я хотѣлъ отворить дверь, упалъ и ударился виском о панель." Послѣ того принцъ просилъ Манури, чтобы онъ ложился спать у дверей его комнаты. Манури замѣтилъ, что прислуга будетъ говорить объ этомъ, потому что по ея понятіямъ принцу натуральнѣе было бы класть у дверей своей комнаты другаго камердинера, Леконта, который былъ рекомендованъ принцу баронессою де-Фёшеръ. „Нѣтъ, если такъ, лучше оставить эту мысль," отвѣчалъ принцъ.

Черезъ нѣсколько дней принцъ объявилъ одному изъ своихъ довѣренныхъ людей, капитану Шуло, что рѣшился уѣхать.

25 августа, за два дня до смерти принца, баронесса Фёшеръ взяла у Ротшильда вексель на Англію въ 500,000 франковъ. На другой день въ девятомъ часу утра служители принца слышали жаркую сцену въ его комнатѣ между нимъ и баронессою. Манури, когда вошелъ въ комнату, увидѣлъ его въ страшномъ разстройствѣ. Принцъ велѣлъ подать себѣ одеколона. Онъ послалъ за Шуло, который устроивалъ его секретную поѣздку. Но вечеромъ старикъ былъ довольно веселъ, играя въ вистъ съ баронессою де-Фёшеръ и двумя придворными. Уходя спать, онъ сдѣлалъ слугамъ дружескій жестъ, который удивилъ ихъ, показавшись имъ знакомъ прощанія. Это было вечеромъ 26 августа.

Спальная принца Конде соединялась небольшимъ коррндоромъ съ комнатами, въ которыхъ жили разныя лица его штата. Нѣкоторыя изъ нихъ легли спать не раньше двухъ часовъ, но они не слышали никакого шума въ спальной. Остальная часть ночи также прошла совершенно спокойно.

Утромъ (27 августа 1830 г.) камердинеръ принца Лекоитъ пошелъ въ 8 часовъ къ принцу, который наканунѣ приказалъ разбудить себя въ это время. Онъ постучалъ въ дверь — отвѣта не было. Онъ ушелъ и черезъ нѣсколько времени воротился съ Бонни, находившимся въ штатѣ принца; они снова постучались; отвѣта также не было. Леконтъ и Бонни, обезпокоенные, пошли сказать объ этомъ баронессѣ Фёшеръ. „Услышавъ мой голосъ, онъ будетъ отвѣчать," сказала она и пошла вмѣстѣ съ ними. Но отвѣта не было по прежнему. Между тѣмъ весь домъ уже встревожился. Сошлись слуги. Манури желѣзнымъ ломомъ выбилъ дверь и вошелъ въ спальную принца вмѣстѣ съ Леконтомъ и Бонни. Ставни, бывшіе у оконъ извнутри, были затворены, въ комнатѣ было очень темно, на каминѣ горѣла свѣча,

но она стояла за экраномъ, скрывавшимъ свѣтъ. При этомъ слабомъ освѣщеніи вошедшіе служители увидѣли голову принца прислоненною ко внутреннему ставню одного изъ оконъ: фигура старика имѣла такое положеніе, какъ будто бы онъ подслушивалъ, что говорятъ за окномъ. Манури поспѣшно раскрылъ ставни другаго окна. Тутъ увидѣли, что такое произошло: принцъ Конде былъ повѣшенъ, или лучше сказать прицѣпленъ къ задвижкѣ ставня. Всѣ бросились въ спальную. Баронесса Фёшеръ съ воплемъ упала на кресло.

Герцогъ былъ привязанъ къ задвижкѣ ставня двумя носовыми платками, связанными въ одну веревку. Конецъ одного платка былъ привязанъ къ задвижкѣ, другой платокъ обвязанъ около шеи. Но этотъ платокъ, окружавшій шею, былъ связанъ неподвижнымъ узломъ, а не петлею, которая могла бы удушить; онъ не сдавливалъ шеи и былъ повязанъ такъ слабо, что вошедшіе люди легко всовывали пальцы между нимъ и шеею. Голова мертваго свѣсилась на грудь, лице его было блѣдно. Языкъ у него не былъ высунутъ, какъ высовывается у людей, удушаемыхъ петлею; руки были сложены, колѣна подогнуты и пальцы ногъ касались пола. Всѣ эти обстоятельства въ положеніи тѣла противорѣчили мысли о самоубійствѣ.

Явилось мѣстное начальство, потомъ король прислалъ высшихъ сановниковъ. Принцъ Луп-Роганъ, который былъ бы наслѣдникомъ принца Конде, если бы Конде умеръ безъ завѣщанія, не былъ увѣдомленъ о его смерти: онъ только изъ газетъ узналъ о кончинѣ человѣка, наслѣдство послѣ котораго отнималось у него завѣщаніемъ, неизвѣстнымъ ему до той поры.

Были составлены протоколы о положеніи, въ которомъ нашли тѣло, и состояніи комнаты. Эти протоколы говорили о самоубійствѣ. Главнымъ доводомъ

въ подтвержденіе мысли о самоубійствѣ было обстоятельство, ничтожность котораго раскрылась позднѣйшимъ слѣдствіемъ: спальная извнутри была заперта задвижкою, такъ что безъ шума нельзя было войти въ нее. Но потомъ, когда начали пробовать, нельзя ли отодвинуть задвижку снаружи, оказалось, что можно было снаружи продѣть сквозь дверь ленту и отодвигать задвижку. Предположили, что принцъ для совершенія самоубійства сталъ на стулъ, съ котораго потомъ спустился. Но стулъ этотъ находился такъ далеко отъ тѣла, что отъ этого предположенія должны были потомъ отказаться даже люди, его высказавшіе.

Въ противность протоколамъ, говорившимъ о самоубійствѣ, свидѣтельствовали всѣ обстоятельства. Дряхлость принца, вялость его характера, извѣстная его религіозность, ужасъ, какой внушала ему одна мысль о смерти, его мнѣніе о самоубійствѣ, какъ о дѣлѣ трусливомъ и низкомъ, веселость, которую онъ обнаруживалъ въ предыдущіе дни,—всѣ эти соображенія разрушали догадку, порожденную тѣмъ обстоятельствомъ, что дверь была заперта. Всѣ вещи, найденныя въ комнатѣ принца, показывали, что, приготовляясь спать, онъ располагалъ провести слѣдующій день, какъ всегда проводилъ свои дни. Карманные часы его, лежавшіе на каминѣ, были заведены вечеромъ, по его обыкновенію, а подъ изголовьемъ лежалъ его носовой платокъ, завязанный узелкомъ на концѣ, какъ онъ дѣлалъ, ложась спать, когда хотѣлъ напомнить себѣ этимъ узелкомъ что нибудь на слѣдующее утро. Самое тѣло висѣло такъ, что упиралось ногами въ полъ. Одинъ изъ лакеевъ принца, Романцо, путешествовавшій по Турціи и по Египту и видѣвшій много повѣшенныхъ, говорилъ, что тѣло принца вовсе не имѣетъ такого вида, что у повѣшенныхъ цвѣтъ лица бываетъ не блѣдный, а черный, что глаза у нихъ

остаются открытыми и языкъ высовывается изо рта, — этихъ признаковъ не было въ тѣлѣ принца. Тоже самое подтверждалъ другой слуга, ирландецъ Файфъ, также видѣвшій много повѣшенныхъ. Когда стали отвязывать трупъ отъ окна, Романцо только съ большимъ трудомъ успѣлъ развязать узелъ платка, прикрѣпленный къ задвижкѣ ставня, — такъ искусно былъ сдѣланъ этотъ узелъ. Между тѣмъ вся прислуга принца знала, что онъ не умѣетъ даже завязать лентъ на своихъ башмакахъ, по чрезвычайной неловкости. Кромѣ того кисть правой руки его имѣла сабельную рану, а ключица лѣвой руки была сломана, такъ что онъ не могъ поднять лѣвую руку къ шеѣ, стало быть не могъ завязать платка, ее окружавшаго; и дѣйствительно, когда онъ повязывалъ галстухъ, ему долженъ былъ помогать камердинеръ. Протоколы говорили, что онъ становился на стулъ, чтобы повѣситься. Но этотъ стулъ былъ слишкомъ далеко отъ тѣла и притомъ всѣ знали, что принцъ съ трудомъ можетъ поднимать ногу даже на одну ступень лѣстницы: онъ могъ всходить на лѣстницу не иначе, какъ держась одною рукою за перила, а другою рукою опираясь на палку; трудно было такому разслабленному старику взлѣсть на стулъ и удержаться на немъ.

Мало того, были признаки, указывавшіе, что ночью кто-то входилъ въ комнату. Принцъ почти никогда не надѣвалъ туфлей и онѣ почти всегда оставались у кресла, на которомъ онъ раздѣвался. Теперь туфли стояли у постели. Прислуга, убиравшая вечеромъ постель, всегда вдвигала ее въ глубину алькова; такъ была придвинута кровать и вечеромъ 26 числа; теперь кровать была найдена отодвинутой отъ стѣны на полтора фута. Когда вошли въ спальную, на каминѣ стояли двѣ восковыя свѣчи, недогорѣвшія и погашенныя: кто могъ погасить ихъ,—неужели принцъ? Неужели онъ нарочно оставилъ себя въ темнотѣ, за-

нимаясь многосложными приготовленіями къ самоубійству.

Баронесса де-Фёшеръ защищала предположеніе о самоубійствѣ. Но странно было, что, рѣшаясь на самоубійство, онъ не написалъ ни одного слова прощанья, не подумалъ о томъ, чтобы избавить отъ подозрѣнія служителей, которыхъ любилъ. Для освидѣтельствованія трупа были присланы три доктора: они рѣшили, что принцъ самъ лишилъ себя жизни, повѣсившись у окна. Но двое изъ нихъ находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ дворомъ; а докторъ принца не былъ приглашенъ присутствовать при освидѣтельствованіи тѣла. Одинъ изъ людей, не вѣрившихъ самоубійству, Мери Лафонтенъ, доказалъ, что принцу нельзя было умереть въ томъ положеніи, какъ его нашли: онъ самъ привязывалъ шею къ задвижкѣ окна и опускался на полъ, принимая позу, въ какой нашли тѣло: петля не душила его въ этой позѣ. Къ довершенію всѣхъ сомнѣній въ самоубійствѣ найдено было новое обстоятельство. Кромѣ обыкновенной двери, запертой задвижкою, въ спальную принца вела другая потайная дверь и одинъ изъ свидѣтелей, вошедшихъ въ комнату утромъ 27 августа, утверждалъ, что дверь эта не была заперта.

Мало по малу предположеніе о самоубійствѣ стало казаться для всѣхъ невѣроятнымъ. Аббатъ Пелье, хоронившій Конде, сказалъ въ надгробномъ словѣ: „Принцъ невиненъ передъ Богомъ въ своей смерти.“ Правительство не захотѣло напечатать эту проповѣдь въ Монитёрѣ.

Въ протоколахъ, говорившихъ о самоубійствѣ, были найдены неточности и натяжки. Общая молва заставила правительство произвесть слѣдствіе. Но когда слѣдователь, де-ла-Гюпруа, сталъ ревностно заниматься раскрытіемъ обстоятельствъ, его уволили въ отставку, но въ замѣнъ того дали его зятю должность,

о которой давно хлопоталъ де-ла-Гюпруа. Слѣдствіе о смерти принца Конде перешло въ другія руки и дѣло скоро было замято.

Молва винила въ смерти принца баронессу де-Фёшеръ; она сначала тревожилась, но скоро стала спокойна. Она была приглашена ко двору и весь Парижъ изумлялся такому приглашенію; подозрѣнія усилились; говорили, что самъ Луи-Филиппъ долженъ быть соучастникомъ въ ея преступленіи. Ему оставалось одно средство очиститься отъ подозрѣній: онъ долженъ былъ бы отказаться за своего сына отъ наслѣдства Конде. Но это наслѣдство простиралось до нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ, и такая жертва была выше силъ Луи-Филиппа. Наканунѣ своего восшествія на престолъ, онъ передалъ дарственною записью своимъ дѣтямъ громадныя родовыя имѣнья Орлеанскаго дома, чтобы уклониться отъ дѣйствія закона, по которому личное имущество человѣка, восходящаго на французскій престолъ, становилось государственнымъ имуществомъ. Этотъ дарственный актъ уже возбудилъ чрезвычайное неудовольствіе, поднялъ ропотъ о своекорыстіи. Теперь, черезъ три недѣли послѣ начала новаго правительства, дѣло о смерти принца Конде дало пищу новому, еще болѣе черному подозрѣнію. Конечно нельзя раздѣлять нелѣпыхъ тогдашнихъ подозрѣній о прямомъ соучастіи Луи-Филиппа въ смерти принца Конде; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что принцъ былъ насильственно лишенъ жизни, что виновницей его смерти была баронесса де-Фёшеръ, которая опасалась, что принцъ ускользнетъ изъ подъ ея власти и перемѣнитъ завѣщаніе, или хотѣла поскорѣе вступить во владѣніе завѣщанными ей богатствами. Не подлежитъ сомнѣнію то, что Луи-Филиппъ покровительствовалъ подозрѣваемой баронессѣ и почелъ нужнымъ затушить дѣло, результатовъ котораго опасалась ба-

ронесса: если бы она не боялась строгаго изслѣдованія, не нужны были бы усилія придать дѣлу тотъ оборотъ, которымъ отстранялась юридическая опасность, но усиливались подозрѣнія. Покровительство баронессѣ де-Фёшеръ по смерти принца Конде было очень вредно для репутаціи самаго Луи-Филиппа. Но все равно, наконецъ, была ли виновна баронесса въ смерти своего любовника, или онъ самъ лишилъ себя жизни, во всякомъ случаѣ неоспоримымъ фактомъ остаются продолжительныя интриги, веденныя Луи-Филиппомъ вмѣстѣ съ этой женщиной для принужденія слабаго старика завѣщать свое безмѣрное богатство принцу Омальскому. Эта часть дѣла доказана документами, а она уже и сама по себѣ очень дурна.

Мы пропускаемъ дипломатическія сношенія, вниманіе къ которымъ только отвлекаетъ и народы, и исторію отъ мыслей о развитіи внутреннихъ учрежденій; т. е. отъ предметовъ, исключительно имѣющихъ существенную важность для благосостоянія обществъ. Довольно замѣтить общій характеръ впечатлѣнія, произведеннаго на Францію первыми дѣйствіями внѣшней политики Луи-Филиппа. Подобно русской и англійской націямъ, французская нація достигла такой государственной силы, что не нуждается ни чьей снисходительности для своего независимаго существованія. Ни англичане, ни нѣмцы, никакой другой народъ не могли имѣть въ 1830 г. ни малѣйшей претензіи вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, утверждать своимъ согласіемъ, или колебать своимъ неодобреніемъ перемѣны въ ней происшедшія. Потому французы были справедливы, оскорбляясь униженнымъ смиреніемъ, съ какимъ Луи-Филиппъ выпрашивалъ у иноземныхъ державъ своего признанія королемъ французовъ. Роль, которая могла быть прилична бельгійцамъ, просившимъ признанія своей самостоятельности у Европы, не годилась для

Франціи, имѣющей силы достаточныя для того, чтобы держать себя независимо. Другимъ источникомъ неудовольствія внутри самой Франціи было положеніе, принятое правительствомъ Луи-Филиппа относительно слабыхъ государствъ, увлеченныхъ къ внутреннимъ переворотамъ событіями іюльскихъ дней. Во многихъ мѣстахъ Европы произошли волненія, имѣвшія ту же цѣль, какъ іюльскій переворотъ. Принципы, вводимые въ государственную жизнь второстепенныхъ итальянскихъ и другихъ государствъ этими движеніями, были несогласны съ принципами остальныхъ сильныхъ континентальныхъ государствъ, которыя начали дѣйствовать враждебно имъ. Рѣдко можно ожидать пользы для народа отъ иноземныхъ вооруженныхъ вмѣшательствъ, хотя бы они производились и подъ предлогомъ освобожденія народовъ, получающихъ иноземную помощь, которая обыкновенно приводитъ только къ новому порабощенію. Но если Франція не должна была жертвовать своими солдатами и деньгами на вооруженную пропаганду конституціонныхъ принциповъ, то она могла выказывать серьезную симпатію къ реформамъ, произведеннымъ другими государствами въ духѣ ея собственныхъ учрежденій; она могла поддерживать ихъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ, могла и должна была требовать, чтобы всѣ европейскія державы уважали независимость своихъ слабыхъ сосѣдей. Правительство Луи-Филиппа не отваживалось дѣлать и этого. Оно не осмѣливалось говорить въ своемъ духѣ такимъ же языкомъ, какимъ въ своемъ духѣ говорили Пруссія и особенно Австрія: ему казалось, что оно должно смиреніемъ и уступчивостью покупать терпимость самому себѣ со стороны великихъ континентальныхъ державъ. Наконецъ, Бельгія, освободившаяся безъ помощи Франціи, готова была присоединиться къ ней. Нельзя любить расширенія границъ, пріобрѣтаемаго покореніемъ чуждыхъ

національностей,—но бельгійцы такъ близки къ французамъ, что чувствовали бы себя одною съ ними націею, если бы Франція приняла ихъ готовность соединиться съ нею. Правительство Луи-Филиппа не отваживалось воспользоваться желаніемъ бельгійцевъ. Когда, не находя въ немъ такой рѣшимости, бельгійцы выбрали своимъ королемъ принца Немурскаго, втораго изъ сыновей Луи-Филиппа, новый король французовъ не захотѣлъ принять и этого предложенія, боясь оскорбить другія державы.

Такая смиренная робость могла происходить только изъ одного источника: Луи-Филиппъ хотѣлъ доказать континентальнымъ правительствамъ, что онъ достоинъ ихъ дуужбы, что онъ хочетъ по возможности держаться тѣхъ же принциповъ, какихъ держались они, т. е. принциповъ, отъ которыхъ Франція отказалась съ конца прошлаго вѣка. Боязнь новаго порядка дѣлъ, пристрастіе къ старому порядку, господствовавшему до революціи и имѣвшему своими представителями Бурбоновъ, ясно выказывалась внѣшнею политикою Луи-Филиппа. Изъ того же самаго источника возникало его желаніе защитить бывшихъ министровъ Карла X, дѣло которыхъ подало первый случай къ открытому столкновенію новаго правительства съ сословіями и партіями, низвергнувшими Бурбоновъ, и послужило поводомъ къ удаленію изъ его кабинета людей, бывшихъ связью между нимъ и прогрессивною частью націи.

Увидѣвъ свое пораженіе въ іюльскіе дни, министры Карла X хотѣли скрыться за границу. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось спастись. Но четырехъ успѣли арестовать. Это были: Полиньякъ, предсѣдатель совѣта министровъ, служившій слѣпымъ орудіемъ Карла X; Перонне, бывшій самымъ усерднымъ исполнителемъ плана, составленнаго Карломъ X и Полиньякомъ, человѣкъ замѣчательнаго ума и твердаго характера и

потому виновный болѣе самаго Карла и Полиньяка, которые не понимали, что дѣлали, между тѣмъ какъ онъ очень хорошо зналъ, къ чему ведетъ дѣло и какими средствами надобно будетъ защищать его; Шантлозъ и Гернонъ-Ранвиль. Они были отвезены въ Венсенскій замокъ. Палата депутатовъ назначила изъ своей среды трехъ коммиссаровъ для обвиненія ихъ передъ палатою перовъ. Арестованные министры хотѣли отнять у Франціи права, составлявшія основу новаго порядка вещей; они подписали повелѣнія, которыми возстановлялся безотчетный произволъ; они приказали войскамъ стрѣлять по народу. Факты были безспорны, не было сомнѣнія въ томъ, какому наказанію подвергнетъ законъ этихъ ослѣпленныхъ или злонамѣренныхъ людей: они подлежали смертной казни. Луи-Филиппъ хотѣлъ спасти ихъ, потому что самъ становился во вражду съ порядкомъ дѣлъ, который хотѣли они низвергнуть.

Если бы милосердіе происходило изъ чистаго источника, оно могло бы совершиться открыто и благородно. Если бы Луи-Филиппъ сознавалъ, что вѣрно служитъ новому порядку вещей, если бы онъ чувствовалъ, что его нельзя подозрѣвать въ пристрастіи къ старому порядку, или что онъ можетъ своими дѣлами опровергнуть такое подозрѣніе, онъ спокойно далъ бы процессу министровъ идти прямымъ путемъ, и, когда судъ произнесъ бы приговоръ, онъ смѣло могъ бы смягчить его, какъ внушала ему кротость: имѣя по закону право помилованія, онъ могъ бы не только сохранить жизнь осужденныхъ, но даже избавить ихъ отъ заключенія, просто выславъ ихъ за границу для ихъ собственнаго спокойствія на время, пока заглохнетъ свѣжая ненависть къ нимъ. Но человѣкъ можетъ открыто и благородно прощать только тогда, когда прощеніе для всѣхъ покажется милостью къ врагамъ, а не потворствомъ. Луи-Филиппъ придумалъ косвенное

средство спасти жизнь министровъ Карла X. Способъ, имъ избранный, замѣчателенъ потому, что превосходно характеризуетъ всегдашнее искусство его пріискивать очень благовидныя формы для удовлетворенія потребностямъ, вытекавшимъ изъ личнаго разсчета. Новый король говорилъ: „мой отецъ умеръ на эшафотѣ," и плакалъ, увѣряя, что хочетъ уничтожить смертную казнь.

При всѣхъ дурныхъ сторонахъ своего характера, Луи-Филиппъ не можетъ быть обвиняемъ въ жестокости. Но кротость, за которую хвалятъ его, не простиралась въ немъ до того, чтобы онъ дѣйствительно считалъ смертную казнь дѣломъ безчеловѣчнымъ, вреднымъ для общества, преступнымъ, какъ слѣдуетъ ее считать. Если бы онъ дѣйствительно такъ думалъ, онъ имѣлъ бы очень много случаевъ провести черезъ палаты уничтоженіе смертной казни: онъ царствовалъ 18 лѣтъ, и въ послѣдніе годы своего правленія дѣлалъ во Франціи все, что хотѣлъ, пользуясь подъ конституціонными формами неограниченною властью. Но онъ не уничтожилъ смертной казни, и вовсе не стремился къ тому, чтобы уничтожить ее: съ окончаніемъ процесса министровъ Карла X, миновалась для него надобность желать этого. Желаніе, которое выражалъ онъ въ началѣ правленія, прямо имѣло своею цѣлью спасеніе министровъ Карла X. Такъ оно и было понято тогда же.

17 августа, Викторъ де-Трасн предложилъ палатѣ депутатовъ уничтоженіе смертной казни. Коммиссія, назначенная для разсмотрѣнія предложенія, 6 октября предложила отсрочить это дѣло. Но палата, одушевленная рѣчами Лафайетта и тогдашняго министра юстиціи, республиканца Дюпонъ-Делёра, бывшаго въ 1848 году президентомъ временнаго правительства, рѣшила послать королю адресъ, въ которомъ просила его представить черезъ министровъ проэктъ закона

объ отмѣненіи смертной казни, если не за всѣ, то за нѣкоторыя преступленія. Но въ самыхъ преніяхъ объ адресѣ было высказано, что дѣло собственно ведется не для рѣшенія общаго юридическаго вопроса, а только для спасенія жизни министровъ Карла X. Работники, недовольные уже тѣмъ, что судъ надъ Полиньякомъ и его товарищами предоставлялся палатѣ перовъ, учрежденію очень непопулярному, стали роптать.

„Къ чему ведется это дѣло? говорили они:—для преступниковъ изъ простонародья, хотятъ оставить эшафотъ, а знатнымъ преступникамъ дать безнаказанность. Если какой нибудь несчастный, доведенный до преступленія нищетой или отчаяніемъ, совершитъ убійство, никто не станетъ избавлять его отъ руки палача; каждый почелъ бы стыдомъ обнаружить состраданіе къ его преступленію, порожденному несчастіемъ. Но когда люди знатные и богатые, которымъ поручена судьба государства, приносятъ въ жертву своей гордости тысячи людей, заставляютъ братьевъ рѣзаться между собой, и когда прійдетъ для этихъ людей часъ наказанія, всѣ говорятъ о милосердіи, и законъ теряетъ свою строгость.“

Парижъ волновался. На улицахъ явились афиши, возбуждавшія народъ дѣйствовать. 18 октября, собрались толпы и ходили по городу. Онѣ направились къ Пале-Роялю со знаменемъ, на которомъ было написано: „смерть министрамъ!“ Рѣшетку пале-роялскаго сада успѣли запереть. Національная гвардія пришла на защиту дворца. Толпа, не успѣвшая войти во дворецъ, пошла на Венсенскій замокъ съ криками: смерть министрамъ! Генералъ Дюмениль, командовавшій замкомъ, вышелъ навстрѣчу народу, и сталъ говорить, что взорветъ на воздухъ башню, въ которой находились министры, если не будетъ въ силахъ защитить ее. Толпа вернулась, и опять прошла мимо Пале-Рояля съ криками, требовавшими смерти министровъ Карла X.

Національная гвардія выказала рѣшимость защищать правительство. На другой день король благодарилъ ее.

Въ этихъ безпорядкахъ были обвиняемы демократическіе клубы; но они не играли въ нихъ никакой роли, потому что сами члены клубовъ были несогласны между собой въ вопросѣ о судьбѣ министровъ Карла X. Напримѣръ, въ самомъ сильномъ клубѣ, Обществѣ Друзей Народа одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей, Рошъ, чрезвычайно горячо говорилъ противъ предложенія требовать смертной казни вензенскихъ плѣнниковъ, и клубъ разошелся, не принявъ предложенія.

Уличныя волненія испугали министерство. Оно объявило въ „Монитерѣ," что немедленное отмѣненіе смертной казни кажется ему невозможнымъ.

Сенскимъ префектомъ былъ тогда Одилонъ-Барро, пользовавшійся большою популярностью, которой не заслуживалъ. По своимъ понятіямъ, онъ мало отличался отъ Гизо, Броли и другихъ доктринеровъ, но королю не нравилась его грубоватая прямота и нерасположеніе къ придворнымъ. Луи-Филиппъ давно искалъ случая избавиться отъ него. Теперь случай нашелся. Одилонъ-Барро издалъ прокламацію, въ которой, строго порицая безпорядки, называлъ несвоевременнымъ адресъ, представленный королю палатою. Король рѣшился отставить его. Но Лафайетъ былъ другомъ Одилона-Барро; Дюпонъ-Делёръ находилъ, что онъ очень полезенъ своею популярностью; оба они сказали, что скорѣе выйдутъ въ отставку, нежели согласятся на отставку Одилона-Барро. Въ совѣтѣ министровъ были жаркіе споры, кончившіеся очень рѣзкою сценою между Луи-Филиппомъ и Дюпонъ-Делёромъ. Король сказалъ, что Лафайетъ согласился на отставку Одилона-Барро. „Нѣтъ, государь, вы ошибаетесь."—„Я самъ отъ него это слышалъ," отвѣчалъ король.—„Позвольте мнѣ повторить, государь, что вы ошибаетесь, повторилъ Дюпонъ, славившійся

чрезвычайною правдивостью: — Лафайетъ говорилъ мнѣ противное, и я не считаю его способнымъ противорѣчить самому себѣ до такой степени." — Луи-Филиппъ вспыхнулъ. — „Впрочемъ, будемъ говорить только обо мнѣ, продолжалъ Дюпонъ: — если Одилонъ-Барро получитъ отставку, я возобновляю вашему величеству просьбу принять и мою отставку." — „Но поутру вы говорили мнѣ не то." — „Говорилъ вамъ? нѣтъ, государь, я утверждаю, что вы ошибаетесь." — „Какъ? вы говорите, что мои слова несправедливы? Публика узнаетъ, что вы оскорбили меня." — „Государь, когда король скажетъ да, и Дюпонъ-Делёръ скажетъ нѣтъ, я не знаю, кому изъ нихъ повѣритъ Франція." — Министры были смущены этою рѣзкою сценою. Дюпонъ всталъ и хотѣлъ уйти. Герцогъ Орлеанскій, старшій сынъ Луи-Филиппа, присутствовавшій въ совѣтѣ, бросился къ Дюпону, схватилъ его за руки, подвелъ его къ королю и сказалъ: „г. Дюпонъ честный человѣкъ; все это должно быть недоразумѣніемъ." Король обнялъ министра, и Дюпонъ согласился остаться министромъ. Король видѣлъ, что ему еще невозможно открытымъ образомъ разорвать связи съ прогрессивною партіею, которой онъ былъ обязанъ престоломъ и представителемъ которой въ министерствѣ былъ Дюпонъ-Делёръ. Одилонъ-Барро сохранилъ свою должность. Это служило явнымъ пораженіемъ большинству министровъ, которые были враждебны прогрессистамъ. Всѣ эти консерваторы (Броли, Гизо, Моле, Казиміръ Перье, Дюпонъ старшій и Биньонъ) подали въ отставку. Король при помощи Лафита убѣждалъ ихъ примириться съ Дюпономъ. Всѣ усплія были напрасны. Консерваторы уже чувствовали, что близко время, когда они могутъ захватить власть одни, не допуская никого изъ прогрессистовъ раздѣлять ее. Шесть министровъ остались при своей просьбѣ объ отставкѣ и такимъ образомъ, если король еще сохранялъ видъ

иейтральности между прогрессистами и консерваторами, то сами консерваторы уже отвергали всякія уступки прогрессистамъ, которымъ были обязаны іюльскою побѣдою. Это было въ концѣ октября, всего черезъ три мѣсяца послѣ побѣды.

Положеніе дѣлъ представлялось затруднительнымъ, Парижъ сильно волновался; лозунгомъ волненія былъ крикъ: „смерть министрамъ Карла X!“ но судьба этихъ преступныхъ слѣпцовъ служила только ничтожнымъ предлогомъ, по которому обнаруживалось недовольство и недовѣріе къ общей политикѣ Луи-Филиппа. Подъ политическими признаками неудовольствія скрывались по обыкновенію другіе — соціальные. Всякій политическій кризисъ влечетъ за собой нѣкоторое разстройство промышленныхъ дѣлъ. Какъ бы ни были выгодны для благосостоянія націи прочныя послѣдствія какой нибудь крутой перемѣны, но на первый разъ она производитъ паденіе биржевыхъ курсовъ, стѣсненіе кредита, задержку въ торговыхъ заказахъ и фабричной дѣятельности. Такъ было и послѣ іюльской революціи. Она оставила многихъ работниковъ безъ занятій, отняла хлѣбъ у тѣхъ самыхъ, руками которыхъ была произведена. Новое правительство ничего не сдѣлало, чтобы облегчить имъ перенесеніе кризиса. Это также въ порядкѣ вещей. Волненія, происходившія въ Парижѣ, повторялись во многихъ провинціальныхъ городахъ.

При затруднительности положенія мало было охотниковъ принимать министерскіе портфели. Просьбы короля отвергались всѣми, кого онъ просилъ вступить въ кабинетъ. Онъ обратился къ Лафиту, который въ то время былъ безгранично преданъ ему и пользовался чрезвычайною популярностью, считаясь однимъ изъ главныхъ виновниковъ переворота, хотя въ самомъ дѣлѣ былъ только однимъ изъ главныхъ виновниковъ того, что переворотъ кончился возведе-

ніемъ Луи-Филиппа на престолъ. Богатства Лафита передъ іюльскою революціею были безмѣрны, но промышленный кризисъ коснулся и его. Больше чѣмъ когда нибудь, ему слѣдовало сосредоточить все вниманіе на своихъ банкирскихъ дѣлахъ. Но изъ преданности къ королю онъ взялся и успѣлъ составить министерство подъ своимъ предсѣдательствомъ. Дюпонъ остался министромъ юстиціи, другія министерства были приняты людьми, лично преданными Луи-Филиппу (Себастіани, Монталиве, Жерарь, Мезонъ и Мерлью).

При парламентской формѣ правленія каждая важная перемѣна требуетъ объясненій въ палатѣ депутатовъ. Лица, вышедшія въ отставку, излагаютъ причины своего удаленія; лица, оставшіяся въ должности или вступившія въ должность, разсказываютъ дѣло съ своей точки зрѣнія. Эти объясненія произошли 9 и 10 ноября. Гизо, говорившему отъ имени отставныхъ министровъ, надобно отдать ту справедливость, что онъ очень прямо опредѣлилъ свою систему, которой держалось и большинство палаты. „Въ чемъ состоитъ характеръ іюльской революціи? сказалъ онъ. Она перемѣнила династію. Перемѣняя, она старалась прежнюю замѣнить такой, которая бы была какъ можно ближе къ этой прежней, и общественный инстинктъ склонилъ націю ограничить перемѣну самыми тѣсными предѣлами.“ Нѣкоторые члены министерства, продолжалъ Гизо, хотѣли развить изъ іюльской революціи новыя учрежденія. „Мы, я и мои друзья, отказались продолжать такимъ образомъ революцію.“ Кромѣ крайней лѣвой стороны, вся палата апплодировала ему.

Дѣло было представлено въ настоящемъ своемъ видѣ. Прогрессисты могли быть недовольны тѣмъ, что факты имѣли такой, а не иной характеръ; но факты были дѣйствительно таковы, какъ ихъ опредѣлялъ Гизо. Переворотъ въ самомъ дѣлѣ былъ поведенъ такъ, чтобы имѣть самые узкіе предѣлы. Тѣ, которые хо-

тѣли новыхъ учрежденій, должны были понять, что реформы могутъ вытекать развѣ изъ новыхъ событій, а не изъ іюльской революціи, получившей характеръ простой замѣны прежняго короля ближайшимъ его родственникомъ съ нѣкоторыми мелочными уступками потребностямъ общества, оставшимся въ сущности неудовлетворенными. Такимъ образомъ консерваторы справедливо говорили, что кто хочетъ важныхъ реформъ, тотъ хочетъ новаго переворота, справедливо называли прогрессистовъ революціонерами. Кто не одобряетъ политику Гизо и Луи-Филиппа, можетъ развѣ прибавить, что революціонный характеръ прогрессивныхъ стремленій во Франціи проистекалъ изъ этой политики. Власть не хотѣла и теперь, какъ при Бурбонахъ, соглашаться на реформы, требуемыя положеніемъ общества. Эти реформы были бы безвредны или даже выгодны для нея, еслибъ она искренно и твердо помогала имъ; но она поставила безусловною своею цѣлью отвергать ихъ, и потому стремленіе къ реформамъ нашло первымъ условіемъ для своего успѣха низверженіе власти.

На другой день президентъ совѣта министровъ Лафитъ отвѣчалъ на слова Гизо. Человѣкъ мягкаго характера, онъ старался доказать, что разница между вышедшими и вступившими министрами не такъ велика, какъ утверждалъ суровый Гизо. Онъ говорилъ, что „никто изъ министровъ не хотѣлъ и не хочетъ слишкомъ большихъ перемѣнъ,“ что разногласіе было только въ томъ, какія перемѣны могутъ быть произведены безъ всякаго нарушенія существующаго порядка. Министры, вышедшіе въ отставку, полагали, что уже пора совершенно остановиться; онъ и новые министры думаютъ, что можно еще кое-что сдѣлать, не нарушая установившихся отношеній. „Никакого существеннаго разногласія въ системѣ не было, сказалъ онъ, между членами прежняго кабинета,“ то

есть между Дюпономъ съ одной стороны и Гизо съ другой. Либеральная часть консерваторовъ осталась недовольна такими словами. Эти почтенные люди воображали, что цѣлая бездна отдѣляетъ ихъ вмѣстѣ съ Лафитомъ и Одилономъ-Барро отъ безусловныхъ консерваторовъ въ родѣ Гизо. Они обольщали себя. Разница была только въ томъ, что они любили нѣкоторыя слова, непріятныя для безусловныхъ консерваторовъ; особенно слово революція. Одни говорили „наша славная революція," другіе говорили „революція опасна." Но въ чемъ должны состоять существенные результаты этой революціи, объ партіи были согласны. Результатами ея они признавали вещи уже принятыя въ законъ. Одни вовсе не хотѣли отвергать этихъ давнихъ пріобрѣтеній: равенства передъ закономъ, уничтоженія сословныхъ привилегій, парламентской формы; другіе не думали, чтобы для удовлетворенія общественной потребности нужно было произвесть новыя реформы, столь же глубокія какъ эти принципы, бывшіе лозунгомъ еще въ 1789 году.

Разница между партіею либеральныхъ и партіею нелиберальныхъ приверженцевъ іюльской монархіи была, какъ видимъ, дѣйствительно не велика, и Лафитъ, если не понималъ этого умомъ, то уже говорилъ это по мягкости характера. Но большинство не только средняго сословія, но и городскихъ работниковъ еще обольщались поверхностными несогласіями двухъ партій въ неважныхъ подробностяхъ. Простолюдины еще воображали, что имѣютъ защитниковъ въ либералахъ подобныхъ Лафиту, Одилону-Барро, и популярность этихъ людей была очень велика. Еще не утвердившись въ своемъ новомъ положеніи, еще не собравъ силъ для отпора грозившимъ революціоннымъ порывамъ, Луи-Филиппъ могъ въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени держаться только помощью популярности Лафита и другихъ, именами которыхъ оболь-

щались простолюдины. Если былъ когда человѣкъ обязанный безусловною признательностью къ другому человѣку, это былъ Луи-Филиппъ въ отношеніи къ Лафиту. Трудно сказать, удалось ли бы ему получить престолъ безъ Лафита. Онъ теперь держался на престолѣ также преданностью Лафита и его друзей. Кромѣ этихъ политическихъ правъ на признательность Луи-Филиппа, Лафитъ имѣлъ права на его расположеніе, какъ частнаго человѣка: онъ былъ личнымъ его другомъ. Но то качество характера, которое выражалось въ дѣлахъ Луп-Филиппа съ баронессою дефёшеръ и принцемъ Конде, не пощадило и самаго Лафита.

Мы говорили, что банкирскія дѣла Лафита были затруднены промышленнымъ кризисомъ. Ему нужны были деньги. Онъ вздумалъ продать одно изъ своихъ имѣній—Бретёльскій лѣсъ. Покупщикомъ явился Луи-Филиппъ. Для Лафита было необходимо, чтобы продажа оставалась нѣсколько времени секретомъ: слухъ о ней, открывая его денежное стѣсненіе, поколебалъ бы его фирму. Потому онъ условился съ королемъ, чтобы купчая крѣпость не была записываема у нотаріуса. Но черезъ нѣсколько времени Луи-Филиппъ передумалъ: ему казалось, что безопаснѣе исполнить юридическую формальность, хотя бы она свидѣтельсвовала о недовѣріи къ Лафиту и была вредна его дѣламъ. 18 ноября Лафитъ получилъ отъ Луи-Филиппа записку, которая извѣщала его, что король приказалъ своему повѣренному записать купчую крѣпость у нотаріуса. Такое немедленное нарушеніе слова изъ мелочной и неумѣстной разсчетливости глубоко оскорбило Лафита. Онъ промолчалъ. Но съ того времени поселилось въ немъ недовѣріе къ словамъ короля. Онъ сталъ думать, что необходимо соблюдать осторожность въ сношеніяхъ съ Луи-Филиппомъ, и чтобы избавиться въ политикѣ отъ такого же обмана, какому подвергся

въ своихъ частныхъ дѣлахъ, рѣшился произнесть въ палатѣ рѣчь, которая излагала бы систему министерства и служила бы для него самаго гарантіей противъ двоедушія Луи-Филиппа. Когда эта рѣчь предварительно читалась въ совѣтѣ министровъ, Луи-Филиппъ выражалъ совершенное одобреніе, показывалъ даже энтузіазмъ, и расхаживая по комнатѣ большими шагами, подтверждалъ голосомъ и жестомъ самыя энергическія мѣста рѣчи. Но когда совѣтъ кончился, онъ выпросилъ у Лафита рѣчь, чтобы еще разъ прочесть ее, повторяя, что чрезвычайно доволенъ ея тономъ и содержаніемъ. Получивъ назадъ рѣчь на другой день, Лафитъ изумился: рукопись была покрыта помарками. Дюпонъ, болѣе рѣшительный, чѣмъ Лафитъ, отправился къ Луи-Филиппу и объявилъ, что выйдетъ въ отставку, если помарки не будутъ уничтожены. Король согласился, чтобы рѣчь была произнесена въ томъ видѣ, какъ читалась въ совѣтѣ.

Мы привели этотъ маловажный случай только потому, что онъ характеризуетъ общій способъ Луи-Филиппа вести дѣла. При многихъ хорошихъ качествахъ, хитрая двуличность дѣлала его человѣкомъ совершенно ненадежнымъ. Сама по себѣ рѣчь Лафита, подобно тому либерализму, представителемъ котораго былъ Лафитъ, не содержала въ себѣ ничего кромѣ громкихъ фразъ и неопредѣленныхъ обѣщаній, которыми обольщались люди, ихъ дѣлавшіе, но не знавшіе какъ исполнить ихъ и боявшіеся средствъ, нужныхъ для исполненія. Либеральная публика твердила, что великія континентальныя державы не должны мѣшать распространенію либеральныхъ учрежденій по Европѣ, что Франція остановитъ всѣхъ враговъ свободы. Но съ тѣмъ вмѣстѣ либералы не хотѣли войны съ сѣверными континентальными державами и потому ихъ слова были только пышнымъ хвастовствомъ. Такова была и рѣчь Лафита. „Франція, го-

ворилъ Лафитъ, не допуститъ нарушенія принципа невмѣшательства. Но если война станетъ неизбѣжна, міръ долженъ видѣть, что мы ведемъ ее только по необходимости выбора между войною и отрѣченіемъ отъ нашихъ принциповъ. Мы будемъ продолжать переговоры, но ведя ихъ, будемъ вооружаться. Скоро, кромѣ гарнизоновъ нашихъ крѣпостей, мы будемъ имѣть 500,000 войска, готоваго къ битвѣ. Мы двинемся тѣсными рядами, сильные нашимъ правомъ и могуществомъ нашихъ принциповъ. Если народы взволнуются при видѣ трехцвѣтныхъ знаменъ и станутъ нашими союзниками, не мы будемъ виновны въ томъ." Рѣчь Лафита была безпрестанно прерываема аплодисментами.

Но какую цѣль могли имѣть вооруженія, которыми хвалилось министерство? На Францію никто не думалъ нападать, а наступательной войны противъ Австріи, Пруссіи, Россіи сами либералы не хотѣли начинать. Такимъ образомъ они только удовлетворяли своему тщеславію, а сѣверныя державы спокойно занимались въ средней Европѣ подавленіемъ принциповъ, несогласныхъ съ прежнимъ порядкомъ дѣлъ. Точно также были пусты слова либеральныхъ консерваторовъ и о внутренней свободѣ. Они много твердили о ней, но ровно ничего не дѣлали для ея развитія.

Между тѣмъ приближалось время суда надъ министрами Карла X. Одинъ изъ обвинителей, назначенныхъ палатою депутатовъ, Могенъ, выражалъ мнѣніе, что министры подлежатъ смертной казни. Когда при дворѣ узнали объ этомъ, рѣшились смѣнить его, и палата депутатовъ, раздѣлявшая систему Луи-Филиппа, назначила на его мѣсто Персиля. Одинъ изъ докладчиковъ, назначенныхъ палатою перовъ, выказывалъ намѣренія своихъ товарищей, говоря, что этого процесса нельзя судить по уголовному кодексу,

что палатѣ перовъ принадлежитъ юридическое полновластіе, что она выше законовъ и потому можетъ помиловать обвиненныхъ.

Процессъ начался 15 декабря. Обвиняемые держали себя съ достоинствомъ. Полиньякъ былъ спокоенъ, Перонне также, а Гернонъ-Ранвиль такъ владѣлъ собою, что въ первомъ засѣданіи процесса вынулъ какую-то брошюру и внимательно читалъ ее, какъ будто вовсе не интересуясь ходомъ своего процесса.

Дѣйствительно, министры Карла X могли быть спокойны, если не за свою судьбу, то по крайней мѣрѣ за положеніе, которое давалось имъ характеромъ обвиненія. Они могли представляться безспорно преступными, еслибы обвинители разсматривали дѣло въ его сущности, говорили о намѣреніи Бурбоновъ и ихъ приверженцевъ насильственнымъ образомъ возстановить во Франціи старый порядокъ, отнять у націи всѣ пріобрѣтенныя ею блага, возвратить времена произвола и привилегіи; еслибы обвинители требовали наказанія министровъ Карла X, какъ людей, начавшихъ междоусобную войну для утвержденія надъ Франціею произвольной власти феодальныхъ временъ, защитники обвиненныхъ не могли бы отвѣчать ничего. Но Персиль, назначенный обвинителемъ по желанію Луп-Филиппа, сталъ на исключительную и узкую точку зрѣнія юридическихъ формальностей. Онъ требовалъ наказанія министровъ Карла X за то, что они іюльскими повелѣніями нарушили конституцію. Отвѣтъ на это былъ готовъ: 14 статья конституціи 1814 года давала королю право „издавать повелѣнія, необходимыя для безопасности государства.“ Іюльскія повелѣнія были изданы потому, что Парижу грозили смуты; ихъ цѣлью была безопасность государства, охраненіе порядка; слѣдовательно Карлъ X и его министры ни мало не нарушали конституціи, издавая эти повелѣнія, слѣдствіемъ которыхъ было паденіе

Бурбоновъ. Персиль возражалъ на это, что іюльскія повелѣнія имѣли характеръ не административный, а законодательный, и что 15 статья конституціи присваиваетъ законодательную власть не одному королю, а королю вмѣстѣ съ палатами перовъ и депутатовъ. Тутъ опять была явная натяжка: 15 статья говорила только о порядкѣ дѣлъ при обыкновенныхъ, спокойныхъ обстоятельствахъ, а исключительные случаи и чрезвычайныя опасности подходили подъ опредѣленіе 14 статьи. Послѣ этого слѣдовало спорить уже просто о томъ, дѣйствительно ли въ концѣ іюля угрожали государству волненія, и не ошиблись ли министры, предположивъ тогда надобность чрезвычайныхъ мѣръ. Вмѣсто преступленія, рѣчь должна была уже идти о проницательности и благоразуміи, т. е. о качествахъ, недостатокъ которыхъ не подлежитъ юридическому наказанію. При такомъ основаніи обвиненія, министры Карла X оказывались правы по формѣ; да и на самомъ дѣлѣ ни Карлъ X, ни Полиньякъ не думали, что нарушаютъ конституцію, издавая іюльскія повелѣнія: напротивъ, они были тогда искренно убѣждены, что пользуются своими законными правами и дѣйствуютъ для спасенія конституціи, которую хотятъ низвергнуть либералы и республиканцы.

Такимъ образомъ защитникамъ министровъ представлялась возможность блистательнаго оправданія. Особенный эффектъ произвела рѣчь Созѐ. Онъ говорилъ, что необходимость должна служить объясненіемъ закону, что правительство должно предупреждать опасные для общества кризисы, что 14 статья ясно говорила объ этомъ, что еслибы даже этой статьи и не было въ конституціи, то на всякомъ правительствѣ лежитъ обязанность поддерживать порядокъ. Послѣ этого остается только вопросъ, необходимо ли было правительству Карла X искать себѣ защиты

въ іюльскихъ повелѣніяхъ? Да, уступки для Бурбоновъ были невозможны: династія могла бы держаться уступками только тогда, еслибы могла удовлетворить ими національному чувству. Но Бурбоны были возведены на престолъ иностранными войсками, потому нація никакъ не могла примириться съ ними. Она хотѣла ихъ низверженія, потому что считала ихъ власть игомъ, наложеннымъ на нее отъ завоевателей. Конституція давала престолъ Бурбонамъ, а при враждѣ націи они могли удерживать за собою престолъ только деспотическими мѣрами; деспотизмъ не только не нарушалъ конституціи, но напротивъ былъ необходимъ для ея спасенія. Конечно, выраженія Созѐ были не таковы, но таковъ былъ ихъ смыслъ. Изъ этого ораторъ выводилъ, что между Бурбонами и французской націей неизбѣжна была вооруженная борьба, минута которой настала въ іюлѣ 1830. Это была война, проистекавшая изъ необходимости вещей. Карлъ X былъ побѣжденъ въ войнѣ, избѣжать которой не могъ, и по законамъ войны единственное наказаніе побѣжденнымъ состоитъ въ томъ, что побѣдитель отнимаетъ у нихъ могущество и они бѣгутъ съ поля битвы.

Нельзя не признаться, что Созѐ говорилъ правду. Но обвинители не могли принять приводимыхъ имъ фактовъ. Партія, одержавшая верхъ въ іюлѣ, хотѣла сохранить въ сущности тотъ же самый порядокъ вещей, какой былъ при Бурбонахъ и не допускала коренныхъ реформъ. Она должна была говорить, что учрежденія, существовавшія при Бурбонахъ, были удовлетворительны, что нація, производя іюльскій переворотъ, не хотѣла измѣнять законовъ, а вооружилась только на защиту ихъ отъ нарушеній. А если такъ, обвинители могли имѣть на своей сторонѣ большинство голосовъ въ палатѣ перовъ, но здравый смыслъ и чувство справедливости были на сторонѣ

ихъ противниковъ. Что можно было сказать противъ словъ Созѐ, если признавалась неприкосновенность конституціи, по которой престолъ принадлежалъ Бурбонамъ, и если признавалось, что правительство должно принимать мѣры для огражденія своего существованія отъ народныхъ возстаній?

Парижскіе простолюдины роптали. Процессъ министровъ Карла X обращался въ панегирикъ людямъ, хотѣвшимъ возстановить во Франціи произволъ и старый порядокъ вещей. У простолюдиновъ былъ простой отвѣтъ на рѣчи Созѐ и другихъ адвокатовъ побѣжденной партіи. Если Карлъ X дѣйствительно былъ въ необходимости отказаться отъ власти или прибѣгать къ деспотизму, почему онъ выбралъ деспотизмъ, а не отреченіе? Ему слѣдовало выбирать между своими правами и правами націи: изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ правъ, рѣшившись пожертвовать правами націи. Говорятъ, что обвиняемые министры дѣйствовали по необходимости; но если принимать необходимость за оправданіе, ею оправдывается все, потому что все въ мірѣ происходитъ по необходимости. Говорятъ объ искренности ихъ убѣжденій. Искренность можетъ служить обезпеченіемъ для репутаціи человѣка, но законъ не извиняетъ ею преступленій; иначе каждый убійца могъ бы оправдаться, доказавъ, что считалъ убійство дѣломъ нужнымъ.

Мы уже видѣли, что оффиціальные обвинители министровъ Карла X не могли говорить такимъ языкомъ, потому что мысли эти вытекали изъ принциповъ противоположныхъ стремленію ихъ партіи. Могла ли іюльская монархія признавать за націею право низлагать власть, когда сама предвидѣла близость борьбы съ націею? Она родилась изъ народнаго возстанія, но не могла признавать справедливости возстаній, потому что они уже угрожали ей самой.

Торжествующее положеніе, принимаемое адвокатами министровъ Карла X, раздражало простолюдиновъ, и Парижъ снова волновался. 20 декабря, когда Созѣ копчилъ свою рѣчь, начавшуюся наканунѣ, Люксанбургскій дворецъ, въ которомъ засѣдала палата перовъ, былъ окруженъ толпами, громко выражавшими свое негодованіе на ходъ процесса. Караулъ, находившійся при дворцѣ, едва удерживалъ народъ. Курьеры поскакали извѣстить объ опасности Лафайета, который со времени іюльскаго переворота былъ командиромъ національной гвардіи. Было приказано бить тревогу; въ зажиточныхъ сословіяхъ распространилась по обыкновенію молва, что грубая чернь хочетъ грабить городъ, и національная гвардія, которая послѣ іюльскаго переворота, точно также какъ и до него, состояла главнымъ образомъ изъ буржуазіи, стала поспѣшно собираться для укрощенія мятежниковъ, которые пять мѣсяцевъ тому назадъ прославлялись какъ защитники и спасители свободы.

Между перами владычествовало смятеніе. Напрасно одинъ изъ офицеровъ, командовавшихъ Люксанбургскимъ карауломъ, увѣрялъ Пакье, президента палаты, что ручается за сохраненіе порядка. Разстроенный Пакье понялъ его слова въ обратномъ смыслѣ и объявилъ, что засѣданіе прекращается, что комендантъ караула не совѣтуетъ ему собирать засѣданія вечеромъ, потому что это было бы опасно. Въ палатѣ депутатовъ господствовало такое же безпокойство. Но сознавая въ себѣ болѣе силы, депутаты переходили отъ безпокойства не къ робости, какъ перы, а къ рѣчамъ о необходимости крутыхъ мѣръ для усмиренія мятежа. День прошелъ однако же безъ кровопролитія. Но ждали гораздо большихъ опасностей на другой день.

21 декабря правительство приняло сильныя мѣры къ сохраненію порядка. Около Люксанбурга было

поставлено нѣсколько батальоновъ регулярнаго войска и множество національной гвардіи. Всего было собрано до 30,000 человѣкъ вооруженной силы. Рѣчи адвокатовъ и обвинителей оканчивались въ этотъ день. Перамъ оставалось только произнести приговоръ. По окончаніи преній обвиняемые были посажены въ карету, которая быстро поскакала въ Венсенскій замокъ. Народъ волновался и національная гвардія бывала иногда принуждена скрещивать штыки, преграждая дорогу толпѣ. Особенно встревожился народъ пушечнымъ выстрѣломъ, который служилъ сигналомъ того, что подсудимые благополучно довезены до крѣпкаго замка. Толпа приняла выстрѣлъ за знакъ начала борьбы. Въ разныхъ мѣстахъ пять или шесть человѣкъ получили случайнымъ образомъ раны въ небольшихъ дракахъ, не имѣвшихъ даже характера стычекъ. Нѣсколько республиканцевъ закричали — къ оружію! и народъ бросился къ Лувру, на дворѣ котораго было сборное мѣсто для артиллеріи національной гвардіи.

Республиканцы были въ то время очень малочисленны. Когда составлялась національная гвардія, они разсудили, что изчезнутъ въ ней незамѣтными, если будутъ безъ разбора записываться въ разные легіоны. Чтобы сохранить нѣкоторую силу посредствомъ сосредоточенія, они вздумали преимущественно записываться въ артиллерію, которая имѣла четыре баттареи; такимъ образомъ вторая баттарея состояла вся изъ республиканцевъ и они составляли половину третьей баттареи. Народъ ожидалъ, что они выдадутъ ему пушки и пойдутъ вмѣстѣ съ нимъ. Но рѣшетки луврскаго двора были заперты; артиллеристы не могли присоединиться къ народу и онъ разошелся, потому что не имѣлъ предводителей.

Наступилъ вечеръ. Палата перовъ собралась для произнесенія приговора. Перы хотѣли показать му-

жество и всѣ явились въ засѣданіе, но мало по малу боязнь брала верхъ, хотя все пространство около Люксанбургскаго дворца было занято войсками и національными гвардейцами, ограждавшими безопасность судей. Подавъ голоса, перы торопливо бросались къ дверямъ. Напрасно Пакье, президентъ палаты, восклицалъ, что это неприлично, приказывалъ запереть двери,—перы тайкомъ уходили черезъ заднія двери и приговоръ былъ прочитанъ президентомъ въ залѣ почти опустѣвшей. Палата перовъ осудила всѣхъ четырехъ министровъ Карла X на вѣчное заключеніе.

Извѣстіе объ этомъ приговорѣ увеличило раздраженіе народа. Ночь проведена была тревожно. По утру, 22 декабря, на площади Пантеона было развернуто черное знамя, символъ пролетаріевъ. Толпы народа шумѣли около Люксанбургскаго дворца и Пале-Рояля. Снова приказано было бить тревогу для созванія національной гвардіи. Но она была и утомлена службою предшествовавшихъ дней и сама недовольна приговоромъ, возбуждавшимъ негодованіе народа. Въ этой опасности, правительство обратилось къ помощи студентовъ, которые пользовались чрезвычайною популярностью съ іюльскихъ дней, когда управляли битвами на баррикадахъ. Студенты гордились ролью успокоителей, которую имъ предлагали. Они обнародовали прокламацію, приглашавшую народъ къ сохраненію порядка, увлекли за собою тысячи простолюдиновъ, привыкшихъ вѣрить имъ на слово, и ходили по улицамъ, возстановляя тишину. Къ вечеру дѣйствительно все успокоилось безъ всякаго кровопролитія и насилія.

Луи-Филиппъ и консерваторы увѣрились теперь въ своихъ силахъ. За нихъ не только была національная гвардія, но и простолюдины выказали нерѣшительность, обнаружили неспособность начинать

борьбу безъ предводителей, а студенты и прежніе іюльскіе предводители народа были на сторонѣ правительства. Больше всего содѣйствовало избѣжанію кровопролитія имя Лафайета, которому кромѣ команды надъ національной гвардіей было поручено въ эти дни и начальство надъ войсками. Результатомъ его увѣщаній народу было то, что онъ потерялъ значительную часть своей популярности, но все таки довѣріе къ нему сильно успокоивало народъ. Онъ пріобрѣлъ новыя права на признательность Луи-Филиппа и консерваторовъ; но они по прекращеніи волненія разсудили, что могутъ обойтись и безъ помощи этого энтузіаста, сильно безпокоившаго ихъ своими либеральными порывами.

Едва увѣрились консерваторы въ томъ, что опасность мятежа прошла, какъ сдѣлано было въ палатѣ депутатовъ предложеніе уничтожить званіе коменданта всей національной гвардіи Франціи, принадлежавшее Лафайету съ іюльскаго переворота. Палата приняла это предложеніе 24 декабря, черезъ два дня по успокоеніи Парижа. Лафайетъ не былъ даже предувѣдомленъ о такомъ рѣшеніи. До сихъ поръ Луи-Филиппъ увѣрялъ его, что командованіе національною гвардіею всего королевства останется за нимъ на всю жизнь. Во время процесса министровъ эти увѣренія повторялись. Но едва процессъ кончился и тишина въ Парижѣ была возстановлена, его простодушному тщеславію нанесли жесточайшее оскорбленіе. Рѣшеніе палаты не говорило прямо о его отставкѣ, оно только уничтожало должность имъ занимаемую. Въ исполненіе воли депутатовъ онъ послалъ къ Луи-Филиппу просьбу объ отставкѣ и получилъ отвѣтъ чрезвычайно странный. Луи-Филиппъ говорилъ, что просьба генерала удивила его, что онъ „еще не читалъ газетъ“ и что послѣ совѣта министровъ, который соберется въ тотъ день, онъ надѣется убѣдить

Лафайета взять назадъ свою просьбу. Луи-Филиппъ, очевидно, хотѣлъ показать генералу, будто бы до полученія его просьбы не зналъ о рѣшеніи палаты. Это было ненатурально, неправдоподобно: всѣ знали, что Луи-Филиппъ принимаетъ самое живое участіе въ государственныхъ дѣлахъ и что ни одно важное рѣшеніе не принимается министрами безъ его согласія. Особенно странна была фраза „я еще не имѣлъ времени прочесть газетъ“: она говорила, будто бы Луи-Филиппъ только изъ газетъ узнаетъ о томъ, что дѣлаетъ правительство. Опять мы видимъ хитрость, доходящую до оскорбительнаго двоедушія. Лафайетъ былъ раздраженъ письмомъ. Онъ однако же явился въ Пале-Рояль по приглашенію короля. Луи-Филиппъ принялъ его съ живѣйшимъ выраженіемъ привязанности, жалѣлъ о рѣшеніи палаты, осуждалъ неловкость своихъ министровъ. Лафайетъ отвѣчалъ, что вопросъ идетъ не лично о немъ, что о себѣ онъ не хочетъ говорить, но что система, которой вообще слѣдуетъ правительство, угрожаетъ опасностью свободѣ, что правительство не понимаетъ условій, налагаемыхъ на него іюльскими событіями, что оно идетъ по ложной дорогѣ. Характеръ его рѣчи былъ тотъ, что онъ переходитъ въ оппозицію. Его упрашивали остаться командиромъ національной гвардіи города Парижа, онъ отказался. Луи-Филиппъ умѣлъ придать дѣлу такой оборотъ, что самъ оставался въ сторонѣ; притомъ же, если палата уничтожила званіе командира національной гвардіи всего королевства, то отъ команды надъ парижскою національною гвардіею Лафайетъ отказался самъ, и такимъ образомъ Луи-Филиппъ могъ на другой день послѣ свиданія съ Лафайетомъ обнародовать (26 декабря) слѣдующую прокламацію:

„Храбрые національные гвардейцы, милые мои соотечественники, вы раздѣлите мою скорбь, узнавъ,

что генералъ Лафайетъ нашелъ нужнымъ выйдти въ отставку. Я льстилъ себя надеждой, что онъ останется вашимъ начальникомъ, одушевляя вашу ревность своимъ примѣромъ и воспоминаніемъ о великихъ услугахъ, оказанныхъ имъ дѣлу свободы. Его удаленіе отъ должности тѣмъ огорчительнѣе для меня, что достойный генералъ еще такъ недавно принималъ славное участіе въ поддержаніи общественнаго спокойствія, которое вы столь благородно и столь успѣшно охранили при послѣднихъ волненіяхъ. Потому я имѣю утѣшеніе думать, что сдѣлалъ все, зависящее отъ меня для предотвращенія дѣла, которое будетъ для національной гвардіи предметомъ живаго огорченія, а для меня—истинной печали."

Но ни эта прокламація, ни тонкость, съ какою была ведена вся интрига, не обманула никого: для всѣхъ былъ ясенъ истинный ходъ дѣла. Ясенъ былъ и смыслъ его: разрывъ съ Лафайетомъ былъ окончательнымъ разрывомъ съ тою частью либераловъ, которая желала придать іюльской монархіи демократическій характеръ. Дюпонъ-Делёръ, единственный представитель этой партіи въ министерствѣ, подалъ въ отставку вслѣдъ за Лафайетомъ. Два мѣсяца тому назадъ, Луи-Филиппъ еще дорожилъ его содѣйствіемъ до такой степени, что пожертвовалъ для него всѣми остальными министрами. Теперь король считалъ себя уже столь сильнымъ, что не видѣлъ надобности беречь для себя опору въ монархистахъ съ демократическимъ направленіемъ. Оставалась еще въ связи съ нимъ не демократическая, но все таки прогрессивная партія умѣренныхъ либераловъ, представителемъ которой былъ Лафитъ. Мы увидимъ, что очень скоро Луи-Филиппъ нашелъ также не нужнымъ беречь ея сочувствіе и сталъ опираться исключительно на консерваторовъ, которые до самаго конца переворота старались оставить власть за Бурбонами. По

видимому, такіе люди всего менѣе могли бы разсчитывать на дружбу съ новою династіею, возведенною на престолъ противъ ихъ желанія. Но ясны причины, по которымъ такой союзъ нравился Луи-Филиппу: онѣ находились въ качествахъ его характера, уже извѣстныхъ намъ.

Партія, до іюльскаго переворота желавшая низверженія Бурбоновъ, была уже оттѣснена отъ участія въ правительствѣ; парижскіе простолюдины, совершившіе переворотъ, казались усмиренными; было уже видно, что общественныя учрежденія остаются почти въ такомъ же видѣ, какой имѣли при Бурбонахъ. Натурально было, что въ легитимистахъ воскресла надежда низвергнуть новое правительство, отказывавшееся отъ своихъ опоръ и не обѣщавшее націи никакихъ важныхъ улучшеній. Приверженцы Бурбоновъ начали думать, что пришло время для нихъ дѣйствовать смѣло. Предлогомъ для первой демонстраціи они выбрали 14 февраля (1831 года), годовщину смерти герцога Беррійскаго, который считался у нихъ мученикомъ за свою династію и сынъ котораго остался для нихъ королемъ по отреченіи Карла X. Легитимистскія газеты объявили, что 14 февраля будетъ совершена въ церкви св. Роха панихида по герцогѣ Беррійскомъ. Но министръ исповѣданій написалъ архіепископу парижскому предостереженіе, говоря, что предположенная церемонія можетъ вызвать народное волненіе. Главный священникъ церкви св. Роха не захотѣлъ рисковать и отложилъ церемонію. Но главный священникъ церкви св. Жермена, старикъ, сопровождавшій на эшафотъ Марію-Антуанету, былъ мужественнѣе. Онъ согласился назначить свою церковь мѣстомъ манифестаціи. Элегантный аристократическій свѣтъ съѣхался на панихиду. Въ церкви собиралось подаяніе въ пользу солдатъ королевской гвардіи, которые были ранены въ іюльскую революцію, сражаясь

за Бурбоновъ. Среди церкви былъ поставленъ катафалкъ, изображавшій гробъ герцога Беррійскаго. Въ концѣ службы повѣсили на катафалкѣ портретъ герцога Бордосскаго, котораго присутствующая публика признавала законнымъ королемъ. Катафалкъ украсили вѣнками; офицеры снимали свои ордена и клали на него.

Но слухъ о манифестаціи созвалъ на нее не однихъ легитимистовъ. Вокругъ церкви собралась толпа; въ ней ходили разсказы, по обыкновенію преувеличенные, о томъ, что дѣлается въ церкви. Толпа росла, въ ней раздавались угрозы. Префектъ полиціи Бодъ явился для наблюденія за порядкомъ. Служба уже кончилась и легитимисты разошлись, но толпа передъ церковью все увеличивалась и шумѣла. Вдругъ ея вниманіе обратилось на молодаго человѣка съ блѣднымъ лицомъ и длинными волосами. Онъ былъ въ черномъ платьѣ и смотрѣлъ на толпу молча, но съ насмѣшкой. „Іезуитъ," закричала толпа и бросилась на него; его потащили къ набережной и хотѣли бросить въ рѣку. Префектъ полиціи съ нѣсколькими людьми поспѣшилъ спасти его. Завязалась драка и продолжалась болѣе часа; префектъ полиціи не могъ вырваться изъ толпы, а толпа съ криками ломилась въ церковь.

Легитимисты вздумали угрожать владычеству средняго сословія, за то буржуазія рѣшилась запугать ихъ яростью простолюдиновъ. Толпою предводительствовали люди изящно одѣтые, съ палевыми перчатками на рукахъ. Само правительство поощряло волненіе своимъ бездѣйствіемъ; войска не являлись, не являлась и національная гвардія; она готова была подавлять демократическія волненія, но не считала нужнымъ мѣшать мятежу, направленному противъ легитимистовъ. Толпа вломилась въ церковь и опустошила ее; все было переломано и разбито. Этотъ без-

порядокъ еще продолжался, когда префектъ полиціи, успѣвъ спасти несчастнаго, сочтеннаго іезуитомъ, поспѣшилъ за приказаніями къ Луи-Филиппу. Король былъ совершенно спокоенъ; онъ оставилъ префекта полиціи обѣдать съ собой и такимъ образомъ прямо къ нему приходили полицейскія донесенія о ходѣ мятежа. Полиція говорила, что на слѣдующій день надобно ждать возобновленія такихъ же сценъ въ большихъ размѣрахъ, что народъ собирается опустошить архіепископскій дворецъ. „Надобно дать имъ мѣсто, гдѣ погулять, сказалъ король префекту полиціи: охраняйте только мой дворецъ.“ Воротившись домой, префектъ полиціи распорядился, чтобы на завтра войска были разставлены около Пале-Рояля и не двигались на другіе пункты, что̀ бы ни дѣлалось.

Утромъ 15 февраля народъ сталъ собираться около Пале-Рояля. Но тутъ стояли войска, а дворецъ архіепископа былъ оставленъ безъ всякаго охраненія. Какіе-то переодѣтые люди втерлись въ толпу и стали уговаривать ее идти на дворецъ архіепископа. Толпа двинулась. Тревога, созывавшая національную гвардію, была пробита вяло, и національная гвардія не собиралась въ зажиточныхъ кварталахъ. Только изъ двѣнадцатаго округа, т. е. изъ предмѣстья св. Антонія, гдѣ живутъ работники, явился для охраненія порядка отрядъ подъ командою знаменитаго Араго, ревностнаго республиканца, игравшаго важную политическую роль въ своей партіи. Когда Араго съ своимъ отрядомъ дошелъ до архіепископскаго дворца, дворецъ былъ уже взятъ и опустошеніе производилось съ бѣшенствомъ. Пришелъ другой отрядъ національной гвардіи, подъ командою другаго демократа, Шонена; но эти слабые отряды исчезали въ толпѣ и не могли ничего сдѣлать. И тутъ, какъ вчера, разрушеніемъ руководили изящно одѣтые люди. Араго послалъ за подкрѣпленіями къ командиру парижской національ-

ной гвардіи. Командиръ задержалъ посланнаго у себя и не далъ отвѣта. Араго послалъ къ нему нѣсколько записокъ. Командиръ обѣщалъ, наконецъ, прислать подкрѣпленіе, но не прислалъ.

Подлѣ архіепископскаго дворца находится церковь Парижской Богоматери. Толпа хотѣла грабить и ее. Араго успѣлъ спасти церковь хитростью. Наверху колокольни были уже люди, которые рубили крестъ: Араго указалъ на нихъ. „Вы видите, сказалъ онъ народу, что крестъ качается отъ ударовъ; колокольня очень высока, потому онъ кажется не великъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ огромный. Когда онъ станетъ падать, онъ сорветъ съ собою и тяжелую желѣзную балюстраду съ колокольни. Уходите отсюда, или многимъ сыновьямъ прійдется оплакивать отцовъ, многимъ женамъ — мужей.“ Сказавъ это, онъ самъ бросился бѣжать, будто боясь, что будетъ раздавленъ. Толпа рынулась отъ церкви вслѣдъ за нимъ. Между тѣмъ успѣли подойти національные гвардейцы и окружили церковь. Благодаря республиканскому ученому, церковь уцѣлѣла.

Но разрушеніе продолжалось въ архіепископскомъ дворцѣ. Араго былъ въ бѣшенствѣ отъ безсилія прекратить буйство. Онъ приказалъ однакоже своему слабому отряду гнать разрушителей; но ему отвѣчали, что въ ряды національныхъ гвардейцевъ вмѣшались сильные въ правительствѣ люди и говорятъ гвардейцамъ, чтобы они не мѣшались въ это дѣло. Въ числѣ другихъ тутъ находился Тьеръ, бывшій тогда товарищемъ министра финансовъ. Онъ ходилъ по мѣсту опустошенія съ довольнымъ лицемъ и съ улыбкой на губахъ. Въ три часа наконецъ явился одинъ изъ двѣнадцати легіоновъ національной гвардіи. Араго убѣждалъ командира легіона, чтобы онъ занялъ архіепископскій дворецъ и вытѣснилъ толпу. „Мнѣ приказано только прійти сюда, повернуть назадъ и уйти,“ от-

вѣчалъ командиръ легіона. Онъ не сдѣлалъ ничего для прекращенія буйства. По всему Парижу происходили около церквей подобныя сцены. Толпа разрушала украшенія снаружи церквей, смѣшивая католицизмъ съ феодальнымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ крестами были разрушаемы на барельефахъ и гербахъ бѣлыя лиліи, символъ Бурбоновъ. Въ ночь 15 февраля мятежъ успокоился.

Когда въ палатѣ депутатовъ потребовали у префекта полиціи Бода объясненій о бездѣйствіи городскихъ властей во время смутъ, онъ отвѣчалъ пустыми фразами, изъ которыхъ было только видно, что онъ не можетъ оправдать себя, не компрометируя Луи-Филиппа. Объясненія министра внутреннихъ дѣлъ Монталиве были также неудовлетворительны. Участіе правительства въ смутахъ 14 и 15 февраля очевидно изъ подробностей приведенныхъ нами. Когда Араго, увидѣвъ людей, рубившихъ крестъ на церкви Парижской Богоматери, хотѣлъ остановить ихъ, они отвѣчали, что исполняютъ приказаніе начальства и въ удостовѣреніе показали ему приказъ, подписанный меромъ округа. Меръ, конечно, поступалъ такъ не по собственной власти. Луи-Филиппъ хотѣлъ показать духовенству и аристократамъ, что въ случаѣ надобности можетъ предать ихъ ярости простолюдиновъ; а буржуазія возбуждала народъ противъ враговъ, которыхъ недавно побѣдила его помощью и которые вздумали было безпокоить ее, когда увидѣли, что она разорвала свой союзъ съ народомъ.

Чтобы польстить народу дешевымъ угожденіемъ его враждѣ къ Бурбонамъ, Луи-Филиппъ уничтожилъ въ государственномъ гербѣ бѣлыя лиліи, которыя истребляемы были 14 и 15 февраля.

Онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя сильнѣе, и думалъ, что можетъ наконецъ разорвать связь даже съ тѣми умѣренными, очень умѣренными прогресси-

стами, которые сохранили вліяніе на дѣла по удаленіи демократовъ отъ власти. Онъ думалъ, что пришло уже время, когда онъ открыто можетъ опираться исключительно на однихъ консерваторовъ. Лафитъ сталъ ему не нуженъ, и онъ оставлялъ ему только имя министра, отнимая у него всякое участіе въ дѣлахъ. Цѣль была очевидна: ему хотѣлось вытѣснить Лафита изъ министерства, и скоро Лафитъ увидѣлъ себя одураченнымъ до того, что не могъ не подать въ отставку. Случай этотъ произошелъ слѣдующимъ образомъ.

Сѣверная половина Церковной области всегда была проникнута къ папскому правительству такими же чуветвами, какъ теперь. Отголосокъ іюльской революціи произвелъ въ легатствахъ возстаніе. Австрійцы готовились идти усмирять Болонью. Лафитъ не хотѣлъ дозволять вмѣшательства, и давалъ инструкціи посланнику въ Вѣнѣ, Мезону, въ этомъ смыслѣ. Луи-Филиппъ не хотѣлъ ссориться съ Австріею. Мезонъ доносилъ французскому правительству, что Меттернихъ не исполняетъ его требованій, что австрійцы идутъ въ легатства, и если Франція хочетъ предупредить ихъ, она должна двинуть армію въ Піэмонтъ. Эта депеша была получена министромъ иностранныхъ дѣлъ Себастіани 4 марта. Президентъ совѣта узналъ о ней только 8 числа изъ газеты „National“. Отъ него четыре дня скрывали важнѣйшее донесеніе посланника. Онъ былъ изумленъ, потребовалъ объясненій у Луи-Филиппа, и все еще сохраняя преданность къ нему, говорилъ, какъ опасна для самаго короля дорога, по которой онъ идетъ. Луи-Филиппъ отвѣчалъ по своей обыкновенной методѣ. Съ наивной фамильярностью онъ кротко успокоивалъ своего друга, говорилъ, что будетъ очень огорченъ его удаленіемъ изъ министерства, упрашивалъ его остаться, показывалъ видъ, что не понимаетъ, какъ произошелъ случай, непріятный для Лафита, что онъ ничего не знаетъ о

системѣ имъ осуждаемой и совѣтовалъ ему объясниться объ этихъ вещахъ съ своими товарищами. Лафитъ собралъ ихъ на другой день; но между тѣмъ уже разнеслись слухи, что король просилъ предводителя консерваторовъ, Казиміра Перье, составить новое министерство; тонъ, принятый министрами окончательно убѣдилъ Лафита въ справедливости этихъ слуховъ и онъ подалъ въ отставку. Ему давно было необходимо сдѣлать это для собственной репутаціи. Его давно, или лучше сказать съ самаго начала обманывали. Себастіани и Монталиве, завѣдывавшіе важнѣйшими министерствами, иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ, дѣйствовали по инструкціямъ, которыя получали отъ Луи-Филиппа мимо Лафита; иностранная политика и внутренняя политика были ведены по системѣ, несогласной съ убѣжденіями перваго министра.

Отставкою Лафита кончается первый и очень непродолжительный періодъ царствованія Луи-Филиппа, періодъ такъ называемаго либеральнаго правительства. Съ министерствомъ Казиміра Перье власть рѣшительно переходитъ въ руки консерваторовъ, которыхъ вѣрнѣе будетъ назвать реакціонерами; точнѣе говоря, Луи-Филиппъ находитъ уже нужнымъ управлять исключительно посредствомъ консерваторовъ. Здѣсь мы должны остановиться, чтобы посмотрѣть, какія новыя учрежденія получила Франція при Луи-Филиппѣ даже въ тѣ первые семь мѣсяцевъ, когда Луи-Филиппъ еще находилъ необходимымъ имѣть въ своемъ кабинетѣ прогрессистовъ. Мы видѣли характеръ событій: онъ состоялъ въ томъ, что постепенно и очень быстро оттѣснялись отъ власти люди, хотѣвшіе развитія либеральныхъ учрежденій, хотя стремленія этихъ людей были чрезвычайно умѣренны, хотя именно эти люди были основателями новаго правительства, хотя Луи-Филиппъ зналъ, что они вполнѣ

преданы ему и былъ имъ обязанъ признательностью и за свое возвышеніе и за личную дружбу ихъ къ нему. Посмотримъ, что успѣли сдѣлать эти люди для развитія свободы во Франціи.

Мы уже говорили, что измѣненія, произведенныя въ конституціи 1814 года при передачѣ престола орлеанскому дому, были неважны. Они ограничивались слѣдующими вещами: католическая религія, называвшаяся въ конституціи 1814 г. государственною религіею, объявлялась просто „религіею большинства французовъ“ ; мы увидимъ, что католическая партія выводила изъ этого новаго выраженія точно такія же притязанія, какія прежде выводила изъ словъ „государственная религія“ ; стало быть перемѣна была ничтожна и не достигала своей цѣли, если имѣла цѣлью равенство всѣхъ исповѣданій передъ администраціею и судомъ. Гораздо важнѣе казалась прибавка, сдѣланная къ восьмой статьѣ, установлявшей свободу печати: „цензура никогда не можетъ быть возстановлена.“ Но во первыхъ цензура была давно уничтожена еще при Бурбонахъ ; а во вторыхъ, мы увидимъ, что эта гарантія оказалась очень неполна и что орлеанское правительство удержало за собою средства вредить непріязненной публицистикѣ посредствомъ штрафовъ и другихъ наказаній типографщикамъ и отвѣтственнымъ редакторамъ. 14-ая статья, бывшая предлогомъ къ изданію іюльскихъ повелѣній, была конечно уничтожена. Это было неизбѣжно. Для большей гарантіи отъ произвольныхъ распоряженій было прибавлено, что король не можетъ останавливать дѣйствія законовъ. Но за правительствомъ осталась власть объявлять города или цѣлые департаменты находящиися въ осадномъ положеніи, если грозила опасность законному порядку; а по осадному положенію административная власть переходила отъ мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ

въ руки военныхъ командировъ, и обыкновенный уголовный судъ могъ быть замѣняемъ военнымъ судомъ; такимъ образомъ уничтожалось только одно имя, даваемое произвольнымъ распоряженіямъ, но оставался другой, столь же широкій способъ замѣнять законъ произволомъ въ рѣшительныя минуты. Въ 16 статьѣ было сказано, что члены обѣихъ палатъ получаютъ право предлагать проэкты законовъ, между тѣмъ какъ по конституціи 1814 года проэкты законовъ могъ предлагать только король, т. е. министерство. Но эта уступка была чистою формальностью: что касается собственно возможности представить проэктъ закона, никто не могъ помѣшать какому нибудь перу или депутату представить полный проэктъ закона подъ формою просьбы къ королю о предложеніи палатѣ такого закона; что же касается возможности провести проэктъ черезъ палату, большинство палаты депутатовъ принимаетъ только такіе проэкты, которымъ не противится министерство, потому что само министерство при парламентской формѣ бываетъ представителемъ большинства депутатовъ; если парламентская форма существуетъ на дѣлѣ, а не только на бумагѣ, министерство само представляетъ всѣ проэкты, требуемые палатою депутатовъ, и другимъ членамъ ея не остается дѣлать въ этомъ отношеніи ничего важнаго съ надеждою на успѣхъ. Кромѣ того были сдѣланы публичными засѣданія палаты перовъ, на которыя прежде не допускалась публика; но палата перовъ сама не имѣла большой важности. Было также постановлено, что члены палаты депутатовъ избираются не на семь лѣтъ, какъ прежде, а только на пять, и возрастъ, нужный для нихъ, понижень вмѣсто прежнихъ сорока лѣтъ на тридцать лѣтъ,— перемѣны не дурныя, подобно всѣмъ другимъ перемѣнамъ, нами перечисленнымъ, но также не значительныя. Нѣсколько важнѣе было то, что палата де-

путатовъ получила право сама избирать своего президента, который прежде назначался отъ короля. Наконецъ была объявлена незаконность всякихъ чрезвычайныхъ судилищъ. Но сами Бурбоны давно уже не прибѣгали къ чрезвычайнымъ судилищамъ, а возможность замѣнять обыкновенный судъ военнымъ оставалась попрежнему. Изъ этого перечисленія реформъ, произведенныхъ при передачѣ престола Луи-Филиппу, мы видимъ, что перемѣнъ было сдѣлано очень не много, что почти всѣ онѣ были совершенно мелочны, а двѣ или три изъ нихъ, которыя однѣ могли имѣть серьезное значеніе, не достигали своей цѣли, оставляя незакрытыми другіе пути къ произволу, подобному произвольнымъ дѣйствіямъ Реставраціи, и стало быть казались гарантіями для свободы только по формѣ, а вовсе не лучше прежняго ограждали ее въ дѣйствительности.

Образованные классы дорожатъ свободою. Они имѣли власть въ своихъ рукахъ и не сдѣлали ничего удовлетворительнаго для огражденія свободы. Послѣ этого напрасно и спрашивать о томъ, было ли сдѣлано что нибудь для доставленія бо̀льшаго благосостоянія массѣ народа, для облегченія лежавшихъ на ней тяжестей, были ли приняты хотя какія нибудь средства для того, чтобы дать ей средства подняться въ матеріальномъ и умственномъ отношеніяхъ. Для народа не было сдѣлано ровно ничего.

Но если улучшенія, произведенныя при передачѣ власти новому королю, не могли назваться значительными или удовлетворительными даже для тѣхъ ограниченныхъ цѣлей, о достиженіи которыхъ думали партіи, захватившія власть въ іюльскій переворотъ, то еще гораздо менѣе было сдѣлано для развитія внутреннихъ учрежденій въ слѣдующіе семь мѣсяцевъ, пока прогрессивные люди учавствовали въ правительствѣ.

Ничего нельзя было ожидать для дѣла прогресса уже потому, что послѣ іюльскаго переворота продолжала свое существованіе та палата депутатовъ, которая была выбрана передъ іюльскими событіями въ оппозицію министерству Полиньяка. Въ тѣ времена, общественное мнѣніе не могло быть разборчиво: борьба шла противъ крайняго фанатизма и произвола; каждый былъ хорошъ, кто говорилъ противъ преобладанія іезуитской и феодальной партіи. Кромѣ очень немногихъ уже слишкомъ закоснѣлыхъ обскурантовъ, каждый назывался тогда либераломъ, какъ самый смуглый брюнетъ долженъ назваться бѣлымъ, если сравнивать его съ негромъ. Потому палата, выбиравшаяся исключительно для оппозиціи Полиньяку, составилась изъ людей, безъ всякаго разбора казавшихся тогда либеральными. Большинство этихъ людей вовсе не желало низверженія Бурбоновъ; оно старалось въ іюльскіе дни и въ первыя числа августа удержать за ними власть, ограничивая, впрочемъ, свое усердіе словами въ засѣданіяхъ своей палаты. Эти разсчетливые люди перешли на сторону Луи-Филиппа, когда низложеніе Бурбоновъ было рѣшено. Но если они держались Бурбоновъ, значитъ, они были довольны учрежденіями, существовавшими при Реставраціи, и прежняя оппозиція ихъ вытекала только изъ мелочныхъ несогласій, изъ страха, что возьметъ верхъ феодальная партія, или изъ личныхъ причинъ. Теперь опасеніе за преобладаніе феодаловъ исчезло, личные враги были побѣждены, нѣкоторыя мелочи въ законахъ были передѣланы, и большинство палаты не хотѣло уже никакихъ дальнѣйшихъ перемѣнъ, находя, что и сдѣланныя перемѣны едва ли не слишкомъ велики. Изъ либераловъ эти люди вдругъ превратились въ консерваторовъ, даже въ реакціонеровъ.

Такимъ образомъ, Луи-Филиппъ нашелъ палату депутатовъ, расположенную какъ можно болѣе со-

кратить и съузить развитіе политическихъ и общественныхъ учрежденій. Мы увидимъ, какія средства употреблялъ онъ впослѣдствіи, чтобы всегда имѣть такія палаты. Теперь надобно только замѣтить, что консерватизмъ этой первой палаты превосходно соотвѣтствовалъ его цѣлямъ: онъ могъ прикрывать свое личное нерасположеніе къ прогрессу, говоря, что не онъ, а палата не хочетъ реформъ, требуемыхъ развитіемъ общества. До самаго 24 февраля 1848 года онъ постоянно оправдывалъ реакціонность своей политики реакціонностью депутатовъ. Но, по обыкновенной ошибкѣ людей тонкаго ума, онъ не замѣчалъ, что тонкій формализмъ не понятенъ ограниченному соображенію людей не тонкаго ума, что они смотрятъ на дѣло проще, по своей неспособности къ мудренымъ умственнымъ экзерциціямъ. Общество скоро увидѣло, въ чемъ дѣло; оно увидѣло, что большинство депутатовъ реакціонно только потому, что Луи-Филиппъ хочетъ этого. Дѣйствительно, масса консерваторовъ всегда состоитъ изъ людей, у которыхъ первая потребность — дѣйствовать за одно съ правительствомъ, чтобы не нарушалась тишина. Правительству нужно только показать, что оно искренно хочетъ реформъ, и эти люди сами станутъ хотѣть реформъ, потому что ихъ судьба: поддерживать правительство во всемъ и всегда, для избѣжанія всякихъ нарушеній тишины. Это мы замѣчаемъ вообще, и болѣе по отношенію къ позднѣйшимъ временамъ іюльскаго періода; а дѣло съ первою палатою депутатовъ іюльскаго правительства, о которой мы должны теперь говорить, было еще гораздо проще. По принципамъ парламентскаго правленія, было очень странно, что палата, созванная королемъ одной династіи, спокойно продолжаетъ быть палатою короля другой династіи, какъ будто и не произошло переворота. Сущность парламентской формы состоитъ въ томъ,

чтобы депутаты служили представителями господствующаго въ обществѣ настроенія; потому, если произойдетъ въ обстоятельствахъ общественной жизни слишкомъ большая перемѣна, которая имѣетъ вліяніе на настроеніе умовъ, практика парламентаризма требуетъ новыхъ выборовъ, чтобы депутаты выражали собою не минувшее, а настоящее расположеніе общества. Формальнаго закона на это быть не можетъ, потому что дѣло зависитъ отъ настроенія умовъ и нельзя подвести подъ формальныя рубрики того, при какихъ случаяхъ происходитъ перемѣна въ настроеніи умовъ. Такимъ образомъ, Луи-Филиппъ могъ, не нарушая законныхъ формъ, сохранить палату, выбранную при Карлѣ X. Но для каждаго очевидно было, что іюльскій переворотъ и перемѣна династіи должны были вызвать потребность въ новыхъ выборахъ. Если Луп-Филиппъ не производилъ ихъ, каждый понималъ, что причина этого — внутреннее довольство короля характеромъ палаты. Формально, Луи-Филиппъ имѣлъ за собою право дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ; но и теперь, какъ постоянно во все время своего правленія, онъ, слишкомъ надѣясь на возможность оправдаться формальнымъ образомъ, пренебрегалъ тѣмъ, что сущность дѣла, понятная для всѣхъ, компрометируетъ его. Первая палата его дѣйствовала реакціонно, непопулярно, и непопулярность переходила съ нея на Луи-Филиппа, сохранявшаго палату, стало быть довольнаго ею.

Палата во всемъ показывала, что довольна прежними учрежденіями и не хочетъ реформъ. Если кому, кромѣ парижскихъ простолюдиновъ, іюльская монархія была обязана своимъ возникновеніемъ, то конечно газетамъ. Онѣ проложили Луи-Филиппу путь къ престолу. Неумѣнье понять важность ихъ сочувствія, т. е. важность сочувствія со стороны общественнаго мнѣнія, было причиною погибели Бурбоновъ. Луи-

Филиппъ съ перваго же раза сталъ держаться той же ошибочной системы. Въ законодательныхъ вопросахъ, его желанія прикрывались рѣшеніями палаты депутатовъ; когда здѣсь и при всѣхъ слѣдующихъ законодательныхъ вопросахъ мы будемъ говорить о большинствѣ палаты, читатель постоянно долженъ понимать слова „большинство депутатовъ“ въ смыслѣ: „тѣ депутаты, дѣйствія которыхъ соотвѣтствовали системѣ Луи-Филиппа, которые составляли большинство въ палатѣ только потому, что Луи-Филиппъ находилъ это нужнымъ для своихъ цѣлей.“ Съ этимъ замѣчаніемъ, скажемъ, что первымъ важнымъ рѣшеніемъ палаты депутатовъ по учрежденіи новаго правительства было выраженіе рѣшимости сохранить тѣ законы, которые при Бурбонахъ предназначены были для стѣсненія журналистики. Въ началѣ ноября были пренія о предложеніи Траси уничтожить газетный залогъ (cautionnement) и о предложеніи Барта уничтожить газетный штемпель (timbre). Обѣ эти вещи были тяжелы для газетъ. Взносъ огромной суммы при основаніи газеты въ видѣ залога, конечно, затруднялъ основаніе новыхъ газетъ. Еще тяжеле было правило, что газеты могутъ быть печатаемы только на бумагѣ, къ которой приложенъ штемпель, стоившій нѣсколько сантимовъ. Этою платою за штемпель годовая цѣна газетъ значительно возвышалась, т. е., сильно ограничивалось ихъ распространеніе въ публикѣ. Само собою разумѣется, что эти стѣснительныя мѣры въ сущности производили дѣйствіе, противное тому, какого ожидало отъ нихъ правительство: чѣмъ меньше было число газетъ, тѣмъ сильнѣе была каждая изъ нихъ, и малочисленность газетъ, принадлежавшихъ каждой партіи, не давала партіи простора раздробляться на многочисленные оттѣнки, раздоры между которыми ослабляли бы партію: имѣя одинъ органъ, члены партіи невольно держались плотно между со-

бою. Уменьшеніе числа экземпляровъ газетъ, производимое штемпелемъ, ни мало не мѣшало расходиться ихъ мнѣніямъ въ публикѣ: напротивъ, малочисленные люди, читавшіе газеты, естественно становились руководителями остальныхъ, и любопытство этихъ остальныхъ, которое могло бы молча удовлетворяться чтеніемъ дешевыхъ газетъ, теперь вело къ разспросамъ, разговорамъ, шумнымъ спорамъ, всегда оказывающимъ больше вліянія на мысли, чѣмъ одинокое чтеніе. Но по обыкновенію, реакціонеры замѣчали только внѣшнее дѣйствіе своихъ распоряженій, не соображая этого внутренняго результата, вреднаго для нихъ самихъ. Они видѣли, что штемпель и залогъ вредятъ газетамъ — этого было для нихъ довольно; того, что и штемпель, и залогъ увеличиваютъ вліяніе газетъ и содѣйствуютъ организованію плотныхъ партій, реакціонеры не замѣчали. Потому предложеніе объ отмѣнѣ штемпеля было отвергнуто палатою; точно также отвергла она предложеніе объ отмѣнѣ залога, и между прочимъ Гизо надменно сказалъ: „залогъ долженъ быть сохраненъ, потому что служитъ гарантіею, показывающею принадлежность людей, основывающихъ газету, къ извѣстному классу общества.“ Это значило, что благонамѣренными и почтенными людьми признаются только люди зажиточнаго класса. Можно судить, какъ дѣйствовали такія надменныя мнѣнія на гордыхъ парижскихъ пролетаріевъ. Правительство съ перваго раза выказало, что не любитъ и боится газетъ. Мы постоянно будемъ видѣть, какой вредъ приносила ему такая система, которая наконецъ и довела іюльскую династію до паденія.

Но иной системы относительно газетъ, т. е. общественнаго мнѣнія, не могла держаться консервативная партія. Безъ удовлетворенія современнымъ потребностямъ, она не могла ждать отъ общественнаго мнѣнія похвалъ своей политикѣ. А всѣ законы, со-

ставлявшіе предметъ совѣщаній палаты депутатовъ, имѣли характеръ не соотвѣтствовавшій нуждамъ общества.

Франція страдала отъ централизаціи и бюрократіи. Эти формы управленія были организованы Наполеономъ сообразно деспотическому характеру всей его системы. Онъ не хотѣлъ терпѣть никакой самостоятельности въ обществѣ, хотѣлъ, чтобы все зависѣло лично отъ него, докладывалось ему и рѣшалось имъ. Реставрація, стараясь истребить все хорошее, перешедшее въ законы Наполеона изъ постановленій предшествовавшихъ ему національныхъ собраній, усердно сберегла всѣ дурные элементы, введенные въ законодательство его стремленіемъ къ произволу. Луи-Филиппъ подражалъ Бурбонамъ. Города и сельскіе округи не имѣли независимости въ своихъ дѣлахъ; они управлялись распоряженіями префектовъ и подчиненныхъ префектамъ чиновниковъ. Законъ о муниципальной организаціи, принятый палатою депутатовъ въ половинѣ февраля 1831 года, ничего не измѣнялъ въ этомъ положеніи и не возвращалъ самостоятельности общинамъ. Также неудовлетворителенъ былъ избирательный законъ. Реставрація хотѣла сосредоточить вліяніе на дѣла въ рукахъ одного высшаго сословія; средствомъ къ этому служилъ ей высокій избирательный цензъ, по которому депутатовъ назначали люди только богатые, платившіе до 300 франковъ прямыхъ налоговъ съ имущества. (Приблизительно считая, это значило тоже, что владѣть имуществомъ въ 45,000 фр.) При такомъ цензѣ изъ 33 милліоновъ французовъ только 80 тысячъ были избирателями. Такая тѣсная привилегія съ самаго начала служила предметомъ всеобщаго негодованія. Надобно было понизить цензъ. Палата упорно боролась противъ общественнаго мнѣнія, стараясь, чтобы пониженіе было какъ можно незначительнѣе. Она хотѣла остановиться на 240 фр.,

но принуждена была спуститься до 200 франковъ. Такимъ пониженіемъ число избирателей удвоивалось; но все таки они составляли малочисленный привилегированный классъ въ массѣ населенія. Передъ февральскою революціею изъ 36 милліоновъ жителей Франціи только 200 тысячъ были избирателями: изъ 50 человѣкъ взрослыхъ мужчинъ только одинъ имѣлъ право участвовать въ выборѣ депутатовъ. Читатель знаетъ, что упорство, съ которымъ орлеанское правительство защищало такую неудовлетворительную систему, отказывая во всякомъ расширеніи избирательнаго права, послужило прямою причиною февральской революціи. Благовидность высокому цензу хотѣли придать увѣреніемъ, что онъ служитъ гарантіею извѣстной степени образованности, необходимой для избирателя. Но фальшивость такого предлога слишкомъ обнаруживалась тѣмъ, что палата отвергла предложеніе дать право выбора лицамъ, званіе которыхъ служитъ уже ручательствомъ за ихъ образованность. Было предлагаемо, чтобы профессора юридическихъ наукъ, медицины и другихъ университетскихъ факультетовъ, нотаріусы, адвокаты, судьи, офицеры становились избирателями, хотя бы и не имѣли требуемаго цензомъ состоянія. Эти предложенія были отвергнуты, хотя званіе профессора конечно служитъ болѣе вѣрнымъ признакомъ образованности, нежели простое владѣніе участкомъ земли или домомъ, платящимъ 200 франковъ налога. Цѣль высокаго ценза была очевидна: человѣкъ зажиточный предполагался болѣе твердымъ консерваторомъ, нежели человѣкъ безъ состоянія; высокій цензъ избирателей служилъ просто ручательствомъ за консервативность ихъ депутатовъ. Но этимъ соображеніемъ руководились сами консерваторы, а Луи-Филиппъ имѣлъ и другой расчетъ, которымъ такъ хорошо пользуются англійскіе олигархи въ маленькихъ городкахъ, гдѣ 150 или 200 человѣкъ

выбираютъ двухъ депутатовъ. Чѣмъ малочисленнѣе кружокъ избирателей, тѣмъ легче пріобрѣсти въ немъ большинство голосовъ личными сдѣлками съ каждымъ избирателемъ. Мы знаемъ, какъ продаются голоса въ маленькихъ англійскихъ городахъ и какъ невозможенъ подкупъ въ англійскихъ большихъ городахъ. Такъ Луи-Филиппъ разсчитывалъ, что у правительства будутъ средства набрать 300 голосовъ въ какомъ нибудь департаментѣ, предоставленіемъ каждому изъ этихъ людей какихъ нибудь личныхъ выгодъ, и что 300 голосовъ составляютъ большинство, если число всѣхъ избирателей въ цѣломъ департаментѣ только 500 или 550 человѣкъ. Но орденовъ, должностей, выгодныхъ подрядовъ и денежныхъ подарковъ не достало бы у министерства, если бы понадобилось подкупать не сотни, а десятки тысячъ людей. Намъ прійдется разсказывать много примѣровъ того, какъ нагло производился подкупъ, особенно въ министерство Гизо. Въ послѣдніе годы іюльской монархіи было всѣмъ извѣстно, что большинство депутатовъ, поддерживающихъ кабинетъ, выбирается людьми подкупленными и потому безнаказанно даетъ подкупать себя. Въ тѣ времена всеобщее право выбора считалось само по себѣ достаточною гарантіею для составленія такой палаты, которая дѣйствительно была бы представительницею общественныхъ потребностей. Теперь, когда опытъ показалъ, что всеобщимъ избирательствомъ дается власть обскурантамъ и реакціонерамъ, многіе лучшіе люди потеряли вѣру въ этотъ принципъ. Дѣло въ томъ, что и тутъ, какъ во всѣхъ историческихъ дѣлахъ, разныя условія общественнаго благосостоянія связаны одно съ другимъ, и какое изъ нихъ ни возьмете вы въ отдѣльности, оно оказывается непрактичнымъ безъ другихъ условій. Политическая власть, матеріальное благосостояніе и образованность,—всѣ эти три вещи соединены неразрывно. Кто находится

въ нищетѣ, тотъ не можетъ развить своихъ умственныхъ силъ; въ комъ неразвиты умственныя силы, тотъ не способенъ пользоваться властью выгоднымъ для себя образомъ; кто не пользуется политическою властью, тотъ не можетъ спастись отъ угнетенія, т. е. отъ нищеты, т. е. и отъ невѣжества. Эта неразрывность условій, похожая на фальшивый логическій кругъ, приводитъ въ отчаяніе людей нетвердыхъ духомъ или нетерпѣливыхъ. Но что же дѣлать, если такъ устроенъ свѣтъ? Намъ, вѣроятно, будетъ случай поговорить объ этомъ подробнѣе, если мы доведемъ разсказъ о французской исторіи до тѣхъ временъ, когда вопросъ о всеобщемъ избирательствѣ получитъ практическую важность и когда потомъ первые опыты всеобщаго избирательства оказались такъ неудачны. Теперь замѣтимъ только, что не одно всеобщее избирательство, а всѣ права и блага общественной жизни находятся теперь и вѣроятно долго еще будутъ находиться въ нелѣпомъ положеніи, представляясь возможными только какъ результаты такихъ фактовъ, которые сами должны служить ихъ результатами. Разумѣется, мы говоримъ только о западной Европѣ. Напримѣръ, при нынѣшней воинственности французовъ невозможно имъ достичь благосостоянія; но только благосостояніе можетъ отучить ихъ отъ нелѣпой воинственности. Напримѣръ, невозможно для нихъ стать народомъ здравомыслящимъ, пока половина мужчинъ и почти всѣ женщины находятся у нихъ подъ вліяніемъ переодѣтыхъ и непереодѣтыхъ іезуитовъ; но избавиться изъ подъ власти іезуитовъ могутъ они только тогда, когда станутъ народомъ здравомыслящимъ. Если надобно называть фальшивымъ логическимъ кругомъ, когда **А** можетъ быть порождено только существованіемъ **Б**, а **Б**, въ свою очередь, можетъ быть порождено только существованіемъ **А**, и когда **А** и **Б**, существованіе

которыхъ необходимо для націи, одинаково не существуютъ или почти не существуютъ, — если надобно называть фальшивымъ кругомъ такое положеніе обстоятельствъ, то всѣ народы всегда находились въ этомъ фальшивомъ кругу; потому-то прогрессъ и шелъ всегда и теперь идетъ съ такою страшною медленностью. Но если все таки было нѣкоторое, хотя очень медленное движеніе впередъ, то значитъ, этотъ фальшивый кругъ не абсолютно сковываетъ развитіе жизни. Дѣло въ томъ, что если каждое условіе благосостоянія порождается только совокупностью всѣхъ другихъ условій, то успѣхъ, сдѣланный какимъ бы то ни было изъ нихъ, все таки отражается нѣсколько благопріятнымъ образомъ на другихъ условіяхъ, какъ бы неудачны ни были его дѣйствія въ собственной частной сферѣ, какими бы разочарованіями ни печалили эти частныя послѣдствія людей, слишкомъ надѣявшихся на всемогущество одинокаго условія. Возьмемъ, напримѣръ, результаты декрета, внезапно давшаго каждому взрослому французу голосъ на выборахъ. Прямой результатъ декрета противорѣчилъ ожиданіямъ всѣхъ честныхъ французовъ. Но что же изъ этого? Развѣ все таки не послужилъ этотъ декретъ на нѣкоторую пользу французскому обществу? Теперь увидѣли, что невѣжество поселянъ губитъ Францію. Пока не имѣли они голоса, никому не было заботы объ этой страшной бѣдѣ. Никто не замѣчалъ, что въ основѣ всѣхъ событій французской исторіи всегда лежало невѣжество поселянъ. Болѣзнь была тайная и остававшаяся безъ леченія; но все таки она изнуряла весь организмъ. Когда поселяне явились на выборы, тогда замѣчено было наконецъ, въ чемъ сущность дѣла. Увидѣли, что ничего истинно полезнаго не можетъ быть осуществлено во Франціи, пока честные люди не займутся воспитаніемъ поселянъ. Теперь это дѣлается, и усилія все же не оста-

ются совершенно безплодными. Раньше или позже, поселяне станутъ разсудительнѣе, и тогда прогрессъ для Франціи станетъ легче. Успокоимся же: хотя бы всеобщее избирательство и не удержалось при возстановленіи законныхъ учрежденій во Франціи, хотя бы горькіе плоды, принесенные декретомъ о немъ, и заставили общественное мнѣніе на время отвергнуть всеобщее избирательство, все таки декретъ о немъ, при великомъ прямомъ вредѣ, принесъ косвеннымъ образомъ несравненно бо̀льшую пользу. А со временемъ, когда горечь первой неудачи пройдетъ, общественное мнѣніе возвратится къ мысли о правѣ каждаго француза быть участникомъ въ общественной власти, и масса будетъ при возстановленіи этого права подготовлена пользоваться имъ лучше, нежели воспользовалась при первомъ его установленіи. Не говоримъ уже о томъ, что какъ бы сильна ни оказалась при возстановленіи законныхъ учрежденій реакція общественнаго мнѣнія противъ всеобщаго избирательства, все таки цензъ будетъ установленъ несравненно ниже того, какой отмѣненъ декретомъ о всеобщемъ избирательствѣ.

Консервативный принципъ требовалъ, чтобы только малочисленный привилегированный кружокъ владычествовалъ надъ общественными дѣлами; это было сдѣлано сохраненіемъ высокаго ценза. Натуральнымъ образомъ, охраненіе порядка, установляемаго представителями привилегированнаго кружка, можно было ввѣрять также только избраннымъ по своему состоянію людямъ. Съ этою цѣлью, при учрежденіи національной гвардіи было рѣшено, чтобы она имѣла довольно дорогой мундиръ; благодаря необходимости такого расхода, національная гвардія составилась только изъ людей зажиточныхъ. Бѣдный классъ, совершенно удаленный отъ участія въ дѣлахъ, имѣлъ противъ себя вооружѣнную силу, готовую наказать

„всякую преступную попытку къ ниспроверженію существующихъ учрежденій.“ Судить объ этомъ каждый можетъ какъ угодно; но дѣло въ томъ, что кто не имѣетъ власти, кто не имѣетъ оружія, о томъ ни кому не нужно заботиться: что за радость хлопотать въ чужую пользу? Дѣйствительно, во весь орлеанскій періодъ ничего не было сдѣлано въ пользу массы.

Мы видѣли характеръ системы, господствовавшей въ тѣ немногіе первые мѣсяцы іюльской монархіи, пока Луи-Филиппъ находилъ нужнымъ терпѣть въ своемъ кабинетѣ прогрессистовъ. Если въ это время не было сдѣлано почти ничего для развитія общественныхъ учрежденій, если и то, очень немногое, что было сдѣлано подъ напоромъ еще незаглохнувшихъ требованій взволнованнаго въ іюлѣ общества, было сдѣлано такъ, чтобы съузить реформы въ возможно меньшіе размѣры, — если упорный консерватизмъ владычествовалъ надъ іюльскою системою даже при Лафайетѣ, Дюпонъ-Делёрѣ и Лафитѣ, то разумѣется, еще сильнѣе выказался этотъ принципъ, когда управленіе перешло исключительно въ руки чистыхъ консерваторовъ и предводитель ихъ, Казиміръ Перье, сталъ главою министерства.

Казиміръ Перье во многихъ книгахъ называется человѣкомъ непоколебимой твердости характера, — этою репутаціею онъ былъ обязанъ своему страшно-грубому высокомѣрію, и страсти къ самовластію. Онъ приходилъ въ негодованіе отъ каждаго слова, сказаннаго поперекъ ему, вспыхивалъ и изливался жолчною бранью. При мягкости французскихъ общежительныхъ формъ, такія манеры отуманивали многихъ. Но въ нашемъ обществѣ подобные люди встрѣчаются часто, мы присмотрѣлись къ этимъ юпитерамъ громовержцамъ и знаемъ, какъ судить о нихъ. Подъ грубымъ высокомѣріемъ скрывается обыкновенно трусли-

вость, какъ мы знаемъ по ежедневному опыту. Казиміръ Перье также былъ трусливъ,— онъ блистательно выказалъ это качество въ іюльскіе дни, когда блѣднѣлъ, дрожалъ, прятался усерднѣе всѣхъ своихъ товарищей депутатовъ. Но при отсутствіи опасности, онъ былъ очень заносчивъ. Находя въ Луи-Филиппѣ человѣка мягкаго, деликатнаго, Казиміръ Перье обращался съ нимъ грубо,— это ставилось ему въ заслугу, какъ доказательство независимости характера. Но при своемъ тонкомъ и терпѣливомъ умѣ, Луи-Филиппъ дозволялъ ему грубить, потому что Казиміръ Перье трудился въ пользу личной власти короля, которому рѣзко запрещалъ вмѣшиваться въ дѣла. Высокомѣрный министръ душилъ либерализмъ; Луи-Филиппъ съ улыбкою смотрѣлъ на рьяность грубіяна, пріучавшаго и министровъ и депутатовъ къ послушанію. Луи-Филиппъ имѣлъ довольно ума, чтобы жертвовать своему разсчету щекотливостью самолюбія.

Не всѣ были такъ разсчетливы; придворный кругъ не любитъ дѣльцовъ, которые третируютъ его съ пренебреженіемъ, и Казиміръ Перье съ перваго же раза имѣлъ удовольствіе выказать свою силу въ полномъ блескѣ. На другой день по своемъ вступленіи въ министерство, явившись во дворецъ, онъ увидѣлъ на всѣхъ лицахъ недовольство и недовѣріе. Придворные дерзко перешептывались, когда новый министръ проходилъ мимо нихъ, и бросали на него враждебные взгляды. Онъ вошелъ въ залъ, гдѣ ждала его королевская фамилія. Король былъ любезенъ, королева вѣжлива съ нимъ, но принцесса Аделаида, сестра короля, уважавшаго ея совѣты, выказывала ледяную холодность, а старшій сынъ короля, герцогъ Орлеанскій, не скрывалъ своего нерасположенія къ новому министру. Казиміръ Перье поблѣднѣлъ, стиснувъ зубы отъ досады, подошелъ къ королю и попросилъ его поговорить съ собою на единѣ. Они вышли въ сосѣднюю

комнату, и Перье рѣзкимъ тономъ сказалъ: „Государь, прошу у васъ отставки.“ Король изумился, смутился, началъ говорить, что не понимаетъ причины его неудовольствія. „У меня враги въ клубахъ, у меня враги при дворѣ, продолжалъ Перье, этого слишкомъ много, государь, слишкомъ много. Бороться противъ столькихъ враговъ въ одно и тоже время невозможно.“ Луи-Филиппу нельзя было ссориться съ нимъ: отставка черезъ день по принятіи должности надѣлала бы слишкомъ много шума, а вражда Казиміра Перье была бы страшна. Король старался смягчить его любезностями. Министръ былъ непреклоненъ. Луи-Филиппъ позвалъ сестру и сына, объяснилъ имъ раздраженіе Казиміра Перье и сказалъ, что надобно умилостивить его. Заставивъ ихъ просить себя, выказавъ свою силу надъ ними, Перье согласился остаться министромъ.

Товарищами Казиміра Перье были люди незначительные, не осмѣливавшіеся противорѣчить ему.(*) Одинъ маршалъ Сультъ могъ бы не смиряться передъ главою министерства, но онъ не имѣлъ охоты спорить, лишь бы ему самому не мѣшали деспотически распоряжаться въ военномъ министерствѣ и увеличивать свое богатство, потому что онъ былъ жаденъ къ деньгамъ.

Казиміръ Перье открыто высказалъ свою программу, явившись въ палату 18 марта (1831 г.). Онъ объявилъ, что іюльскій переворотъ не былъ дѣломъ народнаго возстанія, что онъ хочетъ подавить партіи, иначе понимающія характеръ этого событія, что

(*) Военнымъ министромъ былъ маршалъ Сультъ; министромъ иностранныхъ дѣлъ Себастіани. „Исторія десяти лѣтъ.“ Просимъ сравнить это примѣчаніе съ нашимъ предисловіемъ. Другими министрами были: финансовъ — баронъ Луи: юстиціи — Бартъ; просвѣщенія и вѣроисповѣданій — Монталиве; торговли — д'Аргу; морскихъ силъ — Риньи.

Франція не будетъ оказывать никакой помощи народамъ, возставшимъ противъ своихъ правительствъ. Консервативное большинство палаты совершенно сочувствовало такой системѣ.

Но первыя дѣйствія Казиміра Перье для подавленія враждебныхъ партій не всегда сопровождались успѣхомъ. Впечатлѣніе, произведенное іюльскими событіями, не совершенно еще изгладилось, и преслѣдуемые смущали преслѣдователей, напоминая о томъ, что дали имъ власть.

Въ іюлѣ 1830 г. число республиканцевъ было чрезвычайно мало: оно было очень невелико и теперь, но все таки возростало по мѣрѣ того, какъ все яснѣе становилось, что реформъ нельзя ждать. Нѣкоторыя изъ прежнихъ политическихъ обществъ, имѣвшихъ только общее либеральное направленіе, начали принимать рѣшительно республиканскій цвѣтъ. Самымъ важнымъ изъ нихъ было „Общество друзей народа“ (des Amis du peuple), членами котораго по преимуществу были молодые люди, предводительствовавшіе народомъ въ іюльской битвѣ. Засѣданія „Друзей народа“ сначала были публичныя. Они происходили въ обширной залѣ манежа Пелльe, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Въ концѣ сентября, правительство, именемъ Лафайета, бывшаго тогда командиромъ національной гвардіи, убѣдило „Друзей народа“ отказаться отъ публичности засѣданій и перенести ихъ въ какую нибудь частную квартиру. Средства общества не были ничтожны, потому что оно отправило батальонъ волонтеровъ на помощь бельгійцамъ противъ короля голландскаго. Оно вело сношенія съ департаментами, издавало рѣзкія прокламаціи. Въ началѣ октября президентъ общества, Гюберъ, былъ потребованъ къ суду за одну изъ этихъ прокламацій, которая была найдена оскорбительной для палаты депутатовъ. „Господа, публично сказалъ онъ судьямъ,

странно видѣть васъ, всего черезъ два мѣсяца послѣ іюльской революціи, призывающими на свой судъ людей, бывшихъ не чуждыми успѣху этой великой борьбы. Я не буду имѣть непростительной слабости признавать васъ за своихъ судей и защищаться передъ вами. Судьи, служившіе Карлу X, объявите, что вы не можете произносить надо мною приговора. Народъ снялъ съ васъ власть, возвративъ свободу вашимъ жертвамъ, и вы сами подтвердили его приговоръ, бѣжавъ, когда другіе сражались. Взгляните на нашу трехцвѣтную кокарду: два мѣсяца тому назадъ, вы стали бы позорить ее, называя эмблемою мятежа. Какъ вы отважитесь съ прежнею самоувѣренностью судить людей, носившихъ ее наперекоръ вашимъ наказаніямъ? Какъ вы отважитесь, сидя на вашихъ креслахъ, съ которыхъ сняты лиліи, выносить взглядъ людей, которые изгнали кумира, погубившаго столь многихъ?“ Народъ апплодировалъ этому гордому языку, и судьи еще робѣли передъ обвиняемыми.

Мы говорили, что во время волненій 21 и 22 декабря, народъ разсчитывалъ на содѣйствіе артиллеристовъ 2-й батареи національной гвардіи. Они дѣйствительно хотѣли соединиться съ народомъ, и на луврскомъ дворѣ, ими занимаемомъ, произошло нѣкоторое волненіе. Девятнадцать человѣкъ артиллеристовъ были преданы суду. Главными изъ обвиненныхъ были командиры 2-й батареи, Гинаръ и Кавеньякъ, и Трела, записавшійся въ нее простымъ артиллеристомъ.

Двое изъ этихъ людей, быть можетъ, извѣстны читателю по событіямъ 1848 года; Гинаръ командовалъ тогда однимъ изъ легіоновъ національной гвардіи и дѣйствовалъ смѣлѣе другихъ командировъ; Трела былъ министромъ публичныхъ работъ въ іюнѣ и имѣлъ несчастіе, оказавшись уже человѣкомъ отсталымъ, сдѣлать или одобрить безразсудныя распо-

ряженія, слѣдствіемъ которыхъ было іюньское возстаніе. Третій, Годфруа Кавеньякъ, братъ Эжена Кавеньяка, сдѣланнаго диктаторомъ въ іюньскую битву, былъ уже и въ 1830 г. однимъ изъ главныхъ людей республиканской партіи, а по смерти Армана Карреля сталъ ея предводителемъ; его славѣ Эженъ Кавеньякъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, которымъ такъ плохо воспользовался. Въ то время всѣ они были еще молодые люди. Ихъ и шестнадцать человѣкъ другихъ обвиняли въ намѣреніи произвести возстаніе для провозглашенія республики. Процессъ ихъ былъ веденъ уже въ апрѣлѣ 1831 г., при министерствѣ Казиміра Перье.

Когда обвиненные вошли въ залу суда, сотни зрителей привѣтствовали ихъ аплодисментами. Не думая защищаться, Кавеньякъ и его товарищи сами нападали на своихъ обвинителей, то съ желчною проніею, то съ гнѣвною серьезностью. Пренія продолжались нѣсколько дней, сочувствіе зрителей къ обвиняемымъ возрастало съ каждымъ днемъ. Докторъ Трела, человѣкъ строгихъ нравовъ и нѣжнаго, сострадательнаго характера, былъ любимцемъ бѣдняковъ, потому что безплатно ходилъ лечить и утѣшать ихъ. Онъ представилъ трагическую картину нищеты, свидѣтелемъ которой постоянно былъ, напоминалъ о несдержанныхъ обѣщаніяхъ, о забытыхъ услугахъ. Послѣ него говорилъ Годфруа Кавеньякъ, изящный и блистательный, но весь предавшійся серьезному изученію общественныхъ вопросовъ, человѣкъ замѣчательнаго ума и великаго краснорѣчія. Онъ началъ оправданіемъ памяти своего отца, который служилъ тому же дѣлу, какъ и онъ, и былъ оклеветанъ вмѣстѣ съ другими дѣятелями временъ, предшествовавшихъ учрежденію директоріи. „Я наслѣдовалъ свои принципы, сказалъ онъ. Наука утвердила меня въ направленіи, которое естественно получилъ мой по-

литическій взглядъ, и теперь, когда, наконецъ, представляется мнѣ случай произнести слово, гонимое другими, я безъ страха и безъ аффектаціи объявляю свое задушевное убѣжденіе: „я республиканецъ". Республиканскую партію обвиняютъ въ заговорахъ, продолжалъ онъ, это обвиненіе пустое: съ тѣхъ поръ какъ совершаются революціи, заговорами не стоитъ заниматься. Республиканская партія такъ увѣрена въ своей будущности, что можетъ ждать ея терпѣливо и полагаться въ судьбѣ своей на счастіе націи. Республиканцы предоставляютъ самому правительству вести заговоры на погибель нынѣшнихъ учрежденій ошибками и неправдами, которыя оно совершаетъ. Республиканцамъ нѣтъ нужды торопиться: они знаютъ, что есть въ обществѣ разлагающій элементъ, столь сильно разрушающій всѣ прежнія средства къ управленію, что власть неизбѣжно должна быть пересоздана. Управлять обществомъ безъ коренныхъ преобразованій теперь труднѣе, нежели измѣнить всѣ учрежденія. Противъ республиканцевъ вызываютъ воспоминанія Конвента; но изъ всѣхъ правительствъ, смѣнявшихся во Франціи, одинъ Конвентъ не былъ низвергнутъ, а добровольно отдалъ власть, сходя со сцены побѣдоносно." Онъ доказывалъ, что республиканская форма правленія—самая приличная и удобная для Франціи, что Франція стремится къ ней, и заключилъ свою рѣчь словами: „мы исполняли свою обязанность къ отечеству, и Франція найдетъ насъ готовыми на призывъ ея всегда, когда мы понадобимся ей; все, чего бы ни потребовала она отъ насъ, мы отдадимъ ей." Аплодисменты публики служили продолженіемъ его рѣчи. При такомъ сочувствіи зрителей, при такой смѣлости обвиненныхъ, адвокатамъ ихъ почти не нужно было защищать ихъ; они были оправданы. Зрители бросились къ обвиненнымъ, чтобы проводить ихъ съ тріумфомъ. Гинаръ, Кавеньякъ и

нѣкоторые другіе успѣли скрыться отъ готовившейся имъ овацiи; Гилье былъ пойманъ и отнесенъ домой на рукахъ, не смотря на всѣ свои просьбы и усилія. Трела и д'Эрбенвиль сѣли въ карету и велѣли кучеру ѣхать скорѣе, но толпа нагнала карету, остановила ее, со всѣхъ сторонъ посыпались цвѣты, народъ отпрягалъ лошадей. Трела и д'Эрбенвиль напрасно говорили народу, что онъ долженъ сохранять гордость и въ изъявленіяхъ сочувствія, что такія знаки симпатіи непріятны для нихъ самихъ: толпа, не слушая ихъ, повезла на себѣ карету, и по всей дорогѣ до квартиры Трела поѣздъ двигался среди аплодисментовъ и криковъ. Это было 15 апрѣля (1831). Министерство было раздражено и хотѣло загладить свою неудачу насиліемъ. На другой день по улицамъ Парижа ходили войска, какъ будто для того, чтобы вызвать народъ къ столкновенію. Но республиканцы убѣдили его сохранить тишину.

Въ это время приближалась раздача медалей за іюльскіе дни. На медали хотѣли сдѣлать надпись „дана королемъ.“ 1200 человѣкъ, которымъ назначалась медаль, собрались въ Сомонскомъ пассажѣ и рѣшили не принимать медали, если эта надпись на ней не будетъ уничтожена. Подъ вліяніемъ судебнаго пораженія, правительство уступило и уничтожило надпись. Казиміру Перье самому было пріятно имѣть тутъ новый предлогъ, чтобы уколоть Луи-Филиппа.

20 апрѣля были отсрочены засѣданія палаты депутатовъ, а 3 мая она была распущена и назначены новые выборы. Ничтожность перемѣны, сдѣланной въ избирательномъ законѣ слабымъ пониженіемъ ценза съ 300 на 200 франковъ, обнаруживалась тѣмъ, что въ новой палатѣ большинство осталось прежнее; это значило, что сохранили преобладаніе тѣ же самые классы, какіе имѣли его и до іюльской революціи. Нашъ вообще печальный взглядъ на исторію проис-

ходитъ вовсе не отъ того, чтобы мы отрицали прогрессъ: напротивъ, много разъ мы доказывали, что прогрессъ есть слѣдствіе причинной связи, неизмѣнно дѣйствующей повсюду и всегда, что онъ имѣетъ за собою такую же необходимость и неизбѣжность, какъ тѣ законы, о которыхъ говорятъ естественныя науки, какъ законъ тяготѣнія или химическаго сродства. Несомнѣнно былъ нѣкоторый прогрессъ и въ исторіи Франціи за тѣ годы, событія которыхъ мы разсказываемъ. Цензъ въ 200 франковъ все же лучше ценза въ 300 франковъ, и все же оказывалъ нѣсколько лучшее дѣйствіе. Прогрессисты въ новой палатѣ были сильнѣе, нежели въ прежней. Исторія грустна только потому, что прогрессъ идетъ очень медленнымъ шагомъ, подобно геологическому и зоологическому развитію. Климатъ Франціи сталъ теперь несравненно мягче и благопріятнѣе для человѣка, чѣмъ былъ во время Цезаря, когда покрывали Галлію лѣса и болота. Мы ни мало не отрицаемъ того, что и человѣческая жизнь во Франціи теперь гораздо лучше, нежели въ XV, или въ XVII, или XVIII вѣкѣ. Печально только то, что улучшеніе въ жизни идетъ такъ медленно, что лишь наука открываетъ его посредствомъ своихъ тонкихъ наблюденій, какъ только она открываетъ его и въ климатѣ, а для простаго практическаго чувства улучшеніе и въ климатѣ и въ жизни слишкомъ мало замѣтно. Впрочемъ такъ было всегда, и наше поколѣніе не имѣетъ основанія жаловаться на свою судьбу: болѣе счастливыхъ поколѣній не бывало. Эти послѣднія слова могутъ служить къ смягченію гнѣва, который мы заслуживаемъ со стороны умѣренныхъ либераловъ, восторгающихся настоящимъ временемъ: эти почтенные люди могутъ съ торжествомъ сказать: ну вотъ, вы сами признались, что наше поколѣніе самое счастливое во всей исторіи, стало быть оно очень счастливо. Мы не будемъ возражать.

И такъ прогрессъ былъ, прогрессъ удивительный, великій. Въ новой палатѣ число прогрессистовъ удвоилось; еще нѣсколько голосовъ, всего какихъ нибудь 20 или 30 голосовъ, и они имѣли бы большинство. Близка побѣда. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько лѣтъ досталась имъ побѣда. Мы увидимъ, какъ стали они держать себя тогда, много ли хорошаго они сдѣлали для родины, когда получили власть. Впрочемъ, мы ни мало не станемъ винить ихъ, если окажется, что они сдѣлаютъ не очень много: мы не станемъ упрекать ихъ въ измѣнѣ убѣжденіямъ, въ неисполненіи обѣщаній. Обѣщанія были и малы, и неопредѣленны, а въ убѣжденіяхъ своихъ огромное большинство прогрессистовъ всего на одинъ миллиметръ, т. е. на одну сороковую часть вершка расходилось съ консерваторами. Но изъ-за этого миллиметра шелъ споръ, поднимались крики, будто о завоеваніи цѣлыхъ областей.

При самомъ открытіи палаты прогрессисты доказали увеличившуюся свою силу. Правда, имъ не удалось сдѣлать президентомъ своего кандидата, Лафита; но за то, воспользовавшись нѣкоторымъ раздробленіемъ консервативныхъ голосовъ, они сдѣлали вице-президентомъ Дюпонъ-Делёра, который недавно вышелъ изъ министерства за свой демократизмъ. Это было неудачею для министерства и Казиміръ Перье подалъ въ отставку. Но тутъ же пришло извѣстіе, что голландская армія вступила въ Бельгію; являлось важное дипломатическое затрудненіе, нельзя было Франціи имѣть министерскій кризисъ въ такое время, и министерство Казиміра Перье взяло назадъ свою отставку. Побѣда, уже доставшаяся прогрессистамъ, ускользнула изъ ихъ рукъ и власть осталась за консерваторами. Вотъ одинъ изъ примѣровъ гибельнаго вліянія, какое постоянно имѣетъ забота о внѣшнихъ дѣлахъ на развитіе внутренней жизни

общества. Если бы мы не поставили себѣ за правило исключать внѣшнюю политику изъ нашего разсказа, мы на каждомъ шагу встрѣчались бы съ подобными примѣрами. Но намъ кажется, что подтвержденіе полезной мысли, доставляемое этими примѣрами, далеко перевѣшивалось бы вредомъ, происходящимъ отъ уклоненія мысли читателей и нашихъ собственныхъ соображеній отъ истинно важнаго предмета, отъ внутреннихъ дѣлъ, къ пустымъ интригамъ и ничтожнымъ запутанностямъ.

Казиміръ Перье, т. е. консервативный кабинетъ, былъ драгоцѣненъ для Луи-Филиппа, цѣлямъ котораго такъ усердно служилъ. Но нѣтъ розы безъ шиповъ; характеръ Казиміра Перье, грубый и высокомѣрный, былъ для Луи-Филиппа очень непріятною колючкою. Надменный банкиръ дозволилъ себѣ грубость даже при торжественной церемоніи открытія новой палаты (23 іюля 1831 г.). По парламентскому правилу новая сессія открывается чтеніемъ королевской рѣчи, которая составляется министерствомъ и содержитъ его программу. Когда король читалъ рѣчь, всѣ присутствовавшіе видѣли, что Казиміръ Перье слѣдитъ за его словами по списку рѣчи, который держитъ въ рукахъ. Такое публичное обнаруженіе недовѣрія было страшнымъ неприличіемъ; впрочемъ читатель могъ видѣть на предыдущихъ страницахъ довольно фактовъ, служившихъ основаніемъ для подобнаго поступка. Казиміръ Перье не былъ такъ простодушенъ, какъ Лафайетъ и Лафитъ.

Но скоро произошелъ скандалъ, давшій прогрессистамъ право говорить о самомъ Казимірѣ Перье точно также, какъ онъ думалъ о Луи-Филиппѣ. Послѣ іюльской битвы народъ громко требовалъ оружія и въ удовлетвореніе общему настроенію составъ національной гвардіи увеличился. Нужно было для новыхъ гвардейцевъ большое количество ружей. Что-

бы получить ихъ какъ можно скорѣе, рѣшились сдѣлать заказъ не французскимъ фабрикамъ, а англійскимъ, которыя гораздо обширнѣе. Коммиссіонеромъ выбрали банкира Жиске, котораго рекомендовалъ тогдашнему министерству Казиміръ Перье. 2 октября 1830 г. Жиске поѣхалъ въ Лондонъ, чтобы купить для военнаго министерства 300,000 ружей. Онъ былъ не подрядчикомъ, а просто коммиссіонеромъ. Правительство брало на себя его путевыя издержки и назначало ему извѣстный процентъ за хлопоты. Очевидно, онъ долженъ былъ заключать контракты на имя правительства, а не на свое, и сверхъ коммиссіонныхъ денегъ не искать себѣ коммерческой выгоды отъ поставки. Однакожъ, пріѣхавъ въ Англію, онъ заключилъ съ бирмингемскими фабрикантами Гуилеромъ, Айрономъ и Ферфексомъ контрактъ на свое имя: изъ коммиссіонера онъ сдѣлалъ себя подрядчикомъ. Бирмингемскіе фабриканты предложили, что возьмутъ, для исполненія подряда, старыя ружья изъ лондонскаго арсенала, гдѣ было множество стараго оружія. Жиске согласился, предоставивъ имъ третью часть выгоды, какую принесетъ этотъ оборотъ. Англійское министерство съ удовольствіемъ приняло выгодную сдѣлку: Гуилеръ и Ко обязались взамѣнъ старыхъ ружей поставить въ лондонскій арсеналъ новыя ружья, съ извѣстною разсрочкою. 17 октября 1830 г. Жиске воротился въ Парижъ. Наканунѣ его пріѣзда, его банкирская фирма, потрясенная промышленнымъ кризисомъ, прекратила платежи. Маршалъ Жераръ, бывшій тогда военнымъ министромъ, отказался утвердить контрактъ, заключенный Жиске. Маршалъ Сультъ, ставшій преемникомъ Жерара при перемѣнѣ министерства, произошедшей въ началѣ ноября, также колебался принять контрактъ, по которому Жиске изъ коммиссіонера дѣлалъ себя подрядчикомъ. Жиске хлопоталъ, и когда, наконецъ, спросили, по

какой цѣнѣ онъ будетъ ставить ружья, онъ назначилъ по 34 франка 94 сантима за ружье. Но 27 ноября негоціантъ ванъ-деръ-Мекъ предложилъ черезъ маршала Жерара поставить все требуемое количество ружей по 26 франковъ, обязываясь дать ружья англійской фабрикаціи и перваго сорта. Жиске, извѣщенный 8 декабря объ этомъ предложеніи, былъ сильно опечаленъ; но Ротшильдъ, получивъ участіе въ предполагаемой сдѣлкѣ, отправился къ Сульту и на другой день Жиске былъ приглашенъ Сультомъ для утвержденія подряда. Сравнительно съ цѣною, назначавшеюся отъ ванъ-деръ-Мека, подрядъ, утвержденный за Жиске, составлялъ для казны потерю въ два съ половиною мильона франковъ. Алчность маршала Сульта была извѣстна. По городу распространились очень дурные слухи о томъ, какимъ образомъ Сультъ былъ убѣжденъ отдать подрядъ Жиске по такой раззорительной цѣнѣ. Когда публика стала вникать въ дѣло, къ имени маршала Сульта прибавилось имя Казиміра Перье. Имѣя свою фирму, Казиміръ Перье находился кромѣ того въ долѣ съ Жиске, имѣя въ его фирмѣ пай въ 1,200,000 франковъ. Фирмѣ Жиске грозило банкротство, и контрактъ, заключенный съ бирмингемскими фабрикантами, возстановлялъ, какъ мы видѣли, его дѣла, т. е., спасалъ отъ потерь и Казиміра Перье. Молва о характерѣ этой сдѣлки усилилась, когда оказалось въ добавокъ, что ружья, поставляемыя Жиске по такой чрезмѣрной цѣнѣ, были стары и дурны.

Контрактъ былъ утвержденъ Сультомъ до министерства Казиміра Перье. Но когда онъ сдѣлался первымъ министромъ, толки о подозрительности контракта стали еще сильнѣе. Арманъ Марра, имя котораго извѣстно читателямъ по событіямъ 1848 года, когда онъ былъ членомъ временнаго правительства, меромъ Парижа и президентомъ конституціоннаго

собранія, написалъ въ республиканской газетѣ „La Tribune“ 9 іюля 1831 года статью, излагавшую это дѣло и содержавшую между прочимъ слова: „Правда ли, что при подрядѣ ружей г. Казиміръ Перье и маршалъ Сультъ получили *благодарность* (pot-de-vin), цифра которой составляетъ около милліона на каждаго изъ нихъ?“

Арманъ Марра былъ потребованъ къ суду; адвокаты Жиске и Казиміра Перье защищали своихъ кліентовъ очень ловко, но публика опять была на сторонѣ обвиненнаго, съ жаромъ отстаивавшаго право газетъ печатать статьи подобныя той, за которую его обвинили. „Министры имѣютъ въ своемъ распоряженіи арміи, казну, всѣ національныя силы, говорилъ онъ. По одному знаку ихъ движется вся администрація, возстаютъ на ихъ противниковъ прокуроры и полиція. А мы, писатели, неужели не будемъ имѣть права спрашивать, какъ употребляютъ они власть, злоупотребленія при которой такъ легки? Неужели мы не можемъ выражать слуховъ общественнаго мнѣнія, инстинктъ котораго такъ правдивъ и вѣренъ? Наша обязанность высока. Свобода живетъ недовѣріемъ. Берите себѣ власть, если хотите, но знайте, что взявъ ее, вы подвергаете публичному обсужденію себя, свое настоящее, свое прошедшее, всѣ ваши дѣйствія, даже всѣ ваши предположенія. Стыдъ робкому писателю, измѣняющему своей обязанности изъ страха опасностей, съ ней соединенныхъ.“ Баскань, издатель газеты, въ которой помѣщена была обвиняемая статья, представилъ суду письмо одного изъ главныхъ лондонскихъ оружейниковъ, Бекунта. Баскань успѣлъ съѣздить въ Лондонъ, и сказавъ, что имѣетъ подрядъ, просилъ Бекунта письменно обозначить цѣну, по которой онъ могъ бы принять на себя поставку. Въ этомъ условіи было сказано: „ружье того самаго качества, какъ ружья, полученныя Жиске

изъ лондонскаго арсенала, стоитъ 26 фр. 50 сант.“ Судъ отказался принять къ дѣлу это письмо. Арманъ Марра былъ приговоренъ къ 3000 франкамъ штрафа и шестимѣсячному заключенію. Но общественное мнѣніе рѣшило, что онъ былъ правъ, и фраза „ружья Жиске“ вошла въ полемическій словарь.

Послѣ этого процесса вниманіе общества было занято преніями палаты депутатовъ о наслѣдственности членовъ палаты перовъ. Мы не будемъ входить въ техническія подробности тѣхъ юридическихъ и политическихъ доводовъ, которыми защищали свое мнѣніе приверженцы и противники наслѣдственности званія перовъ. Довольно будетъ замѣтить отношеніе этихъ разныхъ мнѣній къ общему характеру французскихъ учрежденій. Защитники наслѣдственности законодательной власти аристократическаго элемента были совершенно правы, когда говорили, что для прочности и натуральности монархической формы необходимо имѣть ей вокругъ династіи цѣлое сословіе людей, права которыхъ на власть были бы также наслѣдственны; иначе, говорили консерваторы, принципъ наслѣдственной власти, примѣняясь только къ одному лицу, будетъ чѣмъ-то исключительнымъ, несоотвѣтствующимъ всему остальному правительственному устройству и всѣмъ остальнымъ общественнымъ учрежденіямъ; власть короля будетъ представляться натуральной только въ такомъ обществѣ, которое считаетъ натуральнымъ дѣломъ наслѣдственность политической власти вообще. Съ этой точки зрѣнія противники наслѣдственности въ палатѣ перовъ были очевидно неправы, воображая, что не наносятъ вреда самой монархіи разрушеніемъ аристократическихъ привилегій. Но если эти люди, будучи искренними монархистами (число республиканцевъ въ палатѣ депутатовъ было совершенно ничтожно), вовлекались въ такое противорѣчіе съ своими собственными стремленіями, если

они принуждены были обольщать себя софизмомъ о возможности демократической монархіи, то очевидно они увлекались силою обстоятельствъ. Дѣйствительно, общественное мнѣніе слишкомъ настойчиво требовало уничтоженія наслѣдственности званія перовъ. Оно знало только, что эта наслѣдственность несогласна съ національнымъ образомъ мыслей, противорѣчитъ общему духу гражданскихъ учрежденій, водворившихся во Франціи съ конца прошлаго вѣка. Наслѣдственность вліянія на законодательную власть и правъ на участіе въ высшей администраціи была остаткомъ феодальнаго порядка вещей, ненавистью къ которому была проникнута французская нація. Противъ этого чувства не умѣло устоять большинство палаты депутатовъ, и не было этому большинству свободы сообразить, соотвѣтствуетъ ли вражда къ наслѣдственной власти въ палатѣ перовъ желанію быть защитниками монархической формы. Только съ этой точки зрѣнія интересенъ вопросъ о наслѣдственности званія перовъ: въ немъ выказалось безсознательное республиканское направленіе консервативной партіи, воображавшей себя такою ревностною защитницею монархической формы. Она противъ воли увлекалась общимъ духомъ французскихъ гражданскихъ учрежденій и національной ненавистью къ средневѣковымъ властямъ.

Въ другомъ отношеніи интересенъ изданный около того же времени законъ объ изгнаніи Бурбоновъ. Въ числѣ множества неосновательныхъ мнѣній о характерѣ партій есть предположеніе, что чѣмъ умѣреннѣе убѣжденія партіи, тѣмъ мягче средства, которыми она хотѣла бы вести управленіе, и на оборотъ, чѣмъ важнѣе реформы, составляющія предметъ желанія извѣстныхъ людей, тѣмъ безпощаднѣе они къ своимъ противникамъ. Это мнѣніе получаетъ видимую основательность отъ сравненія политики край-

нихъ реакціонеровъ съ политикою умѣренныхъ прогрессистовъ, которая дѣйствительно гораздо мягче. Луи-Филиппъ, Гизо и даже Тьеръ являются ангелами кротости сравнительно съ эмигрантами, свирѣпствовавшими въ первые годы Реставраціи. Изъ этого заключаютъ, что люди, сидящіе налѣво отъ центра, должны также уступать гуманностью своихъ правилъ центру, какъ уступаютъ ему люди, сидящіе направо отъ него. Но тутъ ошибка состоитъ въ томъ, что фактъ характеризуется неточнымъ признакомъ. Разница между реакціонерами и умѣренными прогрессистами заключается не въ томъ, что реакціонеры хотятъ перемѣнъ бо̀льшаго размѣра, а умѣренные прогрессисты меньшаго, не въ томъ, что Гизо хотѣлъ измѣнить только неважныя подробности второстепенныхъ учрежденій, а эмигранты думали передѣлать все гражданское устройство общества: нѣтъ, разница въ томъ, что Гизо хотѣлъ все таки подвигать учрежденія впередъ, а эмигранты отодвинуть ихъ назадъ; бо̀льшая кротость мѣръ, нужныхъ для Гизо, зависѣла отъ того, что его намѣренія были все таки сообразнѣе съ потребностями общества и онъ все таки былъ человѣкъ, имѣвшій болѣе современныя чувства, нежели эмигранты. Нельзя отвергать того, что съ теченіемъ времени европейскія общества становятся гуманнѣе; потому въ комъ болѣе новыхъ идей, въ томъ должно быть больше гуманности. Еще важнѣе то обстоятельство, что, удовлетворяя потребности общества, человѣкъ встрѣчаетъ въ немъ сочувствіе и содѣйствіе, а идя наперекоръ ей, возбуждаетъ ропотъ и сопротивленіе. Прогрессъ учрежденій состоитъ именно въ томъ, чтобы они приводились въ соотвѣтствіе съ настоящимъ развитіемъ общественныхъ потребностей; потому прогрессъ самою сущностью своей вызываетъ въ своихъ послѣдователяхъ расположеніе къ мягкому и гуманному образу дѣйствій. Если мы

не захотимъ вѣрить на слово историкамъ, исполненнымъ предразсудковъ, и станемъ всматриваться въ самые источники нашихъ историческихъ свѣдѣній, мы дѣйствительно увидимъ, что гуманность разныхъ партій была вообще пропорціональна ихъ прогрессивности, а жестокость соразмѣрна отсталости. Есть примѣры, свидѣтельствующіе противное во мнѣніи довѣрчивой массы, привыкшей полагаться на чужое, пристрастное свидѣтельство. Но мы именно то и говоримъ, что если мы будемъ изслѣдовать факты по достовѣрнѣйшимъ памятникамъ, мы убѣдимся, что въ этихъ примѣрахъ характеръ фактовъ искаженъ ненавистью пристрастныхъ историковъ и что, напримѣръ, въ тѣ эпохи французской исторіи, которыя зачернены передъ нами, какъ эпохи неслыханныхъ насилій и жестокостей, было совершено жестокостей и насилій меньше, чѣмъ въ эпохи, прославляемыя за свое спокойствіе.

Мы все это говоримъ въ видѣ предисловія къ слѣдующимъ словамъ объ изгнаніи Бурбоновъ, приводимымъ нами изъ писателя, котораго многіе воображаютъ извергомъ, жаждущимъ казней. Какъ удивятся эти люди, увидѣвъ, что врагъ не только феодализма, представителями котораго были Бурбоны, но и всѣхъ учрежденій нашего времени, имѣющихъ средневѣковое происхожденіе, называетъ безчеловѣчной надменностью рѣшеніе объ изгнаніи Бурбоновъ, принятое консерваторами и умѣренными либералами. Вотъ подлинныя слова:

„Полковникъ Бриквиль предложилъ, чтобы всѣ члены старшей отрасли Бурбоновъ были объявлены навсегда изгнанными изъ французскихъ предѣловъ; и чтобы этотъ законъ объявлялъ наказаніемъ за свое нарушеніе смертную казнь. Надобно отдать буржуазіи ту справедливость, что предложеніе полковника Бриквиля не нашло въ ней единодушнаго сочувствія.

Многіе понимали, что такой законъ нечестивъ и несправедливъ, наказывая цѣлый родъ за дѣла одного изъ его членовъ; что онъ противенъ принципу общественности, связывая долговѣчный народъ условіями мимолетнаго раздраженія; что онъ не нуженъ, потому что французскіе законы и безъ него наказываютъ заговоры, и безъ него слишкомъ кровавы; что онъ противорѣчитъ собственной своей цѣли, потому что честолюбіе пробуждается опасностями, облагораживающими даже незаконныя стремленія, и потому, что среди благородной націи названіе преслѣдуемаго будетъ служить паспортомъ претенденту. Да и прилично ли было выказывать такое ожесточеніе противъ династіи, уже побѣжденной? На трибуну вошелъ Мартиньякъ" (бывшій нѣкогда министромъ Карла X и заслужившій общее уваженіе своими напрасными усиліями спасти Бурбоновъ отъ погубившаго ихъ расположенія къ реакціи). „На его лицѣ была печать смерти, зародышъ которой уже лежалъ въ его организмѣ. Видя его выступившимъ на защиту своего стараго изгнаннаго государя, вспоминали о его усиліяхъ предотвратить это паденіе, это изгнаніе. „Господа, сказалъ онъ, слабымъ, проницавшимъ въ душу голосомъ, изгнаніе по нашимъ законамъ — наказаніе позорное, налагаемое судьею по зрѣломъ обсужденіи. А вамъ предлагаютъ изречь наказаніе впередъ, безъ обсужденія, противъ поколѣній еще не родившихся, противъ людей, о которыхъ вы не знаете, каковы они будутъ. Одинъ изъ вашихъ ораторовъ недавно сказалъ: во Франціи гоненіе искупляетъ человѣка. Этою глубокою истиною осужденъ вашъ законъ. Если претендентъ пріѣдетъ во Францію, каждый предупредитъ правительство объ опасности, угрожающей государственному спокойствію. Но если пріѣдетъ во Францію изгнанникъ, впередъ осужденный на казнь, гдѣ вы найдете человѣка, который пошелъ

бы привести за руку палача и сказать ему: вотъ посмотри, этому человѣку ты долженъ отрубить голову. Нѣтъ, во Франціи не найдется такого человѣка.“ Ораторъ остановился въ волненіи. „Если одинъ изъ этихъ изгнанниковъ, наказываемыхъ вашимъ предложеніемъ (заключилъ онъ свою рѣчь) будетъ приведенъ судьбою во Францію искать убѣжища, пусть онъ постучится въ дверь того самаго человѣка, который сдѣлалъ это предложеніе, — отворится дверь, пусть онъ назоветъ себя, войдетъ въ домъ,— я впередъ ручаюсь ему за его безопасность.“ Этими благородными словами былъ рѣшенъ вопросъ. Палата приняла законъ объ изгнаніи, но уничтожила всякое наказаніе за его нарушеніе. Если бы палата была послѣдовательна, она отвергла бы все предложеніе, а не одну половину его.“

Это говоритъ авторъ „Исторіи десяти лѣтъ.“ Могъ ли ожидать отъ него такихъ словъ кто нибудь, знавшій о немъ только по словамъ его противниковъ, а не по его собственнымъ сочиненіямъ и дѣйствіямъ? Надобно прибавить, что онъ и его политическія друзья не только говорятъ, но и дѣйствуютъ въ томъ же духѣ: въ 1848 г. они противились изгнанію орлеанской фамиліи.

До сихъ поръ передъ нами проходили событія, имѣвшія чисто политическій характеръ. Но вотъ Ліонъ подалъ первый примѣръ тѣхъ волненій новаго рода, которыя, постепенно возрастая, оттѣснили на второй планъ политическіе вопросы во внутренней жизни Франціи и въ 1848 г. дали событіямъ направленіе, смущающее нынѣ столь многихъ.

Организація ліонской шелковой промышленности была въ 1831 г. почти такова же, какъ теперь. Она занимала отъ 30 до 40,000 подмастерьевъ (ouvriers compagnons), которые жили со дня на день, не имѣя ни денегъ, ни кредита, ни постоянныхъ квартиръ.

Выше ихъ находился классъ хозяевъ или мастеровъ (chefs d'atelier), число которыхъ простиралось отъ 8 до 10 тысячъ. У каждаго хозяина было четыре или пять станковъ и работавшіе за ними подмастерья отдавали за станокъ хозяину половину платы, которую получали отъ фабриканта за работу. Фабриканты, числомъ до 800 человѣкъ, составлявшіе третій классъ, занимали средину между мастерами и такъ называемыми коммиссіонерами, отъ которыхъ сами получали заказы и шелкъ. Такимъ образомъ было четыре разряда, изъ которыхъ каждый тяготѣлъ надъ слѣдующимъ. Коммиссіонеры давили собою фабрикантовъ, фабриканты мастеровъ, и стѣсненные мастера не могли не давить подмастерьевъ; такое отношеніе производило глухую ненависть каждаго низшаго разряда противъ того, который тяготѣлъ надъ нимъ. Пока промышленность шла безъ остановки, дѣло ограничивалось глухимъ ропотомъ. Но еще до іюльскаго переворота ліонская фабрикація стала впадать въ затруднительное положеніе. Производство шелковыхъ матерій развилось въ Цюрихѣ, въ Базелѣ, въ Бернѣ, въ Кёльнѣ; Англія также начала сама производить у себя шелковые товары, которые прежде брала изъ Ліона. Кромѣ иностраннаго соперничества, уменьшавшаго сбытъ, явилось другое обстоятельство, тяжелое для работниковъ. Съ 1824 г. число фабрикантовъ стало сильно увеличиваться; отъ этого усилилось между ними соперничество. Слѣдствіемъ всего было разумѣется пониженіе заработной платы. Вмѣсто прежнихъ 4 или 6 франковъ въ день, хорошіе работники стали получать только по 2 франка, по 2 франка безъ четверти, по 1 франку съ четвертью. Пониженіе шло постепенно, и въ ноябрѣ 1831 года работникъ, ткавшій гладкія матеріи, получалъ уже только 90 сантимовъ (20 коп. сер.), работая 18 часовъ въ сутки. Нищета подмастерьевъ дошла до край-

ности. Сами мастера впали въ жестокую нужду: пониженіе заработной платы не оставляло имъ средствъ платить за наемъ мастерской по возвысившимся цѣнамъ квартиръ. Жалобы были общія. Подмастерья и мастера сблизились между собою въ общей бѣдѣ.

Ліонскимъ префектомъ былъ человѣкъ, умѣвшій обращаться съ народомъ, Бувье Дюмоларъ; онъ видѣлъ, что прійдется или употреблять крутыя мѣры противъ мастеровыхъ, или помочь ихъ нуждѣ, и рѣшился помочь. Но его власть была слаба. Муниципальный совѣтъ вообще враждовалъ противъ префекта, а генералъ Роге, командовавшій войсками въ Ліонѣ, былъ личнымъ врагомъ префекта. Роге, храбрый солдатъ, не понималъ ничего кромѣ военнаго ремесла и считалъ жалобы рабочаго населенія просто слѣдствіемъ мятежнаго духа. 11 октября 1831 г. промышленный посреднической совѣтъ (conseil des prud'hommes), члены котораго выбирались изъ мастеровыхъ и фабрикантовъ съ тѣмъ, что число членовъ отъ фабрикантовъ было однимъ больше числа членовъ отъ мастеровыхъ, принялъ рѣшеніе слѣдующаго содержанія: „принимая въ соображеніе общеизвѣстный фактъ, что многіе фабриканты дѣйствительно платятъ за тканье слишкомъ мало, признается полезнымъ опредѣлить тарифъ наименьшихъ цѣнъ работы.“ Посреднической совѣтъ занялся этимъ вопросомъ по приглашенію генерала Роге; префектъ, не смотря на свою вражду съ генераломъ, рѣшился дѣйствовать въ пользу этого постановленія, и 15-го октября собралъ на совѣщаніе членовъ Ліонской торговой палаты, меровъ города Ліона и его предмѣстій. На этомъ совѣщаніи было положено, чтобы тарифъ наименьшей платы былъ постановленъ по соглашенію между 22 работниками, изъ которыхъ 12 были уже выбраны своими товарищами, и 22 фабрикантами по выбору торговой палаты. Фабриканты остались недо-

вольны такимъ рѣшеніемъ, но работники почли его благодѣяніемъ. 21 октября собрались 22 фабриканта выбранные торговою палатою и 12 депутатовъ отъ мастеровыхъ. Но фабриканты сказали, что, будучи назначены не своими товарищами, а торговою палатою, они не могутъ составлять положеній обязательныхъ для всѣхъ фабрикантовъ; имъ былъ данъ срокъ, чтобы получить полномочіе отъ сословія фабрикантовъ, а работники въ эти дни должны были выбрать остальныхъ 10 депутатовъ въ дополненіе къ прежнимъ 12. Но между тѣмъ кризисъ становился сильнѣе. Каждый вечеръ на площадяхъ собирались толпы работниковъ, разсуждая о жестокости промедленія при трудности ихъ обстоятельствъ. 25 октября было назначено днемъ засѣданія коммиссіи для окончательнаго установленія тарифа. Въ десять часовъ утра улицы Ліона представляли замѣчательное зрѣлище. Десятки тысячъ рабочихъ въ стройномъ порядкѣ, молча сходили съ высотъ предмѣстья Краснаго Креста, которое населено ими, и шли по городу къ префектурѣ ждать рѣшенія своей судьбы. Они стояли смирно и молча. У нихъ не было ни оружія, ни палокъ; только начальники отрядовъ имѣли небольшія палочки, означавшія ихъ власть, и трехцвѣтное знамя развѣвалось надъ мирною толпой. Демонстрація имѣла спокойный характеръ, но Бувье Дюмоларъ хотѣлъ отстранить всякій поводъ къ клеветѣ. Онъ выпелъ въ мундирѣ къ работникамъ, сказалъ имъ, что дурно будетъ, если ихъ присутствіе станутъ выставлять понужденіемъ при составленіи тарифа, и поэтому пусть они разойдутся; тогда онъ откроетъ засѣданія коммиссіи. Съ криками „ура префекту!“ бѣдняки тихо и въ порядкѣ воротились домой. По ихъ удаленіи началось засѣданіе коммиссіи. Депутаты работниковъ выказали такую умѣренность, что въ нѣкоторыхъ работахъ согласились даже на пониженіе прежнихъ цѣнъ.

Тарифъ былъ составленъ, подписанъ депутатами обѣихъ сторонъ; коммиссія поручила промышленному посредническому совѣту наблюдать за его исполненіемъ и назначила извѣстный день въ недѣлю для занятій этимъ предметомъ; работники были въ восторгѣ. Предмѣстье Краснаго Креста вечеромъ было иллюминовано, танцы и пѣніе въ немъ продолжались до глубокой ночи. Работники такъ были расположены довольствоваться своимъ первымъ успѣхомъ, что ихъ депутаты хотѣли сложить свое званіе. Но префектъ просилъ ихъ остаться оффиціальными лицами, надѣясь имѣть въ нихъ полезныхъ помощниковъ для поддержанія порядка.

Нѣкоторые изъ фабрикантовъ были также довольны введеніемъ тарифа: они понимали, что онъ защищаетъ большинство самихъ фабрикантовъ отъ угнетенія капиталами нѣсколькихъ сильныхъ спекулянтовъ. Но большинство фабрикантовъ было раздражено. Они называли тарифъ несноснымъ тиранствомъ. 10 ноября 400 человѣкъ изъ нихъ собрались и подписали протестъ противъ тарифа: „работники требуютъ чрезмѣрно большой платы, потому что создали себѣ прихотливыя потребности,“ говорили они въ этомъ документѣ. Бувье-Дюмоларъ, запуганный ихъ угрозами, 17 ноября прочелъ посредническому совѣту бумагу, которой объявлялъ ему, что тарифъ не имѣетъ обязательной силы, а служитъ только основаніемъ для частныхъ сдѣлокъ между фабрикантомъ и работникомъ. Въ Ліонъ пришелъ слухъ, что министръ торговли не одобряетъ дѣйствій префекта. Генералъ Роге говорилъ, что надобно принять крутыя мѣры, чтобы работникамъ нельзя было возобновить манифестацій, подобныхъ манифестаціи 25 октября. Онъ держалъ солдатъ въ готовности къ вооруженному дѣйствію и удвоилъ караулы, присоединивъ къ солдатамъ національныхъ гвардейцевъ перваго Ліонскаго

легіона, состоявшаго изъ фабрикантовъ. Тарифъ пересталъ исполняться многими фабрикантами, посредническій совѣтъ пересталъ наблюдать за его охраненіемъ. Доведенные до прежней крайности, несчастные работники рѣшились отказаться на недѣлю отъ работы и возобновить мирныя манифестаціи, условившись громко выражать свою признательность при встрѣчѣ на улицахъ съ тѣми фабрикантами, которые выказывали къ нимъ доброжелательство. Но именно умѣренность работниковъ усиливала раздраженіе ихъ враговъ, пріобрѣтавшихъ болѣе самоувѣренности. Одинъ фабрикантъ показывалъ работникамъ пистолеты, приготовленные у него на столѣ; другой сказалъ: „если у нихъ нѣтъ хлѣба въ животѣ, мы набьемъ его штыками.“

20 ноября былъ смотръ національной гвардіи. Зажиточные гвардейцы явились на него въ мундирахъ новой формы; люди нуждавшіеся, т. е. хозяева мастерскихъ, оставались въ мундирахъ стараго покроя. Надъ ними стали смѣяться фабриканты, щеголявшіе новыми мундирами. Отвѣтомъ на насмѣшки служили угрозы. Вечеромъ въ городѣ было нѣкоторое безпокойство за слѣдующій день. Префектъ въ сопровожденіи мера и начальниковъ національной гвардіи хотѣлъ отправиться къ Роге, чтобы условиться съ нимъ о мѣрахъ для охраненія порядка. Комендантъ по враждѣ къ нему не захотѣлъ его принять. Бувье-Дюморъ сдѣлалъ распоряженія, чтобы національная гвардія собралась въ 7 часовъ утра. Эти распоряженія не были исполнены и на увѣдомленія о нихъ Роге отвѣчалъ презрительной запиской, въ которой говорилъ, что префекту не зачѣмъ хлопотать о сохраненіи порядка, потому что онъ, комендантъ войскъ, самъ займется этимъ; а самъ онъ между тѣмъ былъ болѣнъ и не зналъ хорошо мѣстности Ліона.

Ліонъ расположенъ на узкомъ мысѣ между Роною

съ востока и Соною съ запада. Предмѣстье Краснаго Креста лежитъ на сѣверъ отъ Ліона, на возвышенности, господствующей надъ городомъ. Между этимъ предмѣстьемъ и городомъ находится терраса, возвышающаяся надъ самымъ предмѣстьемъ; по ея отлогости идутъ въ городъ двѣ главныя дороги; та изъ нихъ, которая налѣво, называется Косогорною (Grand' Côte).

Въ понедѣльникъ, 21 ноября, въ 8-мъ часу утра, 300 или 400 человѣкъ шелковыхъ работниковъ собрались въ предмѣстьи Краснаго Креста; съ ними былъ ихъ синдикъ. Они хотѣли ходить по мастерскимъ, чтобы приглашать къ прекращенію работы до возстановленія тарифа. Вдругъ явился отрядъ человѣкъ изъ 60-ти національныхъ гвардейцевъ; офицеръ скомандовалъ „друзья, надобно разогнать эту сволочь!“ Они бросились со штыками на работниковъ. Работники окружили ихъ, обезоружили и прогнали. Толпы стали увеличиваться, но въ нихъ еще не было мятежныхъ мыслей. Онѣ только хотѣли возобновить свою мирную манифестацію 25 октября и пошли въ городъ по Косогорной дорогѣ, по четыре человѣка въ рядъ, держась за руки. Гренадеры 1-го легіона, состоявшаго изъ фабрикантовъ, пошли на встрѣчу имъ изъ города. На срединѣ дороги между городомъ и предмѣстьемъ, они встрѣтились съ работниками, приложились, дали залпъ и восьмеро изъ работниковъ упали, тяжело раненые. Остальные въ безпорядкѣ бросились назадъ въ свое предмѣстье съ криками отчаянія. Въ минуту, все предмѣстье Краснаго Креста взволновалось; изо всѣхъ домовъ посыпались люди, вооруженные палками, лопатами, кольями, вилами. У нѣкоторыхъ были ружья. Всюду раздавались крики: „къ оружію! бьютъ нашихъ братьевъ!“ По улицамъ стали подниматься баррикады; женщины и дѣти помогали строить ихъ. Работники захватили двѣ

пушки національной гвардіи предмѣстья Краснаго Креста, и двинулись на Ліонъ; впереди шли барабанщики, надъ ними развѣвалось черное знамя, знамя пролетаріата; на этомъ знамени былъ девизъ: „жить работою или умереть въ бою“ (vivre en travaillant ou mourir en combattant). Былъ 11 часъ въ концѣ.

Въ городѣ между тѣмъ Роге мѣшалъ префекту. Онъ велѣлъ принести себя въ ратушу, гдѣ былъ уже Бувье-Дюмоларъ. Префектъ требовалъ, чтобы онъ велѣлъ роздать патроны. — „Не отъ васъ мнѣ получать приказанія, я знаю самъ, что дѣлать,“ — отвѣчалъ комендантъ. Въ половинѣ 12-го патроны были наконецъ розданы; префектъ съ генераломъ Ордонно повели колонну линейныхъ войскъ и національной гвардіи по Косогорной дорогѣ. На верхнемъ пунктѣ ея уже стояла баррикада. Подъемъ тутъ очень крутъ и съ обѣихъ сторонъ тянутся домы, въ которыхъ во всѣхъ живутъ работники. Градъ черепицъ, камней и пуль посыпался на колонну, когда она стала подниматься къ баррикадѣ. Префектъ былъ раненъ камнемъ, многіе вокругъ него упали, колонна отступила. Два офицера національной гвардіи Краснаго Креста, соединившейся съ работниками, вышли впередъ, прося префекта быть парламентеромъ. Онъ пошелъ за ними въ предмѣстье, вошелъ на балконъ, чтобы говорить народу, волновавшемуся подъ окнами. По временамъ его слова перерывались отчаянными криками: „работы или смерти!“ Непріязненныя дѣйствія казались прекратившимися, какъ вдругъ въ трехъ разныхъ мѣстахъ послышались ружейные залпы и пушечные выстрѣлы. „Предательство! мстить!“ закричали работники и бросились на префекта, сорвали съ него шпагу, повели его, поднявъ сабли надъ его головою, въ другой домъ и оставили тамъ подъ карауломъ. Генералъ Ордонно также былъ схваченъ и приведенъ въ квартиру работника Бернара, который защитилъ его.

Между тѣмъ, въ городѣ били тревогу, собирались войска и національная гвардія. Эскадронъ драгунъ, съ батареею артиллеріи національной гвардіи, прошелъ до предмѣстья Краснаго Креста по правой, Кармелитской дорогѣ, ведя жаркую перестрѣлку, потому что эта дорога также опоясана домами, въ которыхъ живутъ работники. Въ предмѣстьи онъ, поддержанный батальономъ національной гвардіи, упорно бился; земля была покрыта мертвыми и раненными, когда принесена была записка отъ генерала Ордонно, приказывавшая войску и гвардіи отступить. Они повиновались, не зная, что Ордонно въ плѣну.

Вооруженные работники требовали у префекта, чтобы онъ подписалъ приказъ выдать имъ 40,000 патроновъ и 500 картечныхъ зарядовъ. Онъ не соглашался, и многіе грозили ему; но большинство, и въ томъ числѣ Лакомбъ, одинъ изъ мастеровыхъ, предводительствовавшихъ возстаніемъ, выказывали Бувье-Дюмолару свою привязанность, даже предлагали, чтобы онъ переодѣвшись ушелъ изъ плѣна. Уйти тайнымъ образомъ префектъ не согласился, но вечеромъ вышелъ къ толпамъ инсургентовъ и сказалъ: „Послушайте: если вы хотя минуту могли думать, что я измѣнялъ вашимъ интересамъ, оставьте меня заложникомъ; но если вамъ не за что упрекнуть меня, пустите меня воротиться къ управленію дѣлами, и вы увидите, что я неизмѣнно буду поступать, какъ добрый отецъ.“ Работники начали спорить между собою, отпускать ли его; но въ восьмомъ часу вечера наконецъ отпустили. Когда онъ проходилъ по улицамъ предмѣстья, наполненнымъ инсургентами, нѣкоторые роптали, но ропотъ покрывался криками „ура префекту, ура отцу рабочихъ!“ Ночью былъ отпущенъ и генералъ Ордонно.

Въ Ліонѣ находилось до 3,000 войска; Роге при-

звалъ еще одинъ полкъ, который пришелъ ночью. По утру (22 ноября), онъ послалъ отрядъ на предмѣстье Краснаго Креста, но работники окружили солдатъ, и заставили ихъ положить оружіе; обѣ дороги, ведущія въ городъ, были во власти инсургентовъ, и тысячи людей, вооруженныхъ чѣмъ попало, двинулись на городъ. Битва на ліонскихъ улицахъ продолжалась цѣлый день. Постепенно, почти вся ліонская національная гвардія перешла на сторону инсургентовъ; только отряды, состоявшіе изъ фабрикантовъ, до конца остались за одно съ войскомъ. Фабриканты стрѣляли по инсургентамъ изъ оконъ, Роге истреблялъ ихъ картечью—все было напрасно. Работники отбивали одну позицію за другою, брали въ плѣнъ одинъ отрядъ за другимъ. Къ ночи, они владѣли всѣмъ городомъ, кромѣ окрестностей ратуши, куда отступили войска. Роге увидѣлъ невозможность продолжать сопротивленіе и ночью вывелъ войска за городъ, оставивъ префекта въ Ліонѣ хлопотать о возстановленіи порядка мирными средствами.

Бувье-Дюмоларъ пригласилъ къ себѣ Лакомба и другихъ работниковъ, имѣвшихъ вліяніе на товарищей. Они признали его власть, объявили, что не имѣютъ ничего противъ правительства, что хотѣли только спасти себя отъ истребленія. Они подписали прокламацію, составленную въ этомъ смыслѣ (23 ноября), и обыкновенное городское начальство было возстановлено самими инсургентами. Работники не дѣлали никакихъ жестокостей во время боя, сохраняли дисциплину, поступали съ плѣнными солдатами и фабрикантами ласково и предупредительно, а немедленно по прекращеніи битвы возстановилась въ городѣ полная безопасность. Ни о чемъ, подобномъ грабежу или воровству, не могли говорить и самые ожесточенные противники работниковъ. Когда какіе-то два плута вздумали было воровать во время битвы, ра-

ботники, поймавъ ихъ, приговорили своимъ судомъ къ смерти и разстрѣляли. Они охраняли жизнь и собственность самыхъ враждебныхъ имъ фабрикантовъ, какъ охраняла бы самая заботливая администрація.

Такъ прошло полуторы недѣли. Наконецъ, 3 декабря, около 12 часовъ, явилась прокламація, объявлявшая, что въ Ліонъ прибыли принцъ Орлеанскій, старшій сынъ короля, и маршалъ Сультъ, военный министръ. Они вступили въ городъ, предводительствуя сильнымъ войскомъ, которое шло боевыми колоннами, съ заряженными ружьямм, съ пушками при зажженныхъ фитиляхъ.

Маршалъ Сультъ немедленно принялъ мѣры, какихъ и слѣдовало ожидать. У работниковъ было отобрано оружіе; національная гвардія Ліона и предмѣстья Краснаго Крестк была распущена. Ліонъ и предмѣстье, наводненныя 20,000-мъ войскомъ были объявлены въ осадномъ положеніи; предмѣстье Краснаго Креста стали окружать фортами съ многочисленными батареями. Множество работниковъ было арестовано.

Теперь, разумѣется, не стало надобности сохранять тарифъ, поддержаніе котораго было единственною цѣлью инсургентовъ и единственнымъ ихъ требованіемъ послѣ побѣды. Бувье-Дюмоларъ, за „неблагоразумныя дѣйствія,“ былъ отставленъ отъ должности; онъ былъ болѣнъ, но маршалъ Сультъ приказалъ ему выѣхать изъ города, хотя бы за два льё, если не можетъ ѣхать дальше до выздоровленія. Бувье-Дюмоларъ былъ изгнанъ какъ негодяй и злодѣй изъ Ліона, который спасъ для правительства; онъ былъ вывезенъ изъ города больной, въ суровую зимнюю погоду, оставляя въ тревогѣ многочисленное свое семейство, состоявшее изъ 82-лѣтней матери и маленькихъ дочерей.

Странное впечатлѣніе произведено было на Францію ліонскимъ возстаніемъ. Непонятно казалось оно, и потому сначала наполнило умы тревогою. Ліонскіе работники поднялись не за Генриха V, не за Наполеона II, не для провозглашенія республики,— зачѣмъ же они возстали, чего хотятъ? — чего-то чуждаго понятіямъ всѣхъ порядочныхъ людей, даже самыхъ увлеченныхъ крайними республиканскими понятіями. „Жить работою или умереть въ бою“ — это девизъ чуждый всѣмъ партіямъ; что же будетъ такое? Могутъ ли всѣ партіи считать безопаснымъ для себя этотъ классъ, или всѣ должны соединиться противъ него?

Но забота эта была новая, непривычная для тогдашняго поколѣнія, уже забывшаго о Бабёфѣ. Палата депутатовъ одобрила строгія мѣры правительства, газеты не видѣли въ ліонскомъ возстаніи отношенія къ своей полемикѣ о политическихъ формахъ, общественное вниманіе тотчасъ же было поглощено другими дѣлами, и вопросъ, поднятый въ Ліонѣ людьми, не участвующими въ политической жизни, скоро былъ забытъ.

V. Королевскій бюджетъ.— VI. Вандейское возстаніе и плѣнъ герцогини Беррійской. — VII. Похороны Ламарка и возстаніе 5—6 іюня.

Разсказъ о событіяхъ іюльской монархіи намъ приходилось начать странною исторіею завѣщанія и смерти герцога Конде, бросавшею самый невыгодный оттѣнокъ на характеръ человѣка, которому поручена была судьба государства. Вторую статью намъ опять приходится начать разсказомъ о происках, имѣвшихъ такой же характеръ, производившихъ на французское общество такое же впечатлѣніе. Однимъ изъ главныхъ дѣлъ новой палаты депутатовъ было опредѣленіе бюджета для короля. Едва принявъ власть, Луи-Филиппъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы избѣжать исполненія скромныхъ обѣщаній, какія дѣлалъ во время іюльскаго переворота для привлеченія къ себѣ энтузіастовъ, подобно Лафайету, мечтавшихъ о республиканской простотѣ при монархическомъ устройствѣ. Онъ говорилъ тогда о чрезмѣрности расходовъ на придворный штатъ при Бурбонахъ и восклицалъ: „6,000,000 франковъ—вотъ самое большое, что можетъ понадобиться королю-гражданину!“ Но какъ только объявленъ былъ онъ королемъ, онъ сталъ вести придворные расходы на сумму втрое бо̀льшую. Очень можетъ быть, что онъ былъ правъ, находя нужнымъ для сохраненной французами формы правленія такую обстановку: но публика, по обыкновенной своей непослѣдовательности не хотѣла знать о существенныхъ условіяхъ формы, которую поддерживала, а твердила только о несоразмѣрности новыхъ требованій съ прежними обѣщаніями. Составленъ былъ проэктъ королевскаго бюджета въ 20 милліоновъ фр.;

умѣренный либерализмъ поступилъ и тутъ по своей обычной системѣ поднимать великій шумъ изъ за пустяковъ. Дѣло было еще при министерствѣ Лафита. Онъ, увидѣвъ проэктъ, составленный придворными, выразилъ изумленіе громадности цифры: по его мнѣнію было бы достаточно 18 милліоновъ. Стоило ли спорить изъ за такой мелкой разницы? 18 или 20 милліоновъ, вѣдь это было бы почти все равно и для Луи-Филиппа и для государственныхъ расходовъ. Но Луи-Филиппъ не соглашался сбавить десяти процентовъ изъ своей цифры, Лафитъ находилъ, что очень важна будетъ экономія на 2 милліона изъ 20, что характеръ придворной обстановки сильно перемѣнится отъ такого сокращенія. Назначена была коммиссія изъ членовъ палаты депутатовъ для разсмотрѣнія проэкта. Палата, еще бывшая подъ впечатлѣніемъ іюльскихъ обѣщаній, подобно Лафиту пришла въ ужасъ, узнавъ цифру: вѣроятно ей казалось, что было бы довольно не 20, а тоже 18 или 18 ½, или 17 ½ милліоновъ. Впечатлѣніе, произведенное проэктомъ, было очень сильно и дурно. Луи-Филиппъ нашелъ нужнымъ отложить вопросъ, и путь къ отступленію былъ выбранъ имъ точно такой же какъ всегда: хитрость до того тонкая, что, удовлетворяя формѣ, никакъ не могла скрыть сущности дѣла. Онъ прибѣгъ къ преданности Лафита. Условились, чтобы онъ написалъ къ Лафиту письмо, въ которомъ жаловался бы на опрометчивое усердіе придворныхъ и говорилъ бы, что никогда не давалъ своего одобренія цифрѣ ими выведенной. Это письмо должно было имѣть характеръ секретнаго; но Лафитъ по неосторожности долженъ былъ прочесть его передъ членами коммиссіи, и, благодаря опрометчивому нарушенію тайны, коммиссія получала и передавала палатѣ, а палата публикѣ,—все это по секрету,—неопровержимое доказательство безкорыстія Луи-Филиппа, безко-

рыстія, которое коварно насилуется безразсудными придворными. Все сдѣлалось по условію, и вопросъ о королевскомъ бюджетѣ былъ отложенъ до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Время возобновить его пришло, когда палъ Лафитъ и съ образованіемъ министерства Казиміра Перье власть исключительно перешла въ руки безусловныхъ консерваторовъ. Новая палата уже не помнила іюльскаго обѣщанія о 6 милліонахъ и твердила только о надобности дать королю приличную обстановку. И тутъ опять способъ дѣйствія былъ выбранъ самый тонкій: въ проэктѣ королевскаго бюджета министры не выставляли цифръ, а только конфиденціальнымъ образомъ убѣждали разныхъ членовъ палаты депутатовъ назначить 18 1/2 милліоновъ изъ государственнаго казначейства. Велика или мала была эта цифра, нужны или нѣтъ были прибавки къ ней, но сдѣлали еще новую ошибку изъ желанія не говорить о 20-ти слишкомъ милліонахъ. Если нужно давать людямъ непріятный сюрпризъ, всего разсчетливѣе бываетъ давать его однимъ пріемомъ въ одной пилюлѣ, а не дробить на нѣсколько разныхъ сюрпризовъ. По разсчету слишкомъ тонкому не было соблюдено это условіе, требуемое грубостью вкуса публики. Сначала сообщили ей объ 18 1/2 милліонахъ чистыхъ денегъ изъ общихъ доходовъ государства, потомъ стали обнаруживать требованія на разныя прибавки подъ разными названіями. Оказалось, что кромѣ 18 1/2 милліоновъ дворъ требуетъ въ личное распоряженіе короля множество разныхъ помѣстій и лѣсовъ, доходъ съ которыхъ простирается до 4 милліоновъ; кромѣ того, стали говорить о сохраненіи удѣльнаго содержанія. До вступленія своего на престолъ Луи-Филиппъ, какъ принцъ крови, пользовался удѣльнымъ содержаніемъ въ 2 1/2 милліона, даннымъ ему щедростью Карла X. По здравому смыслу, да и по положительнымъ зако-

намъ Франціи, это удѣльное содержаніе должно было уничтожиться со вступленіемъ на престолъ лица, пользовавшагося имъ по титулу простаго принца. Напротивъ, теперь требовали, чтобы удѣльное содержаніе было оставлено за Луи-Филиппомъ независимо отъ королевскаго бюджета. Всѣми этими требованіями напомнилось публикѣ неблаговидное распоряженіе, сдѣланное Луи-Филиппомъ при самомъ вступленіи на престолъ. По основнымъ законамъ французской монархіи личное имущество фамиліи, вступающей на престолъ, сливается съ государственнымъ имуществомъ. Луи-Филиппъ поступилъ иначе: 6 августа 1830 г., наканунѣ дня, назначеннаго для провозглашенія его королемъ, онъ дарственною записью уступилъ своимъ дѣтямъ громадное свое богатство, которое на другой день должно было бы стать государственнымъ имуществомъ. Это старое дѣло припомнилось теперь.

Самыя статьи основнаго или собственно такъ называемаго королевскаго бюджета (liste civile) были составлены съ натяжками явно несообразными. Такъ, напримѣръ, на содержаніе придворной церкви было назначено въ десять разъ больше, чѣмъ при набожномъ Карлѣ X, а Луи-Филиппъ не былъ усерднымъ католикомъ. На лѣкарства было назначено 80,000 франковъ, и публика говорила, что разслабленный подагрикъ Людовикъ XVIII употреблялъ микстуръ и припарокъ на сумму гораздо меньшую, чѣмъ думаетъ употреблять Луи-Филиппъ, пользующійся, по милости небесной, превосходнымъ здоровьемъ. Подъ статьею „личныя удовольствія“ (menus-plaisirs) было выставлено 4,268,000 франковъ; этотъ терминъ понимался во Франціи, какъ расходъ на содержаніе фаворитокъ, и забавно было назначеніе такой огромной суммы для Луи-Филиппа, нравы котораго были строги и семейное счастіе котораго было всѣмъ извѣстно. На со-

держаніе каждой лошади было назначено по 5,000 франковъ, а лошадей этихъ полагалось 300. Луи-Филиппъ не блисталъ экипажами и упряжью: зачѣмъ же ему 300 лошадей, и чѣмъ кормить ихъ, чтобы фуражъ каждой стоилъ 5,000 франковъ?

Насмѣшкамъ не было конца. Особенною язвительностью отличались памфлеты Кормнена. Они доказывали, что даже при Карлѣ X тратилось всего только 11,200,000 франковъ на тѣ статьи расходовъ, которыя теперь доводились до 18 1/2 милліоновъ. Пренія въ палатѣ депутатовъ были продолжительны. Луи-Филиппъ достигъ успѣха; ему было дано все, чего онъ требовалъ, но нравственное достоинство его страшно потерпѣло: всѣмъ казалось, что онъ взошелъ на престолъ лишь за тѣмъ, чтобы собирать себѣ деньги, принялъ званіе короля по разсчетамъ, какими руководится человѣкъ, берущій на аренду заводъ или помѣстье.

Къ довершенію эффекта, въ это же время возобновилось дѣло о завѣщаніи и смерти герцога Конде. Мы оставили его въ томъ положеніи, что законные наслѣдники, принцы Роганы, собирали матеріалы для начатія процесса противъ завѣщанія, передавшаго фамильныя богатства одному изъ сыновей Луи-Филиппа и баронессѣ де-Фёшеръ. Наконецъ матеріалы были собраны теперь и процессъ начался. Рѣчи адвокатовъ фамиліи Роганъ были убійственны для Луи-Филиппа: всѣ обстоятельства, изложенныя нами въ первой статьѣ, были выставлены на видъ съ безпощаднымъ мастерствомъ. Были разоблачены всѣ интриги, происходившія между баронессою и Луи-Филиппомъ, всѣ нравственныя мученія, какимъ подвергали жалкаго старика. чтобы выманить у него богатство, и вся двусмысленность его смерти. Адвокаты баронессы и герцога Омальскаго могли отвѣчать только юридическими тонкостями, показывавшими недоста-

точность обвиненій для судебнаго признанія насильственной смерти герцога, и недѣйствительности его завѣщанія. Но публика осталась при мнѣніи, что если принцы Роганы не имѣютъ полныхъ юридическихъ доказательствъ, то сущность дѣла была именно такова, какъ они говорятъ.

Въ отвѣтъ на намеки легитимистскихъ и республиканскихъ газетъ о жадности, придворныя газеты вздумали отвѣчать указаніемъ на молодость Луп-Филиппа, на то, что онъ сражался подъ знаменами Дюмурье. Для газетъ противныхъ партій это послужило предлогомъ разобрать всю прошедшую жизнь Луи-Филиппа, доказать, что онъ съ первой молодости былъ интригантомъ: тутъ припомнилось, какъ онъ при помощи Дюмурье хотѣлъ овладѣть французскимъ престоломъ, какъ тогда раскрылись его сношенія съ австрійцами, какъ потомъ онъ завелъ интриги въ Испаніи и былъ постыдно удаленъ оттуда Веллингтономъ, какъ интриговалъ онъ для полученія французскаго престола въ 1814 и 1815 годахъ.

4 января 1832 г., въ 5 часовъ вечера, послышался набатъ на колокольнѣ парижской церкви Notre-Dame. Сторожъ бросился на колокольню, но былъ встрѣченъ сверху лѣстницы криками и пистолетными выстрѣлами. Онъ побѣжалъ донести полиціи объ этомъ странномъ происшествіи и были присланы солдаты. Колокольня была обыскана; на ней нашли шесть человѣкъ молодыхъ простолюдиновъ. Одинъ изъ нихъ былъ еще почти ребенокъ, плакалъ, увѣрялъ въ своей невинности и обѣщалъ открыть все. Пока его допрашивали, показался огонь на сѣверной башнѣ церкви. Пожаръ успѣли потушить. Плачущій юноша говорилъ, что на колокольнѣ былъ еще седьмой человѣкъ. Долго не могли найдти этого седьмаго, и на башнѣ вспыхнулъ опять огонь. Пожаръ погасили во второй разъ и продолжали обыскъ. Вдругъ самъ вышелъ изъ ка-

кого-то темнаго угла человѣкъ и закричалъ, что сдается. Когда его спросили объ его званіи, онъ отвѣчалъ: „бунтовщикъ.“ Самъ по себѣ случай былъ ничтожный, и странные люди, безъ всякихъ приготовленій думавшіе произвести возстаніе звономъ въ колоколъ, никому непонятнымъ, конечно, не были опасными противниками. Но слѣдствіемъ объ нихъ раскрылись вещи гораздо худшія самаго ихъ безразсудства. Оказалось, что полиція была за нѣсколько дней предувѣдомлена о ихъ замыслѣ. Открылось даже, что начальникъ городской полиціи Карлье, получившій такую знаменитость во время реакціи, послѣ 1848 года, когда сдѣлали его префектомъ полиціи, самъ сказалъ сторожу, чтобы онъ не запиралъ дверей на колокольню. Полицейскіе, ловившіе мятежниковъ, напередъ говорили, въ какомъ мѣстѣ лѣстницы найдутъ они баррикаду; когда арестовали послѣдняго изъ нихъ, полицейскій сержантъ сталъ нюхать его ладони, не намочены ли онѣ спиртомъ: полиція знала даже о томъ, что заговорщики хотятъ взять съ собой бутылку спирта, которая дѣйствительно и нашлась. Наконецъ, описаніе происшествія было послано въ Times изъ Парижа 3 января, наканунѣ самаго происшествія. Всѣ эти вещи были раскрыты слѣдствіемъ; а когда начался судъ, то адвокатъ арестованныхъ доказалъ, что они были возбуждены къ безразсудной попыткѣ полицейскимъ агентомъ Перно, освобожденнымъ каторжникомъ, доносившимъ начальству о всемъ ходѣ устроиваемаго имъ заговора. Казиміръ Перье увѣрялъ, что ему оставалась неизвѣстна эта темная продѣлка; но правительство все таки оставалось нравственно виновно въ томъ, что его собственная полиція устроиваетъ заговоры для доставленія ему случаевъ устрашать строгостями недовольныхъ. Большая часть обвиненныхъ были оправданы присяжными, только трое были приговорены

къ легкому наказанію, и то не за участіе въ заговорѣ, а лишь за то, что не донесли о продѣлкахъ Перно.

Человѣку, имѣющему высокія понятія о назначеніи правительства, должно казаться удивительнымъ, что онъ читаетъ въ этихъ статьяхъ все только разсказы о разныхъ темныхъ проискахъ, имѣвшихъ цѣлью денежныя выгоды Луи-Филиппа, и объ усиліяхъ къ подавленію разныхъ вспышекъ. Но дѣйствительно только этими вещами почти постоянно и ограничивалась дѣятельность новаго правительства. Не производя никакихъ важныхъ реформъ, оно оставляло въ разныхъ слояхъ общества всѣ прежнія причины къ недовольству положеніемъ дѣлъ. Общественное устройство оставалось въ томъ же видѣ какъ при Бурбонахъ, и тѣ классы, которые произвели іюльскій переворотъ, по недовольству не самими Бурбонами, а порядкомъ дѣлъ, державшимся при Бурбонахъ, постепенно проникались такою же враждою и противъ Луи-Филиппа, опять-таки не по какимъ нибудь политическимъ убѣжденіямъ, несовмѣстнымъ съ властью Луи-Филиппа, а просто потому, что она поддерживала тяжелый для нихъ прежній порядокъ дѣлъ. Видъ этого безсилія іюльской монархіи сдѣлать что нибудь въ пользу простолюдиновъ постепенно приводилъ все большее число демократовъ къ мысли, что монархическая форма во Франціи несовмѣстна съ народными потребностями; такимъ образомъ само правительство было причиною усиленія республиканской партіи и успѣха, какой постепенно пріобрѣтала ея пропаганда между парижскими простолюдинами. Съ другой стороны приверженцы Бурбоновъ справедливо находили, что Орлеанская династія не имѣетъ причины существовать, если ничѣмъ важнымъ не отличается отъ прежней династіи: нація, не находя разницы между Бурбонами и ихъ младшею вѣтвью, Орлеанскимъ домомъ, должна, ду-

мали легитимисты, отдать предпочтеніе прежней династіи. Будучи поставлено между этими двумя движеніями, назадъ къ Бурбонамъ, и впередъ къ республикѣ, не имѣя самобытной опоры въ чувствахъ массы, іюльское правительство, поставившее задачею себѣ стоять и держать общественныя учрежденія въ прежнемъ видѣ, тратило всѣ свои силы исключительно на то, чтобы удержаться. Оно оправдывало свою апатію въ дѣлѣ общественнаго прогресса необходимостью сосредоточивать всѣ свои мысли, всѣ свои силы на свою защиту отъ опасностей, и не хотѣло понять, что опасности для него возникали именно только изъ его апатіи къ прогрессу, исчезли бы при появленіи въ немъ заботливости о реформахъ, полезныхъ для общества. Мы не хотимъ рѣшать, были ли въ самой формѣ правительства, сохраненной іюльскимъ переворотомъ, какія нибудь причины невозможности принять прогрессивное направленіе; бонапартисты и республиканцы утверждали это, доказывая, что дать Франціи необходимыя реформы можетъ, по мнѣнію однихъ, только военное самовластіе, по мнѣнію другихъ—только республика. Но была или нѣтъ въ самой формѣ правленія, установленной конституціею 1814 года и сохраненной конституціею 1830 г., несообразность съ потребностями французской націи, во всякомъ случаѣ, даже при наилучшихъ правительственныхъ формахъ, нельзя было произойти ничему хорошему при характерѣ Луи-Филиппа, имѣвшаго много прекрасныхъ качествъ ума и души, но не имѣвшему одного: честной способности забывать свои денежные разсчеты и хитрыя интриги для національныхъ потребностей. Его характеръ не внушалъ ни уваженія, ни довѣрія; нравственная власть правительства надъ умами падала отъ этого, и враждебныя ему партіи, видя неудовлетворенность народныхъ нуждъ, разсчитывали легко низвергнуть Орлеанскую

династію. Еще въ 1830 и 1831 годахъ были, какъ мы упоминали, небольшія вспышки республиканскихъ движеній и легитимистскихъ демонстрацій. Въ 1832 году тѣ и другія приняли размѣръ болѣе значительный.

Мы начнемъ съ волненія, поднятаго легитимистами на западѣ Франціи.

По удаленіи любимцевъ Карла X вслѣдъ за Бурбонами въ Англію, легитимисты остались безъ энергическихъ предводителей въ Парижѣ. Правда, они имѣли на своей сторонѣ двѣ великія знаменитости, Шатобріана и Беррье, но обое сообщали только блескъ своей партіи, а вести ее на битву не были способны. Великій поэтъ и благороднѣйшій человѣкъ по мнѣнію французовъ, а по нашему мнѣнію, несносный риторъ, всѣ хорошія качества котораго портились неимовѣрною раздутостью тщеславія, Шатобріанъ могъ своими кудрявыми произведеніями и рѣчами восхищать людей, любящихъ высокопарность, но къ практическому дѣлу никогда и ни въ чемъ не былъ способенъ,—это видѣли даже люди, приходившіе въ восторгъ отъ его генія, который дѣйствительно былъ у него на одно только жеманство. Онъ хандрилъ и разсуждалъ о паденіи своего вѣка, который палъ въ его мнѣніи собственно потому, что не призналъ въ немъ великаго государственнаго человѣка, равнаго Наполеону — стать въ параллель съ Наполеономъ было задушевною его мечтою, какъ показываетъ каждая страница его „Замогильныхъ Записокъ.“ Хандрилъ онъ потому, что это придавало челу его очень эффектную печать, „высокой и глубокой скорби.“ Онъ чуждался всѣхъ, чтобы производить на публику болѣе эффекта своимъ трагическимъ одиночествомъ: ему хотѣлось навести людей на мысль, что онъ изгнанникъ на умственномъ островѣ Св. Елены. Беррье, напротивъ, былъ человѣкъ дѣйствительно огромнаго ума и таланта. Краснорѣчіе его было увлекательно, личность его очаро-

вательна. Но онъ былъ плебей по происхожденію, и легитимизмъ управлялъ только его мыслями, а не сердцемъ: онъ самъ не вѣрилъ въ будущность аристократической монархіи Бурбоновъ. Его привлекло въ лагерь легитимистовъ особенно то, что аристократическіе салоны очень изящны, манеры аристократовъ очень граціозны и любезны, нигдѣ нельзя такъ хорошо провести вечеръ, наслушаться столькихъ и такихъ милыхъ комплиментовъ, найти для себя столько лести, не шокирующей тонкаго вкуса. Онъ былъ артистъ и любитель высокаго комфорта; своею завидною обстановкою онъ не хотѣлъ жертвовать: какъ ему было рисковать головою или свободою, когда адвокатство доставляло краснорѣчивому оратору такіе доходы, т. е. такой комфортъ, и притомъ рисковать безъ глубокой преданности дѣлу легитимистовъ? Чтобы поднялось легитимистское возстаніе, управленіе партіею должно было перейти въ другія руки. Шатобріанъ, Беррье и другіе важнѣйшіе легитимисты, оставшіеся во Франціи, говорили, что надобно ждать, терпѣть, пока черезъ долгое время іюльское правительство падетъ само собою.

Аристократическая молодежь не хотѣла ждать: этимъ изящнымъ рыцарямъ грубая толпа колола глаза насмѣшливыми вопросами о томъ, что дѣлали они въ іюльскіе дни, когда имъ слѣдовало бы умереть за своего аристократическаго короля и когда ни одинъ изъ нихъ не сталъ защищать династію, погибавшую за аристократовъ. Они горѣли нетерпѣніемъ доказать, что сохранили храбрость, привилегію которой присвоивали дворянству, по примѣру своихъ предковъ. Тою же ревностью къ подготовленію возстанія были проникнуты дамы аристократическаго круга, праздность которыхъ радовалась развлеченію, имѣвшему романическій видъ съ своими воображаемыми опасностями, въ сущности безвредными для нихъ (кто же

сталъ бы казнить дамъ за бунтъ?) и тѣмъ болѣе привлекательными: затѣять интригу, хлопотать, ѣздить, секретничать, поощрять мужество словами любви, поцѣлуями за вѣрность законному королю,—все это такъ занимательно!

Партія легитимистовъ сама по себѣ была малочисленна; за то она владѣла большими денежными средствами и во многихъ мѣстахъ, особенно на югѣ Франціи и въ Вандеѣ, значительнымъ вліяніемъ на сельское населеніе, благодаря огромнымъ помѣстьямъ, уцѣлѣвшимъ отъ продажи въ революцію. При нѣкоторой восторженности, молодежь и дамы могли разсчитывать на успѣхъ, котораго не надѣялись дѣльные люди легитимистской партіи. Предводители отказывались отъ участія въ опрометчивой попыткѣ, надобно было замѣстить ихъ кому нибудь. За это взялась принцесса Беррійская Марія-Каролина, вдова несчастнаго принца, убитаго десять лѣтъ тому назадъ, мать малолѣтняго короля Генриха V, женщина еще молодая, экзальтированная, любившая эксцентрическія приключенія. Карлъ X не одобрялъ отваги своей невѣстки, но не въ силахъ былъ устоять противъ ея пылкихъ требованій, согласился объявить, чтобы легитимисты признавали ее правительницею королевства отъ имени ея сына, и отпустить ее въ Италію, чтобы она оттуда руководила ходомъ заговора и явилась начальствовать возстаніемъ, когда оно вспыхнетъ. По пріѣздѣ герцогини въ Сардинію, начались совѣщанія съ являвшимися изъ Франціи заговорщиками о томъ, гдѣ начать возстаніе, на югѣ или въ Вандеѣ. Вандея уже имѣла нѣсколько шуанскихъ шаекъ, составившихся изъ молодыхъ людей, скрывшихся отъ конскрипціи, которую поселяне въ тѣхъ мѣстахъ не любили больше, чѣмъ гдѣ нибудь во Франціи. Однако главные изъ вандейскихъ заговорщиковъ все-таки мало надѣялись на свои силы, говоря, что могутъ

взяться за оружіе лишь тогда, когда силы правительства будутъ отвлечены отъ западныхъ департаментовъ возстаніемъ на югѣ. Но прежде того легитимисты рѣшились сдѣлать попытку въ самомъ Парижѣ: они хотѣли овладѣть Тюильрійскимъ дворцомъ въ ночь съ 1 на 2 февраля (1832), во время большаго придворнаго бала; они уже достали ключи отъ пяти воротъ Тюильрійскаго сада, набрали нѣсколько сотъ человѣкъ бывшихъ королевскихъ тѣлохранителей (garde royale), обольстили нѣсколькихъ простолюдиновъ, сражавшихся въ іюлѣ на баррикадахъ и раздраженныхъ тѣмъ, что побѣда не принесла никакой пользы народу. Но полиція узнала о замыслѣ отъ оружейника, у котораго заговорщики покупали ружья, и который сталъ подозрѣвать недобрые замыслы въ своихъ покупщикахъ. Отважнѣйшіе изъ заговорщиковъ, простолюдины, были арестованы въ кофейной, въ улицѣ Пруверъ, куда собрались, чтобы взять ружья, которыя долженъ былъ привести туда оружейникъ. Знатные соучастники замысла не были выданы преданными суду простолюдинами, да и противъ арестованныхъ почти не нашлось уликъ, такъ что наказаны были немногіе. Дѣло, задуманное въ Парижѣ, разрушилось; и надобно было возвратиться къ мысли поднять возстаніе на югѣ и въ Вандеѣ.

Герцогиня Беррійская, бывшая принцессою неаполитанскаго дома и находившаяся въ родствѣ почти со всѣми итальянскими государями, нашла себѣ радушный пріемъ у герцога моденскаго, который гордился тѣмъ, что одинъ изъ всѣхъ европейскихъ правителей не признавалъ королемъ Луи-Филиппа. Герцогиня поселилась въ городкѣ Массѣ, на морскомъ берегу и близъ Ливорно, такъ что сношенія съ Франціею были для нея очень удобны. Но прежде, чѣмъ начать войну съ Луи-Филиппомъ, она должна была преодолѣть препятствія, которыя представля-

лись ей въ самой легитимистской партіи, дробившейся на три отдѣла.

Важнѣйшіе изъ легитимистовъ, оставшихся во Франціи, не надѣясь на успѣхъ возстанія, думали, что надобно пока ограничиваться газетною и парламентскою полемикою и только подготовлять умы къ возстановленію Бурбоновъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Молодежь и дамы хотѣли возстанія; изъ людей, пользовавшихся политическимъ вліяніемъ, эту мысль раздѣляли только придворные, эмигрировавшіе съ Карломъ X. Они опять дѣлились на двѣ партіи. Одни полагали, что возстаніе можетъ имѣть удачу только тогда, если будетъ опираться на иноземное войско; они хотѣли, чтобы Россія, или Австрія, или Голландія или вся континентальная Европа послала армію для вторженія во Францію, какъ было въ 1792 году; когда иностранцы двинутся въ Парижъ какъ воины Генриха V, вся Франція присоединится къ нимъ, думали эти люди, господствовавшіе надъ умомъ Карла X; ихъ представителемъ былъ герцогъ де-Блака. Другіе, главою которыхъ была герцогиня Беррійская, находили, что иностранное вторженіе могло только окончательно погубить Бурбоновъ, пробудивъ противъ нихъ національное чувство. Они хотѣли опираться исключительно на своихъ приверженцевъ внутри самой Франціи. Эти люди были нѣсколько разсудительнѣе партіи герцога Блака, рѣшительно неспособной понимать чувства французской націи, хотя и сами могли казаться сколько нибудь разсудительными только по сравненію съ партіею Блака.

Соглашаясь на экспедицію герцогини Беррій ской Карлъ X посылалъ вмѣстѣ съ регентшею герцога Блака, какъ совѣтника ея, и далъ ему тайное полномочіе, по которому вся власть должна была принадлежать герцогу, а регентшѣ одинъ только титулъ.

Содержаніе этой бумаги не было въ точности извѣстно герцогинѣ, но она узнала его, благодаря ссорѣ двухъ сановниковъ своего штата съ герцогомъ. Одинъ изъ этихъ придворныхъ, вліянію которыхъ на герцогиню завидовалъ Блака, увидѣлъ необходимость низвергнуть его, чтобы удержаться самому, и убѣдилъ герцогиню потребовать, чтобы Блака показалъ ей свое полномочіе. Когда бумага была прочитана главными приверженцами герцогини, они всѣ объявили, что Карлъ X, по отреченіи своемъ отъ королевскаго титула и по назначеніи регентшею герцогини Беррійской, уже не имѣлъ права располагать властью. Послѣ долгой борьбы герцогиня написала наконецъ къ Блака письмо, въ которомъ доказывала ему неудобство раздѣленія власти между двумя лицами и просила его, въ доказательство дружбы къ ней, воротиться въ Шотландію къ Карлу X.

По удаленіи Блака энергическая герцогиня стала вести дѣло быстро. По Франціи разъѣзжали эмиссары, были приготовлены прокламаціи и актъ, учреждавшій въ Парижѣ временное правительство, членами котораго герцогиня назначала Шатобріана, Кергорле, маршала Виктора (герцога Беллунскаго) и генерала Латуръ-Мобура. Заговорщики вступили въ сношенія съ бонапартистами и надѣялись на поддержку Меттерниха. Но Меттернихъ былъ настолько остороженъ, что не захотѣлъ компрометировать австрійскій кабинетъ связью съ авантюристами, а бонапартисты не могли сойтись съ легитимистами, потому что независимо отъ приверженности другому претенденту имѣли систему убѣжденій, несовмѣстную съ цѣлями легитимистовъ: Бурбоны были представителями старинной аристократической монархіи, бонапартисты были дѣтьми революціи, и охотно соглашаясь на военный деспотизмъ, не хотѣли жертвовать равенствомъ всѣхъ французовъ передъ закономъ. Легитимисты, враждеб-

ные равенству, хотѣли деспотизма не военнаго, а придворнаго. Символами противоположности принциповъ служили цвѣта національнаго знамени: бонапартисты требовали, чтобы оставлено было трехцвѣтное знамя революціи, Наполеона I и іюльской монархіи, легитимисты не согласились отказаться отъ возстановленія бѣлаго знамени. Такимъ образомъ герцогиня Берійская могла разсчитывать только на свою собственную партію, да и то далеко не на всю: благоразумнѣйшая и большая часть легитимистовъ не хотѣла участвовать въ опрометчивой попыткѣ. Шатобріанъ просилъ дозволенія пріѣхать въ Италію, чтобы отклонить герцогиню отъ ея намѣреній. Марія-Каролина не захотѣла видѣться съ нимъ. Легитимисткіе комитеты въ Парижѣ напрягали всѣ усилія, чтобы отклонить отъ мысли о возстаніи пылкую часть аристократической молодежи въ южныхъ провинціяхъ и Вандеѣ. Въ этихъ провинціяхъ легитимисты также были несогласны и большинство считало возстаніе несвоевременнымъ. Но люди пылкіе готовились къ нему, набирали волонтеровъ между поселянами, запасали ружья; въ Вандеѣ явились уже вооруженные отряды, убивавшіе жандармовъ, грабившіе почту. Волненіе увеличивалось, такъ что герцогиня видѣла надобность или сообщить заговорщикамъ, что дѣло отсрочено, или спѣшить къ нимъ во Францію. Она рѣшилась на послѣднее и взяла съ собою конституцію, приготовленную ея партизанами на случай успѣха. Конституція была составлена въ самомъ либеральнѣйшемъ духѣ, по мнѣнію легитимистовъ, но въ сущности все-таки возвращала Францію къ тому положенію дѣлъ, какое было до революціи. Одною изъ приготовленныхъ прокламацій всѣ законы и распоряженія, изданные съ іюльскаго переворота, объявлялись недѣйствительными, а личное имущество Луи-Филиппа подвергалось секвестру. Страшная мсти-

тельность, выказанная Бурбонами въ 1815 году, была одною изъ причинъ ихъ непопулярности. Люди, составлявшіе совѣтъ при герцогинѣ Беррійской, требовали, чтобы она увѣрила Францію въ полной безопасности отъ преслѣдованій за прошедшія событія. Герцогиня должна была покориться на словахъ, но въ спорѣ объ этомъ слишкомъ ясно выказала свои настоящія намѣренія жестомъ, подражавшимъ паденію топора гильотины. Кергорле съ жаромъ схватилъ ее за руку и сказалъ: „прошу васъ не повторять подобныхъ жестовъ“.

Отъѣздъ изъ Италіи во Францію назначенъ былъ 24 апрѣля (1832). Предлогомъ отъѣзда изъ Массы была выбрана поѣздка во Флоренцію. При наступленіи ночи герцогиня съ двумя дамами и однимъ изъ придворныхъ сѣла въ четырехмѣстную карету, подъ которую были взяты почтовыя лошади, для избѣжанія всякихъ подозрѣній. Въ городскихъ воротахъ, каретѣ надобно было остановиться, и почтовый кучеръ по обыкновенію воспользовался этой остановкой, чтобы поправить сбрую на лошадяхъ. Пока онъ возился съ ними, не оглядываясь на карету, придворный служитель отперъ дверцу кареты, герцогиня съ одною изъ дамъ и съ придворнымъ вышла изъ нея, а въ карету сѣла горничная другой дамы, оставшейся на своемъ мѣстѣ. Карета стояла близь городской стѣны, покрывавшей нѣсколько шаговъ пространства самою густою темнотою. Вышедшіе изъ кареты спрятались въ этой тѣни, и когда кучеръ, не замѣтившій ничего поѣхалъ дальше, герцогиня съ своимъ спутникомъ и спутницею стали пробираться къ морскому берегу все вдоль по стѣнѣ. Въ одинадцать часовъ вечера они пришли на пристань. Дежурные таможенные служители крѣпко спали; если бы кто изъ нихъ проснулся, тайна разрушилась бы, и пришедшіе старались не поднять ни малѣйшаго шороха. Имъ пришлось

долго ждать маленькаго парохода „Карлъ-Альберъ," принадлежавшаго герцогинѣ. Пароходъ шелъ изъ Генуи; экипажу было сказано, что онъ отправляется въ Испанію. Время отъѣзда было разсчитано такъ, чтобы въ назначенное время пароходъ поравнялся съ окрестностями Массы; пассажиры на немъ были эмигранты. Капитанъ очень удивился, когда они потребовали, чтобы онъ шелъ къ берегу взять другихъ пассажировъ; онъ не хотѣлъ слушаться, боясь строгихъ наказаній за нарушеніе карантинныхъ правилъ; но эмигранты заставили его повиноваться. Герцогинѣ пришлось ждать парохода около четырехъ часовъ и она заснула на пескѣ, завернувшись въ свой плащъ. Въ три часа утра пароходъ наконецъ подошелъ и герцогиня счастливо перешла на него, не разбудивъ таможенныхъ сторожей.

Во время переѣзда она была спокойна и весела. Пароходъ пришелъ къ Марсели безъ всякихъ опасностей 28 апрѣля, въ полночь. На извѣстномъ мѣстѣ берега дожидались нѣсколько легитимистовъ. Переѣздъ съ парохода на берегъ въ шлюбкѣ былъ довольно страшенъ, потому что море сильно волновалось; но герцогиня и тутъ выказала свое безстрашіе. Мѣстомъ отдыха для нея былъ выбранъ крестьянскій домикъ среди поля; тропинка вела къ нему по скаламъ очень крутымъ. Герцогиня въ темную ночь смѣло шла этою опасною и тяжелою дорогою.

Между тѣмъ, въ Марсели уже распространился слухъ о ея прибытіи. Но за обстоятельствомъ, неожиданно разгласившимъ тайну, послѣдовало другое странное обстоятельство, прикрывшее герцогиню совершенною безопасностью на довольно долгое время. Вечеромъ 28 числа одинъ изъ усерднѣйшихъ приверженцевъ герцогини нанялъ у рыбака лодку, чтобы ѣхать подальше отъ берега, взглянуть, не приближается ли пароходъ. Во время поѣздки онъ безпре-

станно посматривалъ на часы и вообще обнаруживалъ безпокойство. Воротившись на берегъ, гребцы, бывшіе на лодкѣ, зашли случайнымъ образомъ отдохнуть въ ту самую харчевню, куда пришли и гребцы, перевозившіе съ парохода на берегъ герцогиню. Начавъ толковать между собою, они обнаружили, кто такая дама перевезенная на берегъ и стали пить за здоровье герцогини. Городское начальство тотчасъ же узнало объ этомъ и приняло мѣры противъ волненія. Заговорщики увидѣли необходимость спѣшить своимъ дѣломъ. 30 числа, на разсвѣтѣ, они созвали нѣсколько сотъ человѣкъ рыбаковъ на пристани и приглашали ихъ подняться за Генриха V. Рыбаки выслушали, но пристать къ нимъ не захотѣли. Потерпѣвъ неудачу на пристани, легитимисты пошли по городу, но и тамъ никто къ нимъ не присоединился. Потерявъ всякую надежду, заговорщики думали уже только о томъ, чтобы скрыться отъ полиціи, но трое изъ нихъ все-таки были пойманы. Другіе немедленно послали въ домикъ, гдѣ скрывалась герцогиня, лаконическую записку, говорившую только: „движеніе не удалось, надобно удалиться изъ Франціи.“ Марія-Каролина не потеряла отваги. Она хотѣла тотчасъ же ѣхать въ Испанію, чтобы оттуда переѣхать въ Вандею. Но море было бурно, такъ что шлюбка не могла бы ее перевезти на пароходъ, а таможенная стража получила приказаніе слѣдить за всѣмъ, какъ можно внимательнѣе. Выслушавъ эти соображенія, герцогиня рѣшилась ѣхать съ юго-восточнаго берега Франціи на западный берегъ прямымъ путемъ. Когда она жила еще въ Массѣ, она видѣла во снѣ покойнаго мужа, который сказалъ ей: „одобряю твое намѣреніе; но на югѣ тебѣ не удастся; успѣхъ ты получишь въ Вандеѣ.“ Она вѣрила этому сну и отправилась въ Вандею черезъ всю Францію. Она ѣхала проселочными дорогами по лѣсамъ; путь былъ труденъ; однажды,

чтобы доставить ей ночлегъ, спутники ея должны были силою вломиться въ какую-то пустынную, жалкую избу; въ другой разъ она принуждена была искать убѣжища у какого-то республиканца, образъ мыслей котораго былъ ей хорошо извѣстенъ. Вошедши въ его домъ, она сказала свое имя и республиканецъ сохранилъ ея тайну.

Пароходъ, на которомъ она пріѣхала, держался между тѣмъ въ открытомъ морѣ. Послѣ разныхъ поисковъ на берегу, полиція вздумала отыскать этотъ корабль и 3 мая вечеромъ къ „Карлу-Альберту“ подошелъ дозорный пароходъ; двое офицеровъ вошли на палубу „Карла-Альберта.“ Спутники герцогини, остававшіеся на немъ, сидѣли въ это время за столомъ и не потеряли духа, увидѣвъ опасность. Въ числѣ ихъ была мадмуазель Лебешю, сопровождавшая герцогиню изъ Массы. „Карлъ-Альбертъ“ былъ приведенъ въ Тулонскую гавань. Адмиралъ, командовавшій портомъ, послалъ поручика Сарла удостовѣриться, кто такова дама, найденная на пароходѣ. Взглянувъ на мадмуазель Лебешю, офицеръ смутился: ему показалось, что онъ видитъ передъ собою герцогиню, и не успѣвъ хорошенько разсмотрѣть лица дамы, онъ поспѣшилъ съ донесеніемъ, что на пароходѣ захвачена герцогиня Беррійская. Извѣстіе объ этомъ было по телеграфу отправлено въ Парижъ, а „Карлъ-Альбертъ“ подъ строжайшимъ надзоромъ отведенъ на Корсику, въ гавань Аячіо. Захваченныхъ арестантовъ, и въ томъ числѣ мадмуазель Лебешю, держали въ каютахъ подъ строгимъ арестомъ, такъ что не видѣлъ ихъ ни одинъ человѣкъ, который могъ бы узнать ошибку. Правительство распорядилось отвезти захваченную герцогиню въ Шотландію къ Карлу X. Мадмуазель Лебешю хотѣли уже посадить на корабль, отправлявшійся въ Шотландію; но королевскій адъютантъ д'Удето, которому было поручено исполнить это,

зналъ герцогиню Беррійскую въ лицо, и только тутъ, 8 мая, открылась мистификація. А между тѣмъ ошибка, сообщенная въ Парижъ и продолжавшаяся цѣлыхъ пять дней, разнеслась по всей Франціи, и благодаря общимъ толкамъ о томъ, что она арестована на „Карлѣ-Альбертѣ", герцогиня могла проѣхать бо́льшую часть дороги на почтовыхъ лошадяхъ, не обращая на себя ничьего подозрѣнія. Посѣтивъ нѣсколькихъ вандейскихъ легитимистовъ въ ихъ замкахъ, она поселилась наконецъ, переодѣвшись въ мужское платье, на фермѣ Мелье. Русые свои волосы она закрыла чернымъ парикомъ и носила костюмъ молодаго вандейскаго поселянина. Вечеромъ 21 мая предводители вандейскихъ легитимистовъ собрались на совѣщаніе у ней въ Мелье. Ихъ было четыре человѣка. Всѣ они говорили, что возстаніе невозможно; что нѣкоторая надежда на успѣхъ могла бы явиться развѣ тогда, если бы легитимисты уже восторжествовали на югѣ, а на югѣ они потерпѣли неудачу и въ Вандеѣ легитимисты такъ слабы, что не могутъ сами начать дѣло. Вандейскіе провинціальные дворяне, объяснявшіе это герцогинѣ, конечно, не убѣдили ее отказаться отъ мысли о возстаніи; но парижскій комитетъ легитимистовъ совершенно раздѣлялъ ихъ мнѣніе и былъ пораженъ, узнавъ о прибытіи герцогини въ Вандею. Собравшись на совѣщаніе, члены его рѣшились отправить въ Вандею Беррье, чтобы онъ отклонилъ герцогиню отъ напраснаго замысла и убѣдилъ ее уѣхать изъ Франціи. Марія-Каролина сильно возражала ему, когда онъ прибылъ въ бѣдную комнату, служившую ей убѣжищемъ. Она говорила, что Европѣ и Франціи показалось бы трусостью, еслибъ она отказалась отъ своего плана, даже не пытавшись исполнить его. Однакоже Беррье успѣлъ склонить ее ѣхать изъ Франціи съ паспортомъ, который онъ далъ ей. Но по всей вѣроятности она вы-

разила ему свое согласіе только затѣмъ, чтобы избавиться отъ его контроля и настояній. Едва уѣхалъ Беррье, герцогиня стала говорить, что получила письмо, отъ котораго измѣняются всѣ ея мысли: по ея словамъ письмо сообщало ей, что на югѣ вспыхнуло возстаніе. Быть можетъ она хитрила; а быть можетъ сама была обманута хитростью какого нибудь слишкомъ восторженнаго заговорщика.

Возстаніе не могло имѣть удачи ни въ какомъ случаѣ. Но разнорѣчащія распоряженія уменьшили и ту небольшую силу, какой могло бы оно достичь. Маршалъ Бурмонъ, управлявшій военною частью у легитимистовъ и пріѣхавшій изъ Шотландіи въ Нантъ, отмѣнилъ срокъ, назначенный герцогинею Беррійскою для возстанія; потомъ, увидѣвшись съ герцогинею, отмѣнилъ прежній свой приказъ, отлагавшій возстаніе на неопредѣленное время, и опредѣливъ срокомъ его ночь съ 3 на 4 іюня. Эти перемѣны окончательно разстроили дѣло и безъ того плохое. Многіе изъ людей, собиравшихся возстать, не успѣли взяться за оружіе, другіе, лишенные ихъ поддержки, были легко подавлены. Произошло въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько незначительныхъ схватокъ и тѣмъ кончилось дѣло. Даже изъ поселянъ почти никто не помогалъ заговорщикамъ, а жители Вандейскихъ городовъ, особенно Нанта, отличавшіеся ненавистью къ аристократіи еще въ первую революцію, ходили обезоруживать инсургентовъ съ такимъ же усердіемъ и мужествомъ, какъ регулярныя войска. Инсургенты были такъ малочисленны и раздроблены, что изъ всѣхъ схватокъ только одна была нѣсколько замѣчательна. 45 человѣкъ инсургентовъ, запершись въ замкѣ Пенисьеръ, нѣсколько часовъ отражали аттаки многочисленнаго отряда съ такимъ упорствомъ, что противники ихъ единственнымъ средствомъ принудить ихъ къ сдачѣ нашли — зажечь замокъ. Горсть инсургентовъ, не

будучи въ силахъ погасить огня, пробилась сквозь ряды осаждавшихъ. Возстаніе, продолжавшееся всего нѣсколько дней, само по себѣ такъ ничтожно, что не стоило бы о немъ говорить, еслибъ неудача этого безразсуднаго дѣла не поразила надолго безсиліемъ легитимистскую партію, которая теперь, лишившись всякой надежды на самостоятельный успѣхъ, стала помогать своими денежными средствами республиканцамъ, чтобы хоть какъ нибудь вредить Орлеанской династіи. Республиканцы, люди вообще небогатые, затруднялись безпрерывными штрафами, которымъ подвергались ихъ газеты. Легитимисты въ слѣдующіе годы часто давали имъ деньги на уплату штрафовъ.

Теперь герцогинѣ Беррійской надобно было думать только о томъ, чтобы спастись отъ полицейскихъ поисковъ. Убѣжище было выбрано очень ловко. Нантъ былъ извѣстенъ своею ненавистью къ Бурбонамъ; полиціи никакъ не могло бы прійти въ голову, что герцогиню нужно искать въ этомъ враждебномъ ей городѣ. Она пріѣхала туда переодѣтая крестьянкою и скрылась въ домѣ, принадлежавшемъ сестрамъ Дюгиньи, дѣвицамъ изъ легитимистской фамиліи.

Во время вандейскаго возстанія, Казиміра Перье уже не было въ живыхъ. Здоровье перваго министра давно было разстроено; бурныя сцены, которыя онъ часто имѣлъ съ Луи-Филиппомъ, рѣзкія статьи и рѣчи прогрессистовъ дѣйствовали на него очень сильно при раздражительности его характера. Давно уже при немъ нельзя было говорить о чьей нибудь смерти или болѣзни, не производя въ немъ вреднаго потрясенія. Въ такомъ состояніи духа, геройскимъ дѣломъ съ его стороны была рѣшимость, ставшая ближайшимъ поводомъ къ его смерти. Въ началѣ весны 1832 года дошла до Парижа холера, наводившая такой страшный ужасъ этимъ первымъ своимъ путешествіемъ по Европѣ. Во всей Европѣ народъ думалъ, что

какіе-то злоумышленники отравляютъ его, и въ Парижѣ, какъ повсюду, было нѣсколько сценъ убійства совершенно невинныхъ людей, принятыхъ народомъ въ его отчаяніи за отравителей. Страшное уныніе владычествовало въ Парижѣ. Оно усиливалось мнѣніемъ, господствовавшимъ тогда во всей Европѣ, что холера заразительна. Старшій сынъ Луи-Филиппа, герцогъ Орлеанскій, захотѣлъ посѣтить холерные госпитали, чтобы своимъ примѣромъ разрушить, сколько отъ него зависѣло, этотъ гибельный предразсудокъ. Казиміръ Перье, какъ первый министръ, считалъ своею обязанностью сопровождать его и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ навѣстить холерныхъ, не смотря на ужасъ, какой при разстройствѣ собственнаго здоровья чувствовалъ отъ вида больныхъ. Страшныя мученія, судороги, искаженныя лица умирающихъ убили его. Воротившись домой, онъ почувствовалъ себя гораздо хуже прежняго и неизгладимое впечатлѣніе, оставленное въ его умѣ холерными сценами, быстро истощило его послѣднія силы. Онъ умеръ 16 мая. Единственныя слова, которыми Луи-Филиппъ почтилъ память человѣка, такъ усердно служившаго ему подавленіемъ прогрессивныхъ партій, показываютъ всю холодность души его. Услышавъ о смерти перваго министра, онъ сказалъ: „Казиміръ Перье умеръ; дурно это, или хорошо? Посмотримъ.“ Смертью перваго министра довольно долго не было производимо никакой перемѣны въ составѣ правительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Монталиве уже съ мѣсяцъ управлялъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, принадлежавшимъ Перье, которому болѣзнь мѣшала заниматься дѣлами; это такъ и осталось по смерти Перье. Прежнее министерство продолжало существовать еще пять мѣсяцевъ. Казиміръ Перье былъ въ немъ единственный человѣкъ самостоятельнаго характера; всѣ остальные министры были его покорными слугами и слугами

Луи-Филиппа, когда могли тайкомъ отъ своего президента слушаться въ чемъ нибудь короля. Теперь они слушались уже одного короля, и Луи-Филиппу было пріятно сохранять такихъ покорныхъ исполнителей. Вандейское возстаніе вспыхнуло и было подавлено при этомъ ничтожномъ министерствѣ и при немъ же кончился процессъ двадцати двухъ человѣкъ, обвиненныхъ за участіе въ этомъ возстаніи. Большая часть изъ нихъ были оправданы, немногіе осужденные были приговорены къ легкому аресту. Также подвергнутъ былъ суду Беррье за то, что ѣздилъ на свиданье съ герцогинею передъ началомъ возстанія; но тутъ правительство дѣлало слишкомъ очевидную нелѣпость, пытаясь преслѣдовать человѣка, который вмѣшивался въ дѣло только съ цѣлью предотвратить его: процессъ былъ для Беррье тріумфомъ. При началѣ преній, многіе адвокаты сѣли не на мѣста, для нихъ назначенныя, а рядомъ съ Беррье на скамью обвиненныхъ. Президентъ замѣтилъ имъ, что имъ не слѣдуетъ сидѣть на ней. „Скамья обвиненныхъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, получаетъ нынѣ такую славу, что намъ почетно сѣсть на нее.“ Когда вошелъ обвиненный, зрители и присяжные встали передъ нимъ.

Герцогиня Беррійская скрывалась въ Нантѣ въ домѣ г-жъ Дюгиньи. Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ не могли открыть ея убѣжища; кажется, Луи-Филиппъ и предписывалъ своимъ послушнымъ министрамъ, чтобы они не старались найти герцогиню: арестъ ея поставилъ бы его въ непріятное положеніе или раздражить монархистовъ преданіемъ ея суду, или раздражить прогрессистовъ ея безнаказанностью. Притомъ, каковъ былъ бы результатъ процесса? Что, если бы палата перовъ или присяжные объявили ее невинною? Это равнялось бы объявленію, что самъ Луи-Филиппъ не имѣетъ законныхъ правъ называться королемъ. А если найдутъ герцогиню виновною, приговоромъ ея будетъ

смерть; исполнить такой приговоръ невозможно, а смягчить его—значитъ подвергнуться обвиненію въ излишней снисходительности къ женщинѣ, бывшей виновницею междоусобной войны.

Но приближалось время собранія палатъ, а ничтожные министры не могли служить удовлетворительными представителями исполнительной власти передъ палатою депутатовъ; потребность парламентскаго правленія состоитъ въ томъ, чтобы кабинетъ имѣлъ людей, уважаемыхъ большинствомъ, чтобы оно могло полагаться на ихъ слова. Депутаты, принадлежавшіе къ большинству, возвращаясь въ Парижъ, говорили, что не потерпятъ министерства, не имѣющаго ни одного человѣка съ самостоятельнымъ умомъ или характеромъ. Луи-Филиппу надобно было ввести въ кабинетъ предводителей парламентскаго большинства. Онъ уклонялся отъ этой конституціонной обязанности, пока могъ,—уже тогда онъ обнаруживалъ стремленіе имѣть министрами не тѣхъ людей, на которыхъ указывало общественное мнѣніе или хотя мнѣніе большинства депутатовъ, а людей, которые были бы простыми исполнителями его личныхъ желаній. Впослѣдствіи, онъ успѣлъ обратить въ такую машину Гизо, человѣка съ великими талантами, поддавшагося хитрымъ обольщеніямъ, воображавшаго, что управляетъ Луи-Филиппомъ, между тѣмъ какъ Луи-Филиппъ водилъ его за носъ. Но теперь пока не было у Луи-Филиппа подготовлено еще ни одного такого сильнаго въ парламентской борьбѣ человѣка для служенія личнымъ его надобностямъ, и какъ онъ прежде терпѣлъ грубіяна Казиміра, такъ теперь былъ принужденъ пригласить въ свой кабинетъ людей, оставшихся послѣ Казиміра Перье предводителями консервативнаго большинства въ палатѣ депутатовъ, хотя эти люди не отказывались отъ всякой самостоятельности въ угодность ему..

Предводителями парламентскаго консервативнаго большинства были тогда Тьеръ и Гизо, соотвѣтствовавшіе своими характерами двумъ оттѣнкамъ этого большинства, различавшимся между собою не сущностью стремленій, а только темпераментами. Гизо былъ представителемъ людей разсудительныхъ и серьезныхъ, ясно понимавшихъ, чего они хотятъ и какія мысли, какія фразы сообразны съ ихъ основными стремленіями. Тьеръ выше всего цѣнилъ эффектъ и любилъ всякія громкія слова безъ разбору, лишь бы они были эффектны; онъ служилъ представителемъ людей легкомысленныхъ. По легкомыслію и любви къ эффектамъ, ему часто случалось заговариваться, и когда впослѣдствіи сталъ онъ непримиримымъ соперникомъ Гизо, многіе стали считать его либераломъ за блестящія фразы; но въ сущности онъ любилъ произволъ болѣе, чѣмъ самъ Гизо и нимало не уступалъ ему консерватизмомъ, доходившимъ у нихъ обоихъ до реакціонности. Подробныя доказательства этому мы представимъ, когда будетъ рѣчь о борьбѣ между Тьеромъ и Гизо въ слѣдующіе годы, а теперь упоминаемъ только мимоходомъ, потому что личныя особенности этихъ двухъ людей еще не получили важнаго вліянія на судьбу Франціи: оба они были тогда еще только простыми представителями парламентскаго консервативнаго большинства.

Новое министерство, главными лицами котораго были Тьеръ и Гизо, извѣстно подъ названіемъ министерства 11 октября, потому что въ этотъ день явилось въ „Монитёрѣ“ объявленіе о замѣнѣ прежняго кабинета новымъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ сдѣлался Брольи, политическій другъ Гизо; внутреннихъ дѣлъ—Тьеръ; народнаго просвѣщенія—Гизо; финансовъ—Гюманъ; юстиціи—Бартъ; военнымъ министромъ остался Сультъ, получившій имя президента совѣта министровъ, но не имѣвшій никакого политическаго значенія.

Дѣло по отысканію убѣжища герцогини Беррійской принадлежало къ министерству внутреннихъ дѣлъ. По опрометчивости ли, или по какимъ нибудь политическимъ соображеніямъ, Тьеръ имѣлъ больше охоты отыскать герцогиню, нежели прежній министръ Монталиве. Нѣкто Дейцъ, перекрещенный еврей, бравшій деньги у духовенства за свое усердіе къ новой вѣрѣ и у легитимистовъ за свою преданность Бурбонамъ, давно уже предлагалъ свои услуги. Монталиве оставался равнодушенъ къ его усердію, но Тьеръ обѣщалъ ему 500,000 франковъ награды, если онъ отдастъ герцогиню Беррійскую въ руки правительства. Дейцъ сопровождалъ ее въ Италію, служилъ для легитимистовъ агентомъ по довольно важнымъ дѣламъ и ему было легко проникнуть въ тайну убѣжища герцогини. Тьеръ послалъ его въ Нантъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ полицейскимъ сыщикомъ, Жоли, которому, разумѣется, было поручено слѣдить за продажнымъ негодяемъ. Явившись въ Нантъ, Дейцъ отправился къ важнѣйшимъ изъ тамошнихъ легитимистовъ, прося, чтобы они доставили ему свиданіе съ герцогинею. До легитимистовъ уже доходили слухи о его предательствѣ и онъ долго не могъ побѣдить ихъ недовѣріе. Наконецъ, 30 октября, герцогиня послала за нимъ Дюгиньи, брата тѣхъ дѣвицъ, у которыхъ жила. Дюгиньи сказалъ Дейцу, что свиданье будетъ происходить не въ томъ домѣ, гдѣ живетъ герцогиня, что она пріѣдетъ для этого въ другой домъ. Дейцъ повѣрилъ, а между тѣмъ свиданіе происходило въ томъ самомъ домѣ, гдѣ скрывалась герцогиня. Онъ долго говорилъ съ нею и просилъ новаго свиданья: увѣрившись, что она не боится сама давать ему аудіенціи, онъ теперь могъ дѣйствовать смѣло. Второе свиданіе было назначено 6 ноября въ томъ же домѣ. Онъ былъ незамѣтно окруженъ войсками. Въ разговорѣ съ герцогиней предатель не выказалъ никакого

смущенія; но едва вышелъ изъ комнаты, какъ повсюду кругомъ дома заблистали штыки и полицейскіе чиновники бросились въ комнаты. Извѣщенная объ опасности, герцогиня едва имѣла время спрятаться съ одною изъ бывшихъ при ней дѣвицъ и двумя кавалерами своей свиты въ маленькій потайной альковъ, бывшій въ углу ея комнаты и прикрытый доскою, которая составляла заднюю спинку камина, такъ что входъ въ альковъ былъ только черезъ каминъ. Полиція произвела самый внимательный обыскъ: раскрывала мебель, пробовала стѣны ударами молотка, чтобы открыть, нѣтъ ли гдѣ нибудь за ними пустоты; но все ничего не находила. Такъ прошло нѣсколько часовъ до самой ночи. Въ комнатѣ стало холодно и полицейскіе нѣсколько разъ затопляли каминъ, чтобы согрѣться. Наконецъ отъ этого огня стало такъ жарко въ душномъ маленькомъ альковѣ за каминомъ, что герцогиня и прятавшіеся съ нею люди не могли выносить мученій жара. Они закричали: „мы выходимъ; выбросьте дрова изъ камина.“ Дрова были выброшены и герцогиня Беррійская вышла изъ алькова, измученная шестнадцатью часами заключенія въ душномъ шкапѣ, имѣвшемъ только одно отверстіе, черезъ которое поочередно вдыхали свѣжій воздухъ она и товарищи ея. Она была перевезена въ цитадель Бле, лежащую близъ Бордо, въ мѣстности довольно унылой и не совсѣмъ здоровой. Климатъ Бле убійственъ для людей съ слабой грудью; а герцогиня была расположена къ чахоткѣ.

При дворѣ сначала обрадовались арестованію Маріи-Каролины, избавлявшему отъ опасенія новыхъ тревогъ въ Вандеѣ; но скоро удовольствіе помрачилось появленіемъ тѣхъ затрудненій, предчувствіе которыхъ долго удерживало правительство отъ дѣятельныхъ поисковъ убѣжища принцессы. Предать ее суду не отваживались; легитимисты торжествали,

выставляя эту робость слѣдствіемъ неувѣренности новой династіи въ своихъ правахъ, а прогрессисты говорили о преступной снисходительности къ виновницѣ междоусобія. Множество просьбъ объ освобожденіи герцогини поступало въ палату депутатовъ; столько же поступало въ нее просьбъ о преданіи герцогини суду. Министры не могли избѣжать преній по этому дѣлу. Депутатъ, бывшій докладчикомъ коммиссіи, которой палата поручила разсмотрѣніе просьбъ, предлагалъ рѣшеніе сообразное съ желаніями министерства: онъ говорилъ, что министрамъ должна быть оставлена свобода поступить, какъ они найдутъ лучшимъ. Но министры не могли сказать въ защиту этого предложенія ничего такого, что не могло бы стать оружіемъ противъ нихъ самихъ для легитимистовъ. Явиться передъ палатою защитникомъ доклада, принялъ на себя Брольи. Онъ сталъ говорить, что старшая отрасль Бурбоновъ, будучи изгнана изъ Франціи, не подлежитъ дѣйствію французскихъ законовъ, и потому съ герцогинею можно поступать только по праву войны, то есть держать ее въ плѣну, пока того требуетъ государственная надобность. Предавать ее суду было бы слишкомъ опасно: „всѣ силы, какими можетъ располагать правительство, говорилъ онъ, были бы недостаточны на защиту или судей, или обвиненной, смотря по расположенію умовъ. Вы видѣли процессъ министровъ Карла X: десять дней весь Парижъ не выпускалъ оружія изъ рукъ, находился въ тревогѣ города, который ждетъ штурма. Но всѣ эти волненія были бы ничтожны передъ смутами, какія вызоветъ процессъ герцогини.“ Депутаты лѣвой стороны требовали суда; они говорили, что во время преній объ изгнаніи старшей отрасли Бурбоновъ правительство обязалось предоставлять власти законовъ тѣхъ членовъ изгнанной династіи, которые отважились бы возбуждать междоусобную войну. „Го-

ворятъ, что опасно было бы подвергать герцогиню Беррійскую обыкновенному суду, сказалъ Кабе (получившій впослѣдствіи извѣстность, какъ основатель коммунистической доктрины Икаризма и недавно умершій среди неутомимыхъ трудовъ для осуществленія своей теоріи): Неужели правительство такъ шатко, что не устоитъ въ подобномъ испытаніи“? Легитимисты, напротивъ, иронически защищали мнѣніе министровъ и выводили изъ него заключеніе, что сами министры признаютъ Бурбоновъ стоящими выше ихъ суда, имѣющими права, отвергать которыхъ они не смѣютъ. Они хвалили правительство за такой вѣрный взглядъ и сожалѣли только, что оно не довольно послѣдовательно: при такомъ образѣ мыслей ему надобно было бы признать Бурбоновъ имѣющими законныя права на французскій престолъ.

Положеніе Луи-Филиппа и его министровъ было неловко. Но вдругъ разнесся слухъ, освободившій ихъ отъ затрудненія: стали говорить, что герцогиня Беррійская беременна. Правительство немедленно отправило въ Бле двухъ докторовъ для опредѣленія, справедливъ ли слухъ. Легитимисты объявляли его клеветою. На одной изъ дуэлей, случившихся по этому поводу, былъ довольно тяжело раненъ Арманъ Каррель. Неизвѣстность длилась нѣсколько недѣль, потому что два первые отчета медиковъ о положеніи герцогини говорили только, что она вообще нездорова, но не утверждали, чтобы ея болѣзнь, происходила отъ беременности. Въ первомъ отчетѣ требовалось даже, чтобы изъ цитадели Бле, гдѣ воздухъ вреденъ для груди, герцогиня была переведена куда нибудь въ другое мѣсто. Правительство не напечатало этого акта и убѣдило медиковъ сказать во второмъ отчетѣ, что климатъ Бле хорошъ. Эти интриги, конечно, не могли скрыться отъ публики, которая порицала правительство за такую небрежность о больной женщинѣ.

Еще громче стали порицанія, когда публика узнала, что герцогиню подвергаютъ нравственной пыткѣ для вынужденія у ней сознанія въ беременности. Прежній комендантъ цитадели не согласился впустить въ нее полицейскихъ шпіоновъ: онъ былъ смѣненъ, и комендантомъ назначили генерала Бюжо (впослѣдствіи прославившагося своими свирѣпостями при подавленіи республиканскаго возстанія въ Трансноненской улицѣ, а потомъ побѣдами въ Алжиріи), человѣка грубаго, вспыльчиваго, готоваго на всякія услуги начальству для полученія наградъ. Знаменитый полицейскій сыщикъ, Жоли, помѣстился теперь прямо подъ тою комнатою, гдѣ жила принцесса, и устроилъ въ потолкѣ своей комнаты, то есть въ полу комнаты герцогини, двѣ слуховыя трубы, просверливъ полъ спальни герцогини, такъ чтобы это не было замѣтно ей и ея приближеннымъ. Вынужденная шпіонствомъ полиціи и вспыльчивостью Бюжо, герцогиня 22 февраля (1833) написала наконецъ записку, въ которой говорила, что вступила въ тайный бракъ, когда была въ Италіи передъ Вандейскимъ возстаніемъ. Въ самой запискѣ была фраза, показывавшая, какими мѣрами вынудили у нея это сознаніе: герцогиня говорила, что она „принуждена обстоятельствами и мѣрами, принятыми относительно нея правительствомъ.“

Этотъ актъ былъ немедленно напечатанъ въ „Монитерѣ,“ но произвелъ на публику дѣйствіе совершенно не такое, какъ ожидало правительство. Луи-Филиппъ шутилъ надъ положеніемъ герцогини, которая до іюльской революціи была чрезвычайно милостива къ нему и къ его семейству; онъ разсказывалъ разные циническіе анекдоты изъ временъ старой монархіи для объясненія случаевъ, которые могли произвесть ея беременность. Публика находила шутки и скандалъ неумѣстными, видя, что бѣдную женщину притѣсняютъ самымъ неделикатнымъ образомъ. Даже

республиканскія газеты говорили, что если не слѣдуетъ прощать преступленій, то еще менѣе прилично оскорблять женщину и издѣваться надъ тѣмъ, что она вышла замужъ.

Неделикатность, съ какою вынуждали у герцогини косвенное признаніе въ беременности, могла еще быть понятна, хотя и заслуживала порицаніе. Но совершенно неумѣстны, даже съ точки зрѣнія выгодъ самаго Луи-Филиппа, были дальнѣйшіе поступки его министра внутреннихъ дѣлъ съ герцогинею. Порицаніе еще прямѣе упадетъ на него, когда мы скажемъ, что во время этихъ и дальнѣйшихъ притѣсненій и пошлостей министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ уже не Тьеръ, дѣйствовавшій самостоятельно, а д'Аргу, покорный слуга Луи-Филиппа, занявшій мѣсто Тьера, который принялъ министерство торговли и публичныхъ работъ. Тайное замужество герцогини навсегда ссорило ее съ Карломъ X, его любимцами и всѣми знатными легитимистами, которые по своимъ понятіямъ объ этикетѣ могли скорѣе простить женщинѣ всякій развратъ, всякую низость, нежели неровный бракъ. Герцогиня лишалась всякаго значенія въ своей партіи, совершенно переставала быть опасною: къ чему же было мучить ее? Хитрая разсчетливость Луи-Филиппа, хотѣвшая какъ можно болѣе унизить Бурбоновъ въ лицѣ герцогини Беррійской, довела его въ самомъ дѣлѣ до жестокости, противорѣчившей обыкновенному его добродушію, до пошлостей, вредившихъ его собственному имени гораздо больше, нежели имени герцогини, о которой, напротивъ, онъ заставилъ всѣхъ сожалѣть.

Многочисленные доктора, посланные по выбору самого правительства въ Бле, продолжали говорить, что слабость груди герцогини и общее разстройство ея здоровья требуетъ освободить ее. Правительство продолжало держать ее въ цитадели, въ нездоровой

мѣстности, когда могло бы уже совершенно безопасно освободить. Оно обманывало ее обѣщаніями выпустить немедленно, если она въ дополненіе къ прежнему признанію о своемъ бракѣ напишетъ новое признаніе, прямо говорящее о беременности. Она не соглашалась; ей надоѣдали, подвергали ее грубымъ сценамъ, мучили ее шпіонствомъ, мучили присылкой къ ней разныхъ людей, которыхъ она не любила или боялась. Наконецъ вынудили этими пошлыми средствами актъ, котораго требовали,—и не освободили ее, а оставили въ цитадели до разрѣшенія отъ бремени: къ чему были всѣ эти низости и жестокости? Потомъ, когда приблизилось время родовъ, придуманы были новыя неумѣстныя притѣсненія. 24 апрѣля Бюжо принесъ герцогинѣ проэктъ протокола, который будетъ составленъ о ея разрѣшеніи отъ бремени. Тутъ говорилось, что для засвидѣтельствованія подлинности событія должно присутствовать при немъ множество разныхъ офиціальныхъ лицъ; что они будутъ осматривать всю мебель комнаты съ цѣлью удостовѣриться, не спрятанъ ли гдѣ нибудъ новорожденный ребенокъ, который былъ бы выданъ за рожденнаго герцогиней: это было нужно для предотвращенія подлога, на случай, если герцогиня не въ самомъ дѣлѣ беременна и хочетъ устроить сцену фальшивыхъ родовъ. Какимъ образомъ могло родиться такое подозрѣніе, совершенно непонятно, потому что беременность герцогини была очевидна и достаточно засвидѣтельствована медиками. Въ противоположность этому принимались другія мѣры, чтобы она не могла скрыть ребенка, спустивъ его черезъ окно или какъ нибудь иначе. Всѣ эти предосторожности, совершенно напрасныя, имѣли чрезвычайно оскорбительный характеръ и споръ о нихъ мучилъ герцогиню въ то время, когда ей всего болѣе нужно было бы спокойствіе. Ее раздражали иногда этими обидами до конвульсій, ко-

торыя могли привести къ выкидышу и кончиться смертью. О каждой пошлой мелочи, унизительной для людей ее требовавшихъ, велись настойчивые переговоры будто о какомъ нибудь государственномъ вопросѣ, и наконецъ вытребовали у принцессы согласіе на слѣдующія условія: Марія-Каролина обязывалась: 1) извѣстить генерала Бюжо, какъ только почувствуетъ первые симптомы родовъ; 2) когда войдутъ въ комнату офиціальные свидѣтели, утвердительно отвѣчать на вопросъ ихъ, который будетъ состоять въ томъ, дѣйствительно ли она герцогиня Беррійская; 3) если эти свидѣтели не успѣютъ прійти во время родовъ, то принять ихъ, когда найдетъ удобнымъ акушеръ. Обо всемъ этомъ доносилось по телеграфу въ Парижъ и требовалось разрѣшеніе высшаго правительства.

Акушеръ герцогини поселился было въ комнатѣ подъ ея спальною, гдѣ жилъ шпіонъ до полученія отъ нея письменнаго признанія въ беременности. Когда стали ждать приближенія родовъ, у акушера отняли эту комнату и снова поселили въ ней шпіоновъ, которые поставили лѣстницу до потолка подъ самою кроватью герцогини. Всего этого казалось еще мало. Бюжо вытребовалъ, чтобы двери спальной были оставляемы на ночь отворенными, и въ залѣ, которая сообщалась черезъ эти двери со спальною, велѣлъ спать двумъ полицейскимъ чиновникамъ. Послѣ споровъ согласились замѣнить полицейскихъ чиновниковъ докторами, присланными отъ правительства. Бюжо хотѣлъ, чтобы чиновники, назначенные быть свидѣтелями, переселились изъ города Бле въ цитадель; но главные изъ нихъ были задержаны отъ этого переселенія дѣлами службы, и когда начались роды, свидѣтелей не было въ цитадели. Чтобы скорѣе извѣстить ихъ, Бюжо велѣлъ сдѣлать три пушечные выстрѣла, не думая о томъ, какъ испугаетъ бѣдную

родильницу внезапный громъ подъ ея окнами. Надобно прибавить еще одну подробность, которая лучше всѣхъ прежнихъ: герцогиню принуждали замедлить движеніе ребенка во время родовъ, чтобы успѣли прійдти свидѣтели.

Всѣ эти пошлыя, низкія притѣсненія и жестокости дѣлались генераломъ Бюжо по сношенію съ совѣтомъ министровъ и съ Луи-Филиппомъ. Если бы не было другихъ фактовъ, одна исторія поступковъ съ герцогинею Беррійскою во время ея беременности могла бы показать, какъ чужда душѣ Луи-Филиппа была всякая мысль о совѣстливости.

Послѣ родовъ герцогиня Беррійская объявила имя своего мужа; это былъ графъ Луккези-Палли, сицилiанскій аристократъ, съ которымъ она познакомилась и повѣнчалась въ Палермо, передъ отъѣздомъ во Францію. Когда больная оправилась, ее наконецъ освободили и она уѣхала въ Палермо повидаться съ мужемъ, а оттуда думала проѣхать въ Прагу, куда Карлъ X переселился вмѣстѣ съ ея дѣтьми изъ Шотландіи во время ея плѣна. Когда герцогиня объявила имя своего мужа, у легитимистовъ не осталось уже никакой возможности сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно обезчестила себя неравнымъ бракомъ. Еслибъ беременность была слѣдствіемъ отношеній внѣ брака, такую слабостъ они могли бы еще простить; но дочь, рожденная герцогинею, была рождена въ законномъ бракѣ, неприличномъ титулу принцессы: этого никакъ не могли простить люди, для которыхъ этикетъ былъ выше всего на свѣтѣ. Вся легитимистская партія во Франціи съ презрѣніемъ отвернулась отъ герцогини; только Шатобріанъ сдѣлалъ рыцарскій поступокъ, какъ часто дѣлалъ въ своей жизни. Когда всѣ аристократы отвернулись отъ Маріи-Каролины и позорили ее, онъ предложилъ ей свои услуги и явился посредникомъ между нею и

Карломъ X, раздѣлявшимъ общее негодованіе придворныхъ легитимистовъ противъ герцогини. Усилія его, конечно, остались напрасны. Братъ принцессы, король Неаполитанскій, не хотѣлъ видѣться съ сестрою; Карлъ X также не соглашался принять ее въ Прагу и лишилъ опеки надъ дѣтьми. Онъ согласился только устроить кратковременное свиданіе съ ней въ другомъ городѣ, въ Леобенѣ, чтобы нога ея не переступала порогъ его жилища. Бѣдная женщина, отвергнутая всѣми, за кого рисковала жизнью, скоро умерла отъ чахотки. Дочь ея, рожденная во время заключенія, умерла почти въ одно время съ матерью.

Отвергнувъ Марію-Каролину, Карлъ X и его придворные лишились помощи единственнаго умнаго и энергическаго существа, какое было въ ихъ кругу. Легитимисты, оставшіеся во Франціи, получали отъ Карла X и его совѣтниковъ, главнымъ изъ которыхъ былъ Блака, такія несообразныя съ положеніемъ общества инструкціи, что не могли ничего дѣлать. Они надолго лишились всякой самостоятельной роли въ ходѣ событій и единственными противниками іюльской монархіи послѣ неудачной вандейской попытки оставались республиканцы.

Не желая перерывать разсказа о судьбѣ герцогини Беррійской, мы отступили отъ хронологическаго порядка и должны теперь возвратиться цѣлымъ годомъ назадъ, чтобы видѣть, какими происшествіями и мыслями занята была Франція послѣ того, какъ миновалась въ маѣ 1832 года опасность вандейскаго возстанія.

Прогрессисты съ каждымъ мѣсяцемъ яснѣе видѣли, что Луи-Филиппъ окончательно отвернулся отъ нихъ и хочетъ управлять Франціею въ реакціонномъ духѣ. Когда распущена была палата депутатовъ весною 1832 года, либеральные и радикальные члены ея видѣли надобность въ какихъ нибудь, чрезвычайныхъ мѣрахъ

для предупрежденія опасностей, порождаемыхъ реакціоннымъ направленіемъ власти. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда холера почти миновалась, Лафиттъ созвалъ къ себѣ на совѣщаніе всѣхъ оппозиціонныхъ депутатовъ, находившихся въ Парижѣ. Ихъ собралось около 40 человѣкъ. Тутъ были представители всѣхъ партій, не хотѣвшихъ реакціи, отъ самыхъ умѣренныхъ прогрессистовъ, въ родѣ Лафитта, до республиканцевъ. Лафиттъ предложилъ составить адресъ къ королю. Одинъ изъ немногихъ республиканскихъ депутатовъ, Гарнье-Паже (братъ его въ 1848 г. былъ членомъ временнаго правительства, благодаря славѣ, наслѣдованной отъ этого дѣйствительно замѣчательнаго человѣка, умершаго въ молодости), сказалъ, что на это нельзя согласиться. Луи-Филиппъ, говорилъ онъ, человѣкъ неисправимый; обращаться къ нему съ просьбами и доказательствами совершенно напрасно: это значило бы только дѣлать себя смѣшнымъ, потому что можно впередъ предсказать отказъ на просьбу. Оппозиція имѣетъ передъ собою только одно судилище, на приговоръ котораго можетъ отдавать свои стремленія; это судилище—нація. Гарнье-Паже предлагалъ сдѣлать воззваніе къ націи. Его доводы убѣдили другихъ депутатовъ; по предложенію Шарля Конта было рѣшено изложить передъ націею мысли оппозиціи въ формѣ отчета. Онъ былъ составленъ Кормненомъ и Одилономъ Барро, обнародованъ 28 мая 1832 года за подписью всѣхъ оппозиціонныхъ депутатовъ и произвелъ очень сильное впечатлѣніе.

„Нижеподписавшіеся депутаты, видя опасность системы, все болѣе и болѣе удаляющей правительство отъ создавшей его революціи (говорилъ отчетъ), считаютъ при нынѣшнемъ положеніи Франціи настоятельнѣйшею своею обязанностью отдать своимъ избирателямъ отчетъ о принципахъ, которыми они руководствовались въ совѣщаніяхъ палаты. Если они

не могли возвратить правительство къ образу дѣйствій, нужному для его собственнаго спасенія, то они могутъ по крайней мѣрѣ указать на опасность. Мнѣнія о характерѣ іюльскаго переворота были различны. Одни видѣли въ немъ только эпизодъ, только видоизмѣненіе реставраціи; они заключали изъ этого, что люди и принципы реставраціи должны быть людьми и принципами новаго правительства. Вліяніе этого мнѣнія обнаружилось во всѣхъ фазисахъ долгой и безплодной сессіи, теперь окончившейся. Оно было видно въ преніяхъ о королевскомъ бюджетѣ и т. д. Оно управляетъ администраціею государства и его отношеніями къ иноземнымъ державамъ. Другіе, и въ томъ числѣ мы, привѣтствовали въ іюльской революціи окончательное утвержденіе принциповъ и правъ, провозглашенныхъ революціею 1789 года."

Оппозиціонные депутаты говорили, что они по всѣмъ вопросамъ дѣйствовали сообразно принципамъ 1789 г. Такъ, напримѣръ, они хотѣли привести королевскій бюджетъ въ скромные размѣры дѣйствительной надобности; хотѣли, чтобы члены палаты перовъ избирались подобно членамъ палаты депутатовъ, а не назначались правительствомъ; хотѣли преобразовать армію, уменьшивъ число солдатъ, находящихся подъ ружьемъ въ мирное время, и образовавъ сильные резервы. Люди, хотѣвшіе, чтобы іюльская монархія служила только продолженіемъ реставраціи, не дали исполниться ни одному изъ этихъ желаній. Оппозиціонные депутаты говорятъ также, что они хотѣли измѣнить и государственный бюджетъ. Мы приведемъ слова отчета объ этомъ предметѣ: они показываютъ, что если чувства оппозиціи были хороши, то она ограничивалась почти только неопредѣленными чувствами, не доходя до точныхъ заключеній о формѣ ихъ практическаго осуществленія:

„Продолжатели реставраціи находили всѣ издержки

законными, всѣ налоги хорошими. Мы хотѣли, чтобы революція принесла свой даръ народу. Мы были далеки отъ мысли не заботиться о средствахъ къ защитѣ родныхъ предѣловъ въ случаѣ надобности; но болѣе экономное и простое управленіе, выборъ лучшаго основанія для нѣкоторыхъ налоговъ и менѣе притѣснительный способъ ихъ сбора уменьшили бы тяжесть государственныхъ податей; распредѣлившись справедливѣе, онѣ стали бы менѣе обременительны для рабочихъ классовъ."

Желаніе, какъ видимъ, очень хорошее; но какіе же налоги надобно измѣнить и какъ измѣнить? — этого оппозиція не говоритъ. Видно, что у нея не было твердыхъ убѣжденій по этимъ вопросамъ. Далѣе оппозиціонные депутаты говорятъ, что они хотѣли дать болѣе самостоятельности выборному началу въ мѣстномъ управленіи, винятъ правительство за то, что оно сохранило всѣхъ администраторовъ, служившихъ Бурбонамъ, и считало единственными своими врагами тѣхъ людей, которые сражались противъ Бурбоновъ. Переходя къ внѣшней политикѣ, оппозиція винитъ правительство за то, что оно не умѣло поддержать достоинство Франціи въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Отчетъ заключается повтореніемъ мысли, что правительство, уступая какому то тайному вліянію,—фраза, подъ которою легко узнать вліяніе Луи-Филиппа,—отступаетъ все дальше и дальше отъ принциповъ, на которыхъ основана его власть, и тѣмъ готовитъ себѣ паденіе.

Отчетъ нравился публикѣ своимъ либерализмомъ, но не заключалъ въ себѣ ничего опредѣлительнаго о способѣ дѣйствій, какого стала бы держаться оппозиція, если бы получила власть. Та же самая неопредѣленность оставалась въ мысляхъ парламентской оппозиціи до самаго конца царствованія Луи-Филиппа.

Говоря о неопредѣленности образа мыслей въ оп-

позиціи, мы, конечно, относимъ это сужденіе только къ большинству депутатовъ ее составлявшихъ, или къ собственно такъ называемой династической оппозиціи, къ той партіи прогрессистовъ, которые своими предводителями имѣли тогда Лафитта и Одилона Барро и хотѣли прогресса подъ властью Луи-Филиппа, какъ будто бы при человѣкѣ подобномъ Луи-Филиппу возможны были какія нибудь важныя реформы. Но за этими многочисленными депутатами стояла горсть людей, убѣжденія которыхъ были ясны по крайней мѣрѣ по вопросу о формѣ правленія. Изъ 135 депутатовъ, подписавшихъ отчетъ, болѣе 100 человѣкъ принадлежали къ династической оппозиціи, хотѣвшей сохранить конституціонную монархію съ Орлеанской династіей. Но человѣкъ 20 или 25 были республиканцы, убѣжденные, что для произведенія коренныхъ реформъ необходимо прежде всего устранить власть Луи-Филиппа. Въ чемъ должны состоять реформы, не было ясно и для большей части изъ этихъ людей,— это обнаружили они, когда получили власть въ 1848 году. Но они по крайней мѣрѣ понимали, какая перемѣна необходима для доставленія самой возможности къ реформамъ; путь къ этой перемѣнѣ видѣли они ясно, и какъ люди съ точнымъ понятіемъ о цѣли своихъ стремленій, очень разсчетливо умѣли пользоваться всѣми обстоятельствами, которыя могли быть имъ полезны. Сами по себѣ въ палатѣ депутатовъ республиканцы были совершенно безсильны и могли играть въ ней хотя какую нибудь роль, только опираясь на династическую оппозицію; изъ этого возникалъ между нею и республиканцами нѣкотораго рода союзъ, и мы сейчасъ видѣли примѣръ того, какъ онъ приводилъ иногда династическую оппозицію къ дѣйствіямъ, несообразнымъ съ ея собственными намѣреніями и принципами. Она хотѣла изложить свои убѣжденія и причины своего неудовольствія въ адресѣ къ

королю; это было очень логично съ ея точки зрѣнія; но республиканецъ Гарнье-Паже убѣдилъ ее, что вмѣсто адреса къ королю гораздо приличнѣе и умнѣе будетъ написать воззваніе къ націи. Съ своей точки зрѣнія онъ поступалъ логично; но что же сдѣлала династическая оппозиція, согласившись съ нимъ? Ясно было, что если она обращается къ націи, то жалоба приносится уже не на министровъ, — на нихъ слѣдовало бы жаловаться королю, — а на самаго короля. Подрывать довѣріе націи къ нему могло быть выгодно для республиканцевъ, но никакъ не для династической оппозиціи, сохранявшей искренно монархическія чувства. Воззваніе къ націи было написано Кормененомъ подъ диктовку Одилона Барро; но все таки Одилонъ Барро и его товарищи по убѣжденію допустили въ этомъ актѣ намеки, которые вели уже вовсе не къ тому, чего хотѣла династическая оппозиція: актъ ею подписанный говорилъ о тайномъ вліяніи, т. е. вліяніи Луи-Филиппа, уничтожающемъ всякую возможность добра въ рѣшеніяхъ палаты депутатовъ и дѣйствіяхъ министерства. Мы говоримъ не то, чтобы династическая оппозиція выражала этими словами мысль ложную, а только то, что возбужденіе подобной мысли въ публикѣ прямо противорѣчило намѣреніямъ Лафитта, Одилона Барро и ихъ политическихъ друзей. Точно также черезъ 15 лѣтъ династическая оппозиція стала дѣйствовать не въ своихъ, а въ республиканскихъ выгодахъ, когда начала знаменитую агитацію посредствомъ банкетовъ, которые привели къ февральской революціи. Люди съ понятіями сбивчивыми всегда работаютъ въ пользу людей съ образомъ мыслей яснымъ и систематичнымъ. Теперь умѣренные прогрессисты, вовсе не хотѣвшіе перемѣны въ правительственныхъ формахъ, работали, сами того не замѣчая, въ пользу республиканцевъ, а за два года передъ тѣмъ, ведя дѣло къ іюльскому

перевороту, они работали, такъ же сами того не замѣчая, въ пользу Казиміра Перье, Гизо и ихъ друзей, на которыхъ теперь жаловались націи.

Еще поразительнѣе обнаружилась неспособность династической оппозиціи понимать смыслъ собственныхъ дѣйствій въ рѣшимости, которую приняла она черезъ нѣсколько дней по обнародованіи своего отчета: вопросъ о демонстраціи по поводу похоронъ генерала Ламарка еще прямѣе отчета доказалъ, что династическая оппозиція незамѣтно для самой себя доведена будетъ отъ словъ до дѣйствій, ведущихъ къ торжеству республиканцевъ. Такъ и случилось въ февралѣ 1848 года, когда она согласилась участвовать въ парижскомъ банкетѣ, результатомъ котораго могло быть только или упроченіе власти Гизо посредствомъ картечи и осаднаго положенія, или провозглашеніе республики, — вещи одинаково противныя намѣреніямъ династической оппозиціи. Теперь, въ 1832 году, точно такую же несообразность она сдѣлала, согласившись на демонстрацію при похоронахъ Ламарка. При тогдашнемъ волненіи умовъ, произведенномъ вандейскимъ возстаніемъ, отчетомъ оппозиціи, разрушеніемъ надежды на либеральную перемѣну въ правительствѣ по смерти Казиміра Перье, созывать десятки тысячъ народа въ одну процессію, разгорячать эту массу эмблемами и рѣчами могли бы, кажется, только люди, хотѣвшіе произвесть столкновеніе между народомъ и правительствомъ для низверженія Луи-Филиппа. Республиканцы хотѣли этого; но никакъ не могла хотѣть династическая оппозиція. Чего же она хотѣла и зачѣмъ дѣлала демонстрацію? По своему обыкновенію она не знала, чего хочетъ и что должно выйти изъ ея дѣйствій.

Генералъ Ламаркъ, храбрый солдатъ наполеоновской арміи, одинъ изъ очень немногихъ генераловъ, не измѣнявшихъ отечеству въ 1814 году, пользо-

вался большою популярностью, благодаря честности и прямотѣ характера, уваженію, какое пріобрѣлъ у Наполеона во время его бѣдствій, благодаря пылкости своего патріотизма и либеральному направленію. Когда онъ скончался въ началѣ іюня (1832), оппозиціонные депутаты, припоминая съ какимъ великолѣпіемъ совершены были консерваторами двѣ недѣли тому назадъ похороны Казиміра Перье, вздумали сдѣлать такимъ же политическимъ торжествомъ для своей партіи похороны своего знаменитаго друга. Днемъ похоронъ было назначено 5-ое іюня.

Легитимисты, разстроенные недавними неудачами на югѣ и въ Вандеѣ, и бонапартисты, въ то время очень малочисленные, могли надѣяться на счастливый для тѣхъ или другихъ оборотъ дѣла развѣ только какъ нибудь въ послѣдующемъ его развитіи, при какихъ нибудь особенныхъ случайностяхъ. Прямо могли выступить на борьбу съ Орлеанскою династіею одни только республиканцы. Съ этой точки зрѣнія, они дѣйствовали логически, возбуждая династическую оппозицію къ демонстраціи, подававшей поводъ къ столкновенію, въ которомъ единственный шансъ успѣха, если могъ быть какой нибудь шансъ успѣха, былъ въ пользу республиканцевъ. Но если династическая оппозиція дѣлала ошибку, ведя дѣло къ обороту, несоотвѣтствовавшему ея стремленіямъ, то республиканцы въ свою очередь ошибались, преувеличивая свою надежду на успѣхъ. Они были чрезвычайно малочисленны; правда, они пользовались популярностью въ Парижѣ между работниками; но простолюдины могли принять участіе въ ихъ попыткѣ только тогда, если бы предварительно были расположены къ борьбѣ или долгою агитаціею, или какими нибудь особенными обстоятельствами. Этого не было. Притомъ, сами республиканцы не успѣли согласиться между собою.

Большинство ихъ видѣло безнадежность борьбы и не готовилось къ ней. Разсчитывали на успѣхъ только немногіе, не составлявшіе большинства ни въ одномъ изъ четырехъ главныхъ республиканскихъ клубовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, неблагоразумно было со стороны республиканцевъ то, что они не отклонили манифестацію, которая неизбежно вела къ столкновенію. Они дорого поплатились за эту ошибку; но гибельное для нихъ дѣло было вредно и для правительства: оно показало, какъ ничтожная горсть людей можетъ привести всѣхъ слугъ Луи-Филиппа къ отчаянію, какъ легко теряютъ голову эти надменные консерваторы, на которыхъ онъ исключительно оперся, какъ мало въ нихъ и преданности, и мужества.

5-го января, съ самаго разсвѣта, улицы около дома Ламарка были наполнены тысячами людей, захотѣвшихъ принять участіе въ процессіи. Она имѣла угрожающій видъ; правительство приготовилось къ этому: въ Парижѣ было собрано 24,000 регулярнаго войска, кромѣ того, въ окрестностяхъ Парижа еще 30,000, готовыхъ двинуться въ столицу. Процессія должна была проходить черезъ весь Парижъ, чтобы дойти отъ дома Ламарка до кладбища Лашеза. На этомъ длинномъ пути, при страшномъ столпленіи народа, конечно происходили нѣкоторыя небольшія драки съ полицейскими, которыхъ прогоняла толпа; одушевленіе увеличивалось революціонными пѣснями. Зрители говорили, что начало іюльской революціи не было такъ грозно, какъ эта процессія, состоявшая изъ десятковъ тысячъ людей. Она дошла до Аустерлицкаго моста. Тутъ была приготовлена эстрада; процессія остановилась; Лафайетъ, маршалъ Клозель, Могенъ сказали рѣчи, отличавшіяся спокойною и грустною торжественностью. Но скоро эти ораторы смѣнились другими, менѣе знамени-

тыми и болѣе восторженными. Толпа разгорячалась; начали носиться слухи, что въ другихъ частяхъ Парижа уже дерутся, что какой-то генералъ перешелъ на сторону инсургентовъ, что войска также перешли на сторону народа и двинулись на Тюильри. Въ распространеніи этихъ фальшивыхъ извѣстій винятъ переодѣтыхъ полицейскихъ агентовъ, возбуждавшихъ народъ къ столкновенію, чтобы можно было надолго запугать его страшнымъ подавленіемъ мятежа. Справедливо ли вообще такое обвиненіе, трудно рѣшить, но оно соотвѣтствуетъ обыкновенной системѣ французской полиціи, и подтверждается по крайней мѣрѣ однимъ достовѣрнымъ фактомъ: въ толпу въѣхалъ какой-то неизвѣстный простонародью и республиканцамъ человѣкъ въ черномъ платьѣ, сидѣвшій верхомъ на лошади и державшій въ рукѣ красное знамя, увѣнчанное фригійскою шапкою, символомъ 1793 г. Этотъ неизвѣстный являлся, очевидно, затѣмъ, чтобъ возбудить массу къ насиліямъ. Но противъ своего ожиданія, онъ произвелъ дурное впечатлѣніе на народъ и въ особенности на республиканцевъ, не хотѣвшихъ, чтобы ихъ считали террористами. Неизвѣстный человѣкъ, потерпѣвъ неудачу, подошелъ къ генералу Флаго, одному изъ приближенныхъ Луи-Филиппа, и они вмѣстѣ ушли въ Тюильри. Народъ оставался спокоенъ.

Но кромѣ пространства у Аустерлицкаго моста, множество другихъ улицъ было наполнено толпою. Въ одной изъ нихъ, безъ всякой надобности явился эскадронъ драгунъ, направлявшійся къ Аустерлицкому мосту, по приказанію префекта полиціи Жиске, а не военнаго коменданта генерала Пажоля: ревность полиціи дѣйствовала и тутъ. Эскадронъ тѣснилъ толпу; изъ нея раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Тогда драгуны отступили и, объѣхавъ окольными улицами, бросились въ аттаку на про-

странство у Аустерлицкаго моста по Контръ Эскарпной улицѣ, далекой отъ того мѣста, гдѣ они были встрѣчены выстрѣлами. Тутъ народъ еще не подавалъ никакого повода къ аттакѣ. Онъ былъ раздраженъ этимъ насиліемъ, и видя необходимость защищаться отъ сабельныхъ ударовъ, построилъ баррикаду. Окна сосѣднихъ зданій были заняты наскоро вооружившимися людьми, которые на аттаку противъ народа стали отвѣчать ружейными выстрѣлами. Драгуны смѣшались и ускакали; возстаніе началось. Инсургентовъ было мало, но они быстро разсѣялись по всѣмъ направленіямъ и въ нѣсколько часовъ овладѣли большею частью города, успѣли даже взять безъ боя нѣсколько крѣпкихъ позицій, выгнавъ занимавшіе ихъ караулы, которые въ смущеніи отступали безъ сопротивленія. Въ 6 часовъ вечера успѣхи инсургентовъ были уже такъ велики, что большая часть правительственныхъ лицъ отчаялись, хотя битва еще и не начиналась. Министры и генералы собрались на совѣщаніе. Военный министръ, маршалъ Сультъ, или потерялъ голову, или, какъ потомъ стали подозрѣвать, хотѣлъ измѣнить, въ надеждѣ занять мѣсто Луи-Филиппа. Онъ говорилъ, что посылать войска въ узкія улицы и глухіе переулки, занятые инсургентами, значило бы подвергать солдатъ пораженію, и выказывалъ полную нерѣшительность. Онъ и многіе другіе говорили, что надобно совершенно выступить изъ Парижа, оставить его во власти инсургентовъ, и сосредоточить войска за городомъ на Марсовомъ полѣ; а потомъ оттуда штурмовать городъ, какъ штурмуютъ непріятельскую крѣпость. Правительственное собраніе разошлось, не принявъ никакого рѣшенія. Придворные были въ унынiи. Дворецъ опустѣлъ; въ зданіяхъ министерствъ чиновники прятали важнѣйшія бумаги и всѣ приготовлялись къ бѣгству.

Образъ дѣйствій маршала Сульта былъ особенно двусмысленъ. Онъ не понималъ, что низость характера и жадность къ деньгамъ отнимаютъ у него то уваженіе въ народѣ, на какое имѣлъ бы онъ право по своимъ военнымъ заслугамъ. Онъ видѣлъ, что одинъ изъ его товарищей, Бернадоттъ, сдѣлался королемъ шведскимъ и давно уже думалъ, что подобная каррьера доступна и ему, имѣвшему собственно военной славы больше, чѣмъ Бернадоттъ. Во время испанской войны, командуя сильнѣйшею изъ французскихъ армій, защищавшихъ Іосифа, онъ велъ интриги съ англичанами, думая объявить себя королемъ португальскимъ,—по крайней мѣрѣ такъ думали тогда всѣ. Теперь, судя по страннымъ его дѣйствіямъ, стали подозрѣвать, что у него явилась мысль сѣсть на французскій престолъ. Онъ давалъ совѣтъ вывесть войска изъ Парижа, хотя ему, какъ отличному генералу, понятнѣе всѣхъ было, что выступленіе изъ города равнялось бы для Луи-Филиппа потерѣ престола. Въ наступившую ночь (съ 5 на 6 іюня) онъ имѣлъ свиданія съ предводителями республиканцевъ. Но если онъ дѣйствительно хотѣлъ бросить Луи-Филиппа и воспользоваться возстаніемъ для своего личнаго возвышенія, то онъ дѣйствовалъ слишкомъ нерѣшительно и не выигралъ ничего.

Правительство и придворные трепетали; большая часть изъ нихъ считали свое дѣло потеряннымъ; но сами инсургенты имѣли еще меньше надежды на успѣхъ. Это были почти все только молодые люди, безъ всякаго значенія въ обществѣ и даже въ собственной партіи. Простолюдины, разочарованные безплодностью іюльской революціи, не приставали къ новому движенію, разсуждая, что и на этотъ разъ успѣхъ не принесъ бы имъ пользы. Быть можетъ, они вовлеклись бы въ движеніе, еслибъ стали во главѣ его люди съ популярными, знаменитыми име-

нами. Инсургенты разсчитывали на содѣйствіе Лафайетта и маршала Клозеля. Лафайеттъ выразилъ согласіе присоединиться къ нимъ. Но самъ онъ былъ такъ дряхлъ, что не могъ ничего сдѣлать безъ помощи своихъ приближенныхъ, а они не хотѣли подвергать опасности его сѣдую голову, и согласіе, данное лично имъ помогать инсургентамъ, осталось секретомъ, не имѣвшимъ никакихъ результатовъ. Маршалъ Клозель отвѣчалъ инсургенту, который велъ съ нимъ переговоры: „Я присоединяюсь къ вамъ, если вы имѣете на своей сторонѣ хотя одинъ полкъ.“— „Если бы теперь былъ у насъ хотя одинъ полкъ, мы не нуждались бы въ васъ,“ сказалъ инсургентъ. При такомъ безсиліи, даже настоящіе предводители республиканской партіи въ палатѣ депутатовъ и въ журналистикѣ считали безнадежнымъ дѣло возстанія, начатое безъ нихъ, и не захотѣли присоединиться къ отчаянной попыткѣ немногихъ энтузіастовъ. Они собрались на совѣщаніе въ конторѣ National'я, въ 8 часовъ вечера (5 января). Арманъ Каррель, самый сильный человѣкъ своей партіи, доказывалъ, что возстаніе не можетъ имѣть успѣха, и поддерживать инсургентовъ значило бы только увеличивать число жертвъ. Нужны были безстрашіе Карреля и его репутація, чтобы говорить это въ собраніи отважныхъ людей, готовыхъ отвѣчать подозрѣніями въ трусости на благоразумный совѣтъ. Но онъ одержалъ верхъ, и республиканскіе предводители рѣшили, наперекоръ собственной пылкости, не принимать участія въ возстаніи. Только немногіе второстепенные люди изъ нихъ не захотѣли покориться рѣшенію и отправились въ тѣ части города, гдѣ были построены баррикады.

Вечеромъ 5 іюня инсургенты владѣли множествомъ позицій, но всѣми ими овладѣли только потому, что не нашли сопротивленія въ караулахъ, застигнутыхъ

врасплохъ. Повсюду они были чрезвычайно малочисленны и должны были удалиться, когда ночью и на слѣдующее утро явились войска. На разсвѣтѣ 6 іюня въ ихъ рукахъ оставались только два пункта: площадь Бастиліи, при входѣ въ предмѣстье св. Антонія, и часть Сенъ-Мартенской улицы съ выходившими на нее въ тѣхъ мѣстахъ переулками. Не было никакого сомнѣнія, что они черезъ нѣсколько часовъ будутъ выбиты и изъ этихъ позицій.

Между тѣмъ оппозиціонные депутаты собрались у Лафита на совѣщаніе; большинство ихъ думало только о томъ, чтобы очиститься отъ подозрѣнія въ соучастничествѣ съ инсургентами. Было предложено сдѣлать манифестацію въ этомъ смыслѣ. Но нашлись люди болѣе мужественные, которые успѣли убѣдить остальныхъ, что подобный поступокъ былъ неприличенъ, имѣя видъ трусости. Тогда собраніе пришло къ мысли послать къ Луи-Филиппу депутацію, которая высказала бы ему, что система, принятая имъ, служитъ источникомъ всѣхъ волненій въ обществѣ. Противъ этого говорили, что усилія депутаціи останутся безплодны, что Луи-Филиппъ, подобно Карлу X, имѣетъ свою неизмѣнную систему, отъ которой не захочетъ отступиться, что его ошибки происходятъ не отъ незнанія, а изъ сознательнаго разсчета. Все это было справедливо, но оппозиція считала своею обязанностью сдѣлать предостереженіе, хотя и предвидѣла его безуспѣшность. Членами депутаціи были назначены: Араго (астрономъ), Одиллонъ Барро и Лафитъ. Отправляясь во дворецъ, депутаты узнали, что возстаніе уже почти совершенно подавлено.

Главная борьба происходила въ Сенъ-Мартенской улицѣ. Площадь Бастиліи была скоро отбита у инсургентовъ, но въ Сенъ-Мартенской улицѣ они держались довольно долго, успѣвъ построить нѣсколько баррикадъ. Тутъ было ихъ всего нѣсколько десятковъ

человѣкъ и они знали, что обрекли себя на смерть. Много аттакъ было ими отбито и 60 человѣкъ нѣсколько часовъ противились нѣсколькимъ батальонамъ регулярныхъ войскъ и многочисленнымъ отрядамъ національной гвардіи. Вотъ уже половина инсургентовъ была перебита, оставалось ихъ всего человѣкъ 35. Старикъ съ сѣдой бородою держалъ надъ баррикадою трехцвѣтное знамя. Пуля поразила его, но падая, онъ убѣждалъ своихъ товарищей не унывать. Подлѣ него стоялъ молодой человѣкъ, управлявшій движеніями инсургентовъ посредствомъ барабанныхъ сигналовъ. Пуля раздробила ему кисть лѣвой руки. „Ступай въ лазаретъ," твердили ему. „Пойду, когда отобьемъ солдатъ," отвѣчалъ онъ и продолжалъ бить сигналы одной правой рукой. Одинъ изъ людей, защищавшихъ баррикаду, сказалъ, что онъ проголодался и что надобно послать за пищею.— „Стоитъ ли? отвѣчалъ Жаннъ, командовавшій баррикадою: теперь три часа, а въ четыре насъ не будетъ на свѣтѣ." Регулярныя войска не могли одолѣть эту горсть людей. Надобно было привезти пушки. Баррикада была разбита ядрами; тогда нѣсколько человѣкъ инсургентовъ, оставшихся живыми, пробились штыками сквозь ряды войска, нѣсколько человѣкъ другихъ ушли въ сосѣдній домъ и продолжали тамъ защищаться. Они отстаивали комнату за комнатой, этажъ за этажемъ, наконецъ, черезъ кровлю перелѣзли въ ближайшій домъ и спаслись. Всего тутъ было человѣкъ 25; 17 изъ нихъ были убиты, 5 или 6 человѣкъ ушли черезъ кровлю, двое, раненые, были спасены докторомъ. Вообще сопротивленіе было такъ продолжительно и упорно, что сами побѣдители не могли потомъ понять, какимъ образомъ такъ долго защищались отъ нихъ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Между тѣмъ, депутація, посланная оппозиціею, явилась въ Тюильрійскій дворецъ. Луи-Филиппъ, всегда

умѣвшій владѣть собою и одаренный замѣчательнымъ мужествомъ, сохранялъ во все время опасности спокойствіе духа и теперь принялъ депутацію съ обыкновенною своею любезностью. Депутаты исполнили свое порученіе твердо. Они сказали королю, что послѣ побѣды, имъ одержанной, удобно ему исправить прежнія ошибки для успокоенія всеобщаго неудовольствія, что минута побѣды должна быть эпохою перемѣны въ его системѣ, что онъ теряетъ свою популярность, что два возстанія, произошедшія почти одновременно на западѣ и въ Парижѣ, показываютъ гибельность политики, получившей господство послѣ отставки Лафита. Луи-Филиппъ, никогда не затруднявшійся отвѣтомъ, возразилъ на это, что если Парижъ обагрился кровью, въ этомъ виноватъ духъ партій; что если, сдѣлавшись королемъ французскимъ, онъ лишился популярности, какую имѣлъ, будучи герцогомъ Орлеанскимъ, то это неудивительно послѣ клеветы, какой онъ постоянно подвергается отъ враждебныхъ партій. Строгость, выказываемая правительствомъ, продолжалъ онъ, необходима для подавленія постоянныхъ нападеній на него, и въ отчетѣ оппозиціонныхъ депутатовъ всѣ обвиненія—несправедливый вымыселъ. Послѣ этого оффиціальнаго обмѣна рѣчей начался разговоръ въ томъ же духѣ. Луи-Филиппъ съ гордостью говорилъ, что ошибаются люди, приписывающіе собственно Казиміру Перье ту систему, которой слѣдовало министерство Перье; онъ нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету, увѣряя, что система принадлежитъ ему самому, Луи-Филиппу, и что Перье былъ только орудіемъ его воли. Въ этомъ онъ былъ совершенно правъ.

Въ разговорѣ съ депутаціею, Луи-Филиппъ обѣщался не принимать никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ для преслѣдованія участниковъ и предать ихъ законному суду. Это слово не было сдержано: Парижъ

былъ объявленъ находящимся въ осадномъ положеніи, хотя миновалась всякая опасность. Черезъ это судъ надъ обвиняемыми въ возстаніи передавался военнымъ коммиссіямъ. Изъ всѣхъ королевскихъ совѣтниковъ, самымъ горячимъ образомъ требовалъ осаднаго положенія Тьеръ. Полиція произвела множество арестовъ и обысковъ. Было между прочимъ приказано арестовать Армана Карреля. Но совершенно неизвинительно было то, что правительство приказало медикамъ и хирургамъ доносить о раненыхъ, которые поступили къ нимъ въ госпитали или будутъ лечиться на дому. Не нашлось ни одного человѣка изъ докторовъ, который былъ бы столь низокъ, чтобы исполнить это требованіе.

Парижъ ропталъ. Военно-судныя коммиссіи начали процессы противъ заговорщиковъ. Но по первому же приговору, произнесенному одною изъ этихъ коммиссій, была подана апелляція въ кассаціонный судъ, и онъ, выслушавъ Одилона Барро, бывшаго защитникомъ обвиненнаго, уничтожилъ приговоръ, признавъ, что преданіе обвиняемаго военному суду составляло превышеніе власти и нарушало конституцію. Это былъ тяжелый ударъ для правительства, признаннаго виновнымъ въ такой же незаконности распоряженій, какою произведены были іюльскія событія. Осадное положеніе было снято и процессы переданы уголовному судилищу. Изъ 22 человѣкъ обвиненныхъ только 5 были осуждены, остальные оправданы. Изъ осужденныхъ самому тяжелому наказанію подвергся Жаннъ, командовавшій баррикадою Сенъ-Мартенской улицы: онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ. Остальные подверглись заключенію въ тюрьму на небольшое число лѣтъ. Эта многочисленность оправданій и мягкость наказаній также свидѣтельствовала о глубокомъ недовольствѣ общественнаго мнѣнія господствующею системою. Такимъ образомъ

изъ трехъ партій, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ 5 и 6 іюня, каждая въ свою очередь подвергла себя пораженію по собственной неразсчетливости. Династическая оппозиція, вовсе не хотѣвшая возстанія, компрометировала себя согласіемъ на демонстрацію, которая неизбѣжно вела къ вооруженному столкновенію. Республиканцы разсчетливо шли къ той цѣли, какую дѣйствительно имѣли, но выбрали для взрыва неудобное время и преждевременностью борьбы навлекли на себя неудачу, отъ которой долго не могли оправиться. Наконецъ, консервативная партія и Луи-Филиппъ, восторжествовавъ надъ противниками, надѣлали такихъ неловкостей, что только усилили прежнее неудовольствіе и послѣ побѣды увидѣли себя въ положеніи худшемъ прежняго.

Этотъ ходъ дѣла приводитъ насъ къ заключенію, какое вообще выводится почти изъ всѣхъ катастрофъ. Напрасно было бы думать какой нибудь партіи, что вредъ наносимый противникамъ, непремѣнно долженъ обратиться ей въ пользу. Нѣтъ, дѣйствительно существуютъ выше всѣхъ вопросовъ о побѣдѣ той или другой партіи интересы цѣлаго общества, и тѣ дѣйствія, которыя вредятъ имъ, приносятъ въ результатѣ вредъ не однимъ противникамъ, но всѣмъ безъ исключенія, въ томъ числѣ даже людямъ, основывающимъ свой успѣхъ на нихъ. Есть мѣры, къ которымъ никогда не долженъ прибѣгать разсчетливый человѣкъ, какъ бы гибельны ни были онѣ для людей ему ненавистныхъ. Мы говоримъ это не съ точки зрѣнія нравственности, или гуманности, а даже просто съ точки зрѣнія выгодности, эгоистическаго разсчета. Династическая оппозиція хотѣла повредить правительству, и дѣйствительно подвергла его бѣдѣ. Но что она выиграла сама? Она только компрометировала себя. Тоже самое надобно сказать и о республиканцахъ, и о консерваторахъ, руко-

водимыхъ Луи-Филиппомъ. Эти три партіи были смертельно враждебны другъ съ другомъ, но для каждой изъ нихъ одинаково было бы лучше, еслибъ не произошло событій 5 и 6 іюня. Каковы бы ни были цѣли извѣстной партіи, но каждая должна была бы помнить, что нанесеніе вреда обществу не можетъ быть полезно даже и для частныхъ ея цѣлей. Конечно, хорошо говорить это людямъ спокойно смотрящимъ издали на историческую борьбу, и почти нѣтъ человѣку возможности удержаться отъ опрометчивыхъ дѣйствій, когда онъ охваченъ вихремъ исторической жизни, влекущей къ столкновеніямъ, столь же неизбѣжнымъ, какъ и напраснымъ. Но если уже нельзя удержаться отъ вредной растраты собственныхъ силъ и общественныхъ средствъ въ безплодныхъ катастрофахъ, то надобно по крайней мѣрѣ помнить, что есть другой гораздо спокойнѣйшій путь къ разрѣшенію общественныхъ вопросовъ, путь ученаго изслѣдованія; и надобно было бы не безславить тѣхъ немногихъ людей, которые работаютъ на этомъ пути за всѣхъ насъ, увлекающихся пристрастіемъ къ внѣшнимъ событіямъ и къ эффектному драматизму собственно такъ называемой политической исторіи.

Мы обыкновенно не помнимъ и этого. Мыслители, отыскивающіе средства къ отстраненію тѣхъ недостатковъ, изъ которыхъ проистекаютъ гибельныя для всего общества катастрофы, подвергаются насмѣшкамъ и клеветамъ общества, которому хотятъ помочь. Довольно нелѣпымъ образомъ, за основаніе для порицаній и гоненій берется то, что они нововводители. Но вѣдь въ томъ именно и состоитъ общественная потребность, что старыя отношенія не соотвѣтствуютъ новымъ условіямъ жизни, стало быть должны замѣниться новыми.

Мы видѣли, изъ чего проистекали волненія, смущавшія Францію при іюльской монархіи,—источни-

комъ всѣхъ ихъ и самого іюльскаго переворота былъ тотъ же самый фактъ, который служилъ причиною всѣхъ важныхъ событій французской исторіи съ конца прошлаго вѣка. Либералы, совершившіе іюльскій переворотъ, не могли бы ничего сдѣлать, еслибъ не помогли имъ парижскіе простолюдины. Тѣ же простолюдины давали силу людямъ, низвергнувшимъ старинное французское устройство въ концѣ прошлаго вѣка. Они же давали силу Наполеону, пока считали его своимъ защитникомъ отъ возвращенія стараго порядка дѣлъ. Когда они убѣдились, что Наполеонъ дѣйствуетъ въ свою, а не въ ихъ пользу, они покинули его, и только это охлажденіе массы къ Наполеону дало возможность низвергнуть его въ 1814 г. Когда она увидѣла, что при Бурбонахъ не стало для нея лучше, чѣмъ было при Наполеонѣ, она низвергла ихъ, въ надеждѣ пріобрѣсть нѣчто лучшее безъ нихъ. Источникомъ всей силы, какую имѣло то или другое французское правительство, бывала надежда массы, что оно благопріятно для нея; недовольство ея своимъ положеніемъ было всегда причиною катастрофъ. Изъ чего же происходило это недовольство?

Не изъ политическихъ убѣжденій: масса одинаково была предана сначала республикѣ, потомъ абсолютной монархіи Наполеона. Къ политическимъ формамъ въ сущности была она равнодушна. Ея требованія относились къ предметамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ тою или другою политическою формою,— самымъ яснымъ свидѣтельствомъ тому служило Ліонское возстаніе 1832 года, о которомъ разсказывали мы въ прошлый разъ. И если политическія формы падали одна за другою по неудовлетворенности этихъ требованій при каждой изъ нихъ, то повидимому люди всѣхъ политическихъ партій должны были бы радоваться попыткамъ мыслителей къ пріисканію средствъ

для удовлетворенія потребностей массы: какова бы ни была форма политическаго устройства, предпочитаемая извѣстною партіею, все равно, эта форма могла получить прочность только отъ разрѣшенія вопросовъ, составлявшихъ предметъ изслѣдованія для тѣхъ мыслителей, которые заботились пріискать средства къ удовлетворенію потребностей массы. Но всѣ политическія партіи — абсолютисты, конституціонисты, республиканцы — одинаково возставали противъ этихъ попытокъ, которыми пролагался единственный путь къ успокоенію общества. Республиканцы сдѣлали такую ошибку въ 1849 году; теперь, при іюльской монархіи, дѣлали ее консерваторы и умѣренные либералы.

Первою изъ попытокъ найти способы къ удовлетворенію потребностей массы былъ во Франціи въ нашемъ вѣкѣ сенъ-симонизмъ. Его основатели были подвергнуты судебному преслѣдованію вскорѣ послѣ событій, произшедшихъ изъ манифестаціи при похоронахъ Ламарка.

IX. ПРОЦЕССЪ МЕНИЛЬМОНТАНСКАГО СЕМЕЙСТВА

Приверженцы новыхъ политическихъ и общественныхъ идей постоянно жалуются на то, что ихъ предшественники и предводители подвергались и подвергаются преслѣдованіямъ, какъ враги общественнаго спокойствія, люди вредные для общества. Но жаловаться тутъ ровно не на что. Преслѣдованіе — натуральная участь новизны не въ однѣхъ общественныхъ идеяхъ, а рѣшительно во всемъ: и въ отвлеченной наукѣ, и въ искусствѣ. Вспомнимъ: огромное большинство врачей очень долго называло нелѣпостью открытіе Гарве, что кровь не стоитъ, а течетъ въ нашихъ жилахъ; вспомнимъ: огромное большинство математиковъ и натуралистовъ очень долго называло нелѣпостью законъ тяготѣнія, открытый Ньютономъ. Смотря потому, къ какой сферѣ относится новизна, различна бываетъ и форма возбуждаемаго ею преслѣдованія. Если дѣло относится къ отвлеченной наукѣ, человѣкъ, вводящій новую идею, заслуживаетъ репутацію невѣжды и сумасброда; если дѣло относится къ невиннымъ, безвреднымъ и безполезнымъ искусствамъ, человѣкъ за новизну идей провозглашается лишеннымъ изящнаго вкуса, безталаннымъ фантазеромъ, — такимъ долго считали Грёза, вздумавшаго ввести простоту и человѣческое чувство во французскую аффектированную и холодно-сладострастную живопись. Если дѣло относится къ обществу, къ политикѣ, то, конечно, и отрицательное воздаяніе должно имѣть административный и юридическій характеръ. Этому такъ и слѣдуетъ быть, по крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ состояніи общества. Быть можетъ, когда состояніе мас-

сы измѣнится, когда она будетъ руководиться собственными, а не чужими внушеніями въ своихъ мнѣніяхъ объ общественныхъ дѣлахъ, — очень можетъ быть, что тогда будетъ иначе; но это время еще очень далеко, а до той поры новыя общественныя идеи должны по всѣмъ возможнымъ основаніямъ и разсчетамъ подвергаться преслѣдованію, какъ бы полезны въ сущности ни были.

По нашему разсказу о фактахъ, составлявшихъ такъ называемую исторію въ первые годы іюльской монархіи, можно уже достаточно судить о томъ, каковы были существенныя потребности французской націи, хорошо ли удовлетворялись онѣ и много ли заботились о ихъ удовлетвореніи существовавшія тогда власти. Мы видѣли, что народъ, пробужденный изъ своей обычной летаргіи іюльскими днями, ежедневно грозилъ возстаніемъ, что уже и было довольно много попытокъ возстанія въ Парижѣ и Ліонѣ, единственныхъ двухъ пунктахъ, гдѣ масса народа такъ велика, что можетъ, хотя по временамъ, одушевляться сознаніемъ своихъ силъ. Мы видѣли, что половина всѣхъ правительственныхъ заботъ тратилась на подавленіе возстаній, а другая употреблялась на устройство личныхъ отношеній Луп-Филиппа; у правительства не оставалось времени позаботиться объ устраненіи тѣхъ причинъ, которыми вызывались смуты, подвергавшія опасности его существованіе; а между тѣмъ смуты возникали изъ тяжелыхъ обстоятельствъ массы. Для облегченія судьбы народа не было ничего дѣлано правительствомъ; она почти не занимала и либеральную часть палаты, увлеченную въ споры противъ правительства по вопросамъ, быть можетъ очень интереснымъ для образованныхъ и зажиточныхъ сословій, но не имѣвшимъ никакого прямаго отношенія къ матеріальнымъ нуждамъ массы народа. При

такой беззаботности правительства и самихъ депутатовъ о народѣ, надобно было заняться заботою о его судьбѣ людямъ, не имѣвшимъ никакого оффиціальнаго характера, никакой власти, такъ называемымъ теоретикамъ. Первая теорія объ улучшеніи народнаго быта, обратившая на себя большое вниманіе во французскомъ обществѣ, стала извѣстна подъ именемъ сенъ-симонизма, хотя самъ Сенъ-Симонъ положилъ только общія, очень неопредѣленныя основанія ей, а школа людей, гордившаяся названіемъ его учениковъ, переработала и развила мысли учителя такъ, что придала имъ значеніе, какого онѣ вовсе не имѣли у самаго Сенъ-Симона.

Первыя проявленія новыхъ общественныхъ стремленій всегда имѣютъ характеръ энтузіазма, мечтательности, такъ что болѣе походятъ на поэзію, чѣмъ на серьёзную науку. Таковъ былъ и характеръ сенъ-симонизма. Чтобы понять, какимъ образомъ могли дойти до фантастическихъ грезъ въ своихъ реформаторскихъ идеяхъ люди, оказавшіеся впослѣдствіи очень практичными дѣльцами, мы должны нѣсколько ближе всмотрѣться въ тогдашнее положеніе французскаго общества.

Теперь французъ только по преданію знаетъ о порядкѣ дѣлъ, господствовавшемъ до временъ большой революціи. Хорошъ или дуренъ новый порядокъ вещей, но нація уже свыклась съ нимъ и безвозвратно отдѣлилась мыслью отъ дореволюціонной старины. Тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ было не то: въ націи оставались еще живыя воспоминанія о феодальной старинѣ, о средневѣковомъ бытѣ, уничтоженномъ революціею. Революція не исполнила всѣхъ надеждъ, ею возбуждавшихся; не уничтожила бѣдности народа, давъ ему политическія права. У многихъ родилась мысль, что новый порядокъ, оставляющій каждаго на произволъ судь-

бы, хуже прежняго, при которомъ простолюдинъ, находясь въ гражданской зависимости отъ аристократа, пользовался его покровительствомъ,—по крайней мѣрѣ, такъ говорилось въ старину, и бѣдствія настоящаго располагали придавать серьёзное значеніе старинному преданію о покровительствѣ отъ высшаго низшему. Конечно, это расположеніе идеализировать старинныя отношенія всего скорѣе могло обольстить собою человѣка произходившаго изъ аристократіи. Ученіе Сенъ-Симона, основанное на мысли, что опека высшихъ надъ низшими можетъ быть полезна для низшихъ, показываетъ намъ въ реформаторѣ герцога, потомка феодаловъ, наслѣдника средневѣковыхъ воззрѣній.

Человѣкъ необыкновеннаго ума и рѣдкаго благородства, полный пламеннаго состраданія къ бѣдствіямъ массы, Сенъ-Симонъ видѣлъ передъ собою ту самую картину, какую и теперь видитъ каждый; но чужія несчастія и общественныя несообразности, не возмущающія душевнаго спокойствія людей съ обыкновеннымъ сердцемъ, мучили его.

Повсюду вокругъ себя онъ видѣлъ ожесточенную борьбу: борьбу производителей между собою за сбытъ товара, борьбу работниковъ между собою за полученіе работы, борьбу фабриканта съ работникомъ за размѣръ платы, борьбу бѣдняка противъ машины, отнимающей у него прежнюю работу и прежній кусокъ хлѣба; эта война называется конкуренціею и насъ увѣряютъ, что она приноситъ больше пользы, чѣмъ вреда; очень можетъ быть; но страданія ею приносимыя неизмѣримо велики, потому что она губитъ всѣхъ слабѣйшихъ въ каждомъ званіи, въ каждомъ промыслѣ. У кого больше капитала, тотъ богатѣетъ, а всѣ другіе раззоряются: изъ самой свободы возникаетъ монополія милліонеровъ, порабощающихъ себѣ все; земли обременены долгами; ремесленники,

сами бывшіе хозяевами, замѣняются наемными рабочими; духъ спекуляціи влечетъ общество къ отчаянному риску, кончающемуся коммерческими кризисами; выгода каждаго противоположна выгодѣ другихъ людей, и каждый родъ занятій враждебенъ другому. Рынки завалены товарами, не находящими сбыта; фабрики запираются и рабочіе остаются безъ хлѣба. Всѣ открытія науки обращаются въ средства порабощенія и оно усиливается самимъ прогрессомъ: пролетарій дѣлается просто рукояткою машины и безпрестанно бываетъ принужденъ жить милостынею; въ шестьдесятъ лѣтъ онъ остается безъ всякихъ средствъ къ жизни; его дочь продаетъ себя отъ голода, его сынъ съ семи лѣтъ дышетъ зараженнымъ воздухомъ фабрикъ. Таково было матеріальное положеніе общества представлявшееся Сенъ-Симону.

Тотъ же самый хаосъ видѣлъ онъ и въ нравственной жизни общества: оно не имѣло никакихъ твердыхъ убѣжденій, оно только привыкло слышать, что все вздоръ, кромѣ личной денежной выгоды. Самый бракъ сталъ просто коммерческою сдѣлкою, денежнымъ разсчетомъ: женихъ продаетъ себя, невѣсту продаютъ. При такомъ началѣ невозможно хорошее продолженіе супружеской жизни: мужъ всегда невѣренъ женѣ, жена почти всегда измѣняетъ мужу, супружеское счастье—рѣдкость, которой никто даже не вѣритъ; едва умираетъ человѣкъ, надъ его трупомъ начинаются ссоры и процессы изъ-за наслѣдства: общественная жизнь наполнена жесточайшею враждою между родными; эта гнусность простирается до того, что безпрестанно возникаютъ тяжбы у дочери съ отцемъ за имущество матери, у сына съ матерью за имущество отца. Вотъ какова семейная жизнь зажиточныхъ сословій. Для простолюдина съ каждымъ днемъ уменьшается возможность

имѣть семейство: молодой человѣкъ не имѣетъ средствъ содержать жену, дѣвушка находитъ любовника, но не мужа; супружество замѣняется наложничествомъ. А если бѣднякъ по безразсудству женится, онъ принужденъ не воспитывать дѣтей, а дѣлать ихъ орудіями, помогающими прокормленію семьи: маленькіе мальчики и дѣвочки уже работаютъ на фабрикахъ, погибая тѣломъ отъ чрезмѣрной работы, погибая душою отъ преждевременнаго разврата: имъ нужно было бы подышать свѣжимъ воздухомъ, поиграть, а они заперты въ душной мастерской, въ которой перемѣшаны оба пола и происходятъ грязныя сцены. Каждый день въ пять часовъ утра тѣснится у дверей фабрики толпа этихъ несчастныхъ дѣтей, блѣдныхъ, слабыхъ, съ потусклымъ взоромъ, съ спиною уже сгорбленною, какъ у стариковъ. Шарль Дюпенъ уже докладывалъ палатѣ пэровъ, что изъ тысячи молодыхъ людей, призываемыхъ въ мануфактурныхъ департаментахъ на очередь по конскрипціи, 898 человѣкъ оказываются неспособными къ военной службѣ по болѣзненности или изуродованности.

Мы уже видѣли, чѣмъ были поглощены силы правительства, не заботами объ общественномъ благѣ: а личными интригами, отчаянными усиліями поддержать свое существованіе, безплодными для народа турнирами ораторскаго краснорѣчія; мы видѣли, что депутаты были представителями одного зажиточнаго сословія, находившаго выгоду себѣ при общественномъ устройствѣ, столь тяжеломъ для массы: они не имѣли и мысли преобразовать его; притомъ же въ числѣ депутатовъ было столько чиновниковъ, безусловно зависящихъ отъ правительства, что министры всегда и во всемъ имѣли за себя большинство, и не могло пройдти черезъ палату ничто не поддерживаемое министрами.

Все это возмущало Сенъ-Симона. Онъ сталъ ду-

мать о необходимости совершенно перестроить общественный бытъ. Онъ былъ потомокъ одного изъ знатнѣйшихъ родовъ Франціи, герцогъ, богачъ; онъ пожертвовалъ всѣмъ для изслѣдованій о средствахъ улучшить положеніе страдавшихъ простолюдиновъ. Прежде всего, онъ считалъ нужнымъ изучить природу человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ, отъ самыхъ изысканныхъ до самыхъ грубыхъ, отъ самой высокой добродѣтели до низкихъ пороковъ. Самъ будучи человѣкомъ чистѣйшей нравственности, онъ вошелъ въ развратнѣйшіе круги, чтобы изучить какими причинами и влеченіями обольщаются порочные люди; серьёзный ученый, онъ сдѣлалъ свой домъ центромъ легкомысленныхъ забавъ аристократическаго общества, чтобы видѣть, почему становится человѣкъ пустымъ и легкомысленнымъ. Блестящіе балы смѣнялись у него собраніями ученыхъ, потому что онъ хотѣлъ также наблюдать, какимъ образомъ проявляется въ человѣкѣ стремленіе къ знанію. Изучивъ самымъ близкимъ наблюденіемъ высшія потребности человѣка и уклоненія, возникающія отъ изысканной цивилизаціи, онъ захотѣлъ узнать, что такое бѣдность; тутъ наблюденіе казалось ему недостаточнымъ, нуженъ былъ собственный опытъ и притомъ серьёзный, а не шуточный: онъ преднамѣренно, обдуманно, расчетливо раззорился и конецъ своей жизни провелъ въ величайшей бѣдности, добывая пропитаніе ремесломъ переписчика. Такая жизнь свидѣтельствуетъ объ экзальтаціи филантропической любознательности, о фанатической преданности дѣлу, похожей на мономанію. Эта черта отразилась и на теоріи, которую извлекъ онъ изъ своихъ изумительныхъ опытовъ.

Сенъ-Симонъ видѣлъ въ исторіи человѣчества прогрессивное движеніе и замѣчалъ, что по временамъ оно чрезвычайно усиливается, а потомъ человѣкъ ищетъ отдыха въ состояніи временной почти совер-

шенной неподвижности, чтобы, собравъ силы въ этомъ отдыхѣ, снова броситься въ стремительное движеніе. По этому онъ раздѣлялъ исторію на два разряда періодовъ, смѣняющихся одинъ другимъ: періоды, въ которыхъ владычествуетъ какая нибудь система понятій и учрежденій, вышедшая изъ предъидущей эпохи движенія; эта система представляетъ нѣчто связное, стройное, хорошее или дурное, но гармонирующее во всѣхъ своихъ частяхъ; отдыхающее человѣчество подчиняется этой системѣ; такія эпохи Сенъ-Симонъ называлъ органическими. Собравъ силы, человѣчество принимается передѣлывать прежнюю систему своихъ понятій и учрежденій, является отрицаніе, разрушеніе, борьба защитниковъ старины съ нововводителями во всѣхъ отрасляхъ жизни; такія эпохи передѣлки онъ называлъ критическими. Онъ видѣлъ органическую эпоху въ язычествѣ до Сократа, потомъ критическую эпоху разрушенія язычества, смѣны его христіанскими понятіями и учрежденіями; когда христіанство окончательно восторжествовало въ Европѣ, западное человѣчество снова успокоилось въ органической эпохѣ, продолжавшейся до Лютера; съ Лютера снова началась и до сихъ поръ продолжается критическая эпоха. Задача Сенъ-Симона состояла въ томъ, чтобы найти систему понятій и учрежденій, на которыхъ снова могло бы успокоиться общество.

Онъ замѣчалъ, что общество дѣлится на трудящихся и праздныхъ; ему казалось, что сообразна съ стремленіями общества будетъ только такая система, въ которой будутъ господствовать трудящіеся. Для этого необходимо имъ организоваться. Первымъ основаніемъ организаціи трудящихся Сенъ-Симонъ находилъ ихъ распредѣленіе на три разряда по тремъ главнымъ способностямъ, которымъ соотвѣтствуетъ ихъ трудъ. Человѣкъ чувствуетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ; Сенъ-Симонъ раздѣлялъ трудящихся на

артистовъ, трудъ которыхъ дѣйствуетъ на чувство, на ученыхъ, развивающихъ человѣческую мысль, и на промышленныхъ людей (les industriels), исполняющихъ потребности, удовлетворяемые матеріальною дѣятельностью. Теперь надобно было найти законъ, по которому опредѣлялись бы взаимныя отношенія этихъ классовъ.

Въ мысляхъ, внушившихъ Сенъ-Симону рѣшеніе этого вопроса, видны сильные слѣды католическихъ идей, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ: его теорія приходила къ полному отрицанію католичества, такъ же какъ и всѣхъ формъ протестантства, но выросла она на почвѣ католичества. Ему казалось, что до Лютера католичество въ самомъ дѣлѣ служило очень сильной нравственной связью между всѣми народами и сословіями западной Европы, какъ увѣряютъ католическіе писатели; ему казалось, что католичество до Лютера въ самомъ дѣлѣ было элементомъ прогресса въ исторической жизни, имѣло на нее благотворное вліяніе. Онъ думалъ, будто бы паденіе этой предполагаемой нравственной связи, никогда не бывшей дѣйствительно сильною въ томъ смыслѣ, какой придавалъ ей Сенъ-Симонъ,—будто бы это паденіе оставило въ сердцѣ человѣка и въ общественныхъ учрежденіяхъ пустоту, которую надобно наполнить новымъ подобнымъ учрежденіемъ. Разумѣется, это мнѣніе было фантасмагоріею: человѣчество ровно ничего не потеряло отъ замѣны папской власти въ нѣкоторыхъ западныхъ странахъ властью духовенства, не признававшаго папу, хотя (надобно признаться) мало и выиграло отъ той формы, какую приняла реформація въ Германіи и Англіи, потому что лютеранство и англиканство сохранили въ себѣ прежній католическій духъ. Власть надъ умами необразованныхъ сословій и немыслящаго большинства образованныхъ сословій, принадлежавшая католиче-

ству до Лютера, осталась и послѣ Лютера у католичества въ южной Европѣ, подобнаго католичеству протестантства въ сѣверной Европѣ; а малочисленные мыслящіе, не признающіе этихъ опекъ, не признавали и католической опеки въ Среднихъ вѣкахъ. Можетъ быть, число такихъ людей постепенно увеличивается; но это возрастаніе самостоятельной части общества просто слѣдствіе постепеннаго развитія и распространенія наукъ, и эти люди уже не могутъ быть возвращены подъ умственную опеку, какъ не возвращались подъ нее и въ Средніе вѣка.

Сенъ-Симону казалось иначе. Онъ думалъ, будто бы католичеству принадлежала власть надъ развитыми умами и будто бы можно возстановить надъ ними владычество авторитета; онъ думалъ, что этимъ возстановленіемъ внесется въ общество гармонія понятій, что изъ гармоніи понятій возникнетъ гармонія стремленій и дѣйствій, которая приведетъ людей къ благоденствію. Какимъ же способомъ создать эту власть надъ умами?

Сначала Сенъ-Симону казалось, что она должна возникнуть изъ сословія ученыхъ и онъ придумалъ очень фантастическій способъ помочь ея возстановленію. Въ „Письмахъ жителя Женевы къ его современникамъ“ онъ предлагалъ открыть подписку на гробѣ Ньютона; участвовать въ этой подпискѣ призывались бы всѣ: богатые и бѣдные, мужчины и женщины; каждый далъ бы сколько можетъ и хочетъ, и, давая свое пожертвованіе, назначалъ бы нѣсколькихъ людей изъ числа ученыхъ и художниковъ, авторитету которыхъ онъ наиболѣе вѣритъ; по проэкту Сенъ-Симона, онъ долженъ былъ назначить трехъ математиковъ, трехъ физиковъ, трехъ химиковъ, трехъ физіологовъ, трехъ литераторовъ, трехъ живописцевъ и трехъ музыкантовъ. Собранныя подпискою деньги распредѣлились бы между уче-

ными и артистами, получившими извѣстное число голосовъ, а тѣ двадцать одинъ человѣкъ изъ ученыхъ и артистовъ, которые получили наибольшее число голосовъ, составили бы „Ньютоновъ Совѣтъ," который взялъ бы въ свои руки умственное и нравственное управленіе народами, направлялъ бы ихъ къ одной общей цѣли и водворялъ бы повсюду гармонію понятій.

Само собою разумѣется, что эта наивная фантазія никого не очаровала. Видя неуспѣхъ, Сенъ-Симонъ сталъ допскиваться его причинъ и ему показалось, что онѣ заключаются не въ самой сущности его мысли, совершенно не пригодной къ исполненію, а только въ подробностяхъ придуманнаго имъ способа. Ему показалось, что напрасно онъ обратился къ ученымъ, потому что ученые—сословіе безжизненное, сухое, не имѣющее инпціативы, неспособное развивать новыя мысли, а только принимающее идеи, выработанныя другими сословіями. Живой элементъ въ обществѣ составляетъ промышленность; она быстро развивается и ведетъ общество куда хочетъ. Сенъ-Симонъ подумалъ, что исполнителями его мыслей будутъ промышленные люди. Онъ придумалъ проэктъ общественнаго устройства, по которому правитель былъ бы не главою бюрократическаго принципа, не представителемъ государства въ дипломатическихъ и военныхъ дѣлахъ, а главою промышленныхъ людей; министрами его были бы просвѣщенные промышленники; заботою ихъ было бы обращать государственные доходы на развитіе промышленности; система налоговъ была бы устроена такъ, чтобы давать трудящимся людямъ совершенный перевѣсъ надъ праздными въ государственной жизни. Но черезъ нѣсколько времени, Сенъ-Симонъ увидѣлъ несостоятельность и этого плана: промышленные люди, подобно ученымъ, оказались неспособными осуществить

мысли реформатора и ему оставалось только обратиться къ артистамъ.

Съ каждою передѣлкою Сенъ-Симонъ пополнялъ свою теорію и въ этой послѣдней передѣлкѣ она получила наконецъ тотъ видъ, въ которомъ послужила основаніемъ такъ называемаго сенъ-симонизма, развитаго, какъ мы замѣтили, не самимъ родоначальникомъ школы, а ужь его учениками.

Коренною идеею Сенъ-Симона въ послѣднемъ видѣ его теоріи служитъ любовь. При нынѣшнемъ положеніи общества обязанность любить ближняго какъ брата должна состоять въ заботѣ о наискорѣйшемъ возможномъ улучшеніи матеріальной и нравственной жизни многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса. Въ этомъ и состояла цѣль папской власти, пока папы оставались вѣрны своему назначенію: тогда они и господствовали надъ міромъ. Но въ самомъ основномъ принципѣ папства былъ уже важный недостатокъ, портившій все дѣло. Католичество учило, что власть папы ограничивается только религіозною, умственною, нравственною жизнью человѣка, а мірскія, матеріальныя дѣла подлежатъ вѣдомству свѣтской власти. Изъ этого возникъ дуализмъ папы и императора, характеризующій Средніе вѣка. Лишенное заботы о матеріальныхъ интересахъ людей, католичество тратило свои силы въ безплодныхъ отвлеченныхъ изслѣдованіяхъ, неприносившихъ никакой матеріальной пользы людямъ. Въ своемъ безсиліи надъ матеріальною жизнью, папство дошло до того, что обратило въ принципъ, въ нравственную обязанность свое пренебреженіе къ этой сторонѣ жизни, отнятой изъ подъ его вѣдомства свѣтскою властью, стало говорить, что человѣкъ долженъ презирать свое тѣло. Единственнымъ утѣшеніемъ для многочисленнѣйшаго класса, страдающаго отъ матеріальныхъ нуждъ, папство выставило фразу: „терпѣніе

есть добродѣтель, физическое страданіе ведетъ къ духовному наслажденію"; оно обольщало людей фантасмагоріею, потому что не въ силахъ было оказать имъ дѣйствительной помощи. Этого утѣшенія, по мнѣнію Сенъ-Симона, могло быть достаточно для тѣхъ временъ, когда свѣтская власть обнаруживалась только войною и завоеваніями. Но пришло другое время, когда она стала развиваться путемъ промышленности: тогда католичество было потрясено до самыхъ основаній, потому что для промышленности нужна была новая наука, а католичество не давало ея, и господство надъ умами перешло въ руки мірянъ. Кеплеръ, Гуттенбергъ, Медичи, родоначальники и покровители новой науки, новыхъ искусствъ, были міряне; математика, физика, физіологія, астрономія развивались трудами мірянъ и свѣтское общество получило господство надъ человѣческими понятіями; тогда католичество должно было пасть, явился Лютеръ и прежняя власть папы надъ умами исчезла. Папа утратилъ свое значеніе, когда свѣтское общество повело людей по пути улучшенія участи многочисленнѣйшаго класса. Но и Лютеръ въ свою очередь не возстановилъ истиннаго значенія духовной власти, потому что подчинилъ ее свѣтской власти. Притомъ же онъ изгналъ изъ протестантства артистическій элементъ, соотвѣтствующій одной изъ трехъ главныхъ способностей человѣка — чувству. Протестантство разрушило папскую власть, но само оказалось неудовлетворительнымъ, и общество нуждается теперь въ духовной власти, которая обнимала бы всѣ потребности человѣка и вела бы людей къ цѣли христіанства, къ улучшенію судьбы многочисленнѣйшаго класса, дѣйствуя на чувство черезъ артистовъ, на умъ черезъ ученыхъ, на матеріальныя дѣла черезъ промышленныхъ людей; эта власть должна создать систему, по которой устремляла бы она

всѣхъ людей къ одной общей цѣли посредствомъ силы своего тонкаго чувства, глубокой науки и неутомимой дѣятельности. Сенъ-Симонъ думалъ, что нашелъ теорію этой власти и призванъ создать ее.

Намъ нѣтъ нужды объяснять передъ читателями, что вся его теорія возникаетъ изъ ошибочныхъ представленій о роли, будто бы принадлежавшей католичеству, и о возможности держать умъ развитыхъ людей подъ опекою авторитета. Сенъ-Симонъ называлъ свою теорію новымъ религіознымъ ученіемъ и дѣйствительно отвергалъ католическіе догматы; но догматическая разница не мѣшала его системѣ принадлежать къ тому же самому разряду нравственныхъ явленій, къ какому относилось католичество. Проникнутый его духомъ, Сенъ-Симонъ не замѣчалъ, что притязанія католичества на власть надъ умами всегда были неудачны, даже въ средніе вѣка: люди назывались католиками, исполняли католическіе обряды, потому что ихъ заставляли дѣлать это, или по машинальной привычкѣ; но въ сущности каждый руководился или житейскими или ученными понятіями совершенно иного рода: люди и въ средніе вѣка хлопотали о богатствѣ, о почестяхъ или бились изъ-за куска хлѣба; они ненавидѣли другъ друга въ случаѣ столкновенія выгодъ, они безпрестанно сражались между собою, хотя и носили одинаковое имя католиковъ; каждый изъ нихъ всегда радъ былъ ослушаться папскаго приказанія, противорѣчащаго его выгодамъ, если только имѣлъ хотя какую нибудь возможность ослушаться. Сами прелаты помогали папѣ только потому, что находили въ томъ свою выгоду; всѣ умные люди между ними смѣялись въ душѣ, а часто и открыто смѣялись надъ католичествомъ, сановниками котораго были только по житейскому разсчету. Сенъ-Симонъ хотѣлъ возстановлять то, чего никогда не было, съ наивнымъ

энтузіазмомъ повѣривъ пустому самохвальству папизма. А еслибъ и существовала когда нибудь въ средніе вѣка та власть надъ умами, въ существованіе которой онъ вѣрилъ, то въ наши времена существовать ей невозможно; впрочемъ напрасно мы сказали „въ наши времена“: существовать ей невозможно ни въ какія, ни даже въ самыя невѣжественныя времена. Авторитетъ существуетъ въ рутинѣ, т. е. въ дѣлахъ, въ которыхъ не участвуетъ разсудокъ; разсудокъ знаетъ факты, убѣждается доказательствами, но ничего не принимаетъ по авторитету. Въ человѣческихъ дѣйствіяхъ часто можетъ не бывать смысла, но если они совершаются съ участіемъ смысла, они бываютъ результатомъ собственнаго самостоятельнаго соображенія обстоятельствъ и доказательствъ, а не внушеніемъ авторитетовъ. Думать иначе, вѣрить въ возможность авторитета, которому свободно подчинялся бы развитый разумъ, могъ только энтузіастъ, экзальтированный фальшивыми разсказами о прежней благотворительности папизма. Кому угодно, тотъ можетъ хохотать надъ такою наивностью; но серьёзный человѣкъ не станетъ обращать большаго вниманія на ошибочныя гипотезы, посредствомъ которыхъ Сенъ-Симонъ развивалъ свою основную идею, не станетъ много заниматься разоблаченіемъ фантастичности тѣхъ средствъ, какими онъ думалъ осуществить ее: всѣ эти слабыя стороны очевидны каждому, не доведенному экзальтаціею до мономаніи. Нѣтъ, серьёзный человѣкъ скорѣе посовѣтуетъ обратить вниманіе на основную идею, которая лежитъ подъ всѣми этими заблужденіями, выкупаетъ всѣ ошибки и странности теоріи Сенъ-Симона. Эта идея проста и чиста: „для успокоенія общества необходимо наискорѣйшее возможное улучшеніе матеріальной и нравственной жизни многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса. Обязанность каждаго хоро-

шаго гражданина, каждаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы посвятить всѣ свои силы этому дѣлу."

Сенъ-Симонъ умеръ за пять лѣтъ до іюльскихъ событій, не доживъ до такого времени, когда сильное возбужденіе общественныхъ мыслей могло бы расположить общество къ оцѣнкѣ попытокъ коренной общественной реформы и когда простолюдины, начавъ предъявлять свои требованія, заставили бы образованное общество обратить вниманіе на способы улучшить ихъ судьбу. Самоотверженный труженикъ умеръ почти не замѣченный обществомъ, имѣя только немногихъ учениковъ; но онъ умеръ исполненный вѣры въ успѣхъ своего ученія. „Жатва созрѣла, вы соберете ее," было его послѣднее слово окружавшимъ его постель пламеннымъ послѣдователямъ. Энтузіасты прогресса ошибаются въ одномъ: въ томъ, что цѣль ихъ будетъ достигнута ихъ путемъ; но они правы, не сомнѣваясь въ томъ, что она будетъ достигнута. Такъ не исполнилась и надежда Сенъ-Симона на то, что обновленіе общества будетъ произведено его ученіемъ; но мы видимъ, что съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе влечется общество къ исполненію задачи, служенію которой онъ посвятилъ себя.

Но если уцѣлѣла только основная идея и исчезла форма его стремленій, то и самая форма исчезла не безъ слѣда, не безъ замѣтнаго вліянія на развитіе европейскаго общества. У него самого ученіе оставалось еще отвлеченною теоріею, не принимало практическаго характера; это внесли въ его теорію ученики, принявшіеся за осуществленіе своего восторженнаго стремленія съ такимъ блескомъ, что изумленное общество стало вслушиваться въ ихъ рѣчи, присматриваться къ ихъ дѣламъ и, удивляясь имъ или смѣясь надъ ними, превознося или порицая ихъ, все равно, не могло не запомнить кореннаго смысла ихъ словъ

и дѣлъ, освоилось черезъ нихъ съ идеею объ улучшеніи общественныхъ учрежденій сообразно съ потребностями простолюдиновъ, начало понимать, что эта задача имѣетъ въ себѣ настоятельность, неотступность, и стало нѣсколько яснѣе прежняго понимать, изъ-за чего же волнуются ліонскіе ткачи и жители Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Далеко время, когда исполнится то, что нужно для благосостоянія простолюдиновъ; понять еще не значитъ сдѣлать: можно понимать и не хотѣть сдѣлать; а кто не можетъ захотѣть, тотъ не способенъ и порядочно понять. Таково нынѣшнее положеніе дѣла, первая громкая рѣчь о которомъ принадлежала ученикамъ Сенъ-Симона: іудеямъ кажется оно соблазномъ, а эллинамъ безумствомъ. Очень немногіе люди изъ образованныхъ сословій сочувствуютъ ему на столько, чтобы въ самомъ дѣлѣ, а не на словахъ только хотѣть его исполненія; всѣ остальные порицаютъ его, не понимая, потому что не желаютъ понять. Много еще времени нужно ему идти до успѣха. Но все таки уже довольно много приблизилось оно къ успѣху и тѣмъ самымъ, что сдѣлалось предметомъ, всѣхъ занимающимъ, каждому извѣстнымъ, стало на очереди уже въ числѣ важнѣйшихъ заботъ общества.

Въ числѣ людей близкихъ къ Сенъ-Симону находились такіе, имена которыхъ знамениты въ наукѣ. Секретаремъ Сенъ-Симона былъ Огюстенъ Тьерри, ученикомъ Огюстъ Контъ, основатель положительной философіи, единственной философской системы у французовъ, вѣрной научному духу, одинъ изъ геніальнѣйшихъ людей нашего времени. Но не они остались намѣстниками учителя въ осиротѣвшемъ кругу друзей. Главою школы признанъ былъ Олиндъ Родригесъ, который скоро добровольно отрекся отъ этого титула, сказавъ, что Анфантенъ и Базаръ достойнѣе его занимать вмѣстѣ первое мѣсто,—тотъ, кто знаетъ силу

тщеславія надъ человѣкомъ, обыкновенное упорство самолюбія, изъ этого одного случая можетъ видѣть, какой высоты достигалъ энтузіазмъ у главныхъ послѣдователей Сенъ-Симона: самому сказать „есть люди умнѣе меня, вотъ они, я уступаю имъ мѣсто,“ —это такой фактъ, на который гораздо рѣже у людей достаетъ нравственной силы, чѣмъ на пожертвованіе жизнью. Теорія Сенъ-Симона принимала средствомъ къ своему осуществленію авторитетъ, подчиненіе руководству старшинъ. Школа, оставшись вѣрна этому началу, предоставила разработку своего ученія признаннымъ его главамъ Анфантену и Базару, которые во всемъ совѣтовались съ Олиндомъ Родригесомъ, считавшимся за человѣка наиболѣе посвященнаго во всѣ мысли покойнаго учителя; ихъ изслѣдованія и размышленія придали ученію школы такое развитіе:

Принимая раздѣленіе людей на артистовъ, ученыхъ и промышленныхъ людей, по преобладанію въ нихъ чувства, разсудка или дѣятельной силы, сенъ-симонисты занялись точнѣйшимъ изысканіемъ того, что говоритъ исторія о ходѣ развитія этихъ трехъ сторонъ нравственной жизни.

Они находили, что въ развитіи чувства человѣчество идетъ отъ ненависти къ любви, отъ противоборства къ товариществу. Исторія показываетъ, что побѣжденные сначала были истребляемы побѣдителями; потомъ побѣдитель сталъ довольствоваться обращеніемъ побѣжденнаго въ рабство; рабство замѣнилось крѣпостнымъ состояніемъ (servage); крѣпостные люди были напослѣдокъ сдѣланы свободными,—вотъ одна черта постепеннаго ослабленія свирѣпой ненависти, перехода отъ вражды и угнетенія къ хорошимъ чувствамъ. Другая черта этого развитія, постепенное исчезновеніе самыхъ источниковъ вражды, постепенная замѣна ея товариществомъ, союзомъ, видна въ

образованіи государствъ. Сначала живутъ дикари, разрозненными семействами, родами, которые всѣ воюютъ между собою. Эти семейства и роды мирятся, основываютъ города, изъ которыхъ каждый составляется союзомъ многихъ семействъ и родовъ; города, сначала враждебные между собою, сливаются въ государство, союзъ, который обнимаетъ всѣхъ ихъ; напослѣдокъ государства сливаются въ федерацію. Исторія свидѣтельствуетъ, говорили сенъ-симонисты, что человѣческій родъ идетъ къ всеобщему товариществу, основанному на любви.

Въ этомъ отдѣлѣ теоріи мы уже видимъ переходъ отъ фантастической идеализаціи къ понятіямъ болѣе сообразнымъ съ наукою. Но галлюцинація сохранила свою силу въ понятіи сенъ-симонистовъ о развитіи науки и о томъ, какой элементъ жизни былъ ея представителемъ въ давней исторіи. Они говорили, что развитіе цивилизаціи постепенно уменьшаетъ преобладаніе физическаго насилія, замѣняя его владычествомъ ума; но, подобно своему учителю, они воображали католичество представителемъ и руководителемъ умственнаго явленія въ средніе вѣка. „Какимъ величественнымъ зрѣлищемъ было католичество, организованное независимо отъ свѣтской власти, говорили сенъ-симонисты: духовная власть внушала повиновеніе себѣ умственнымъ убѣжденіемъ и собственными заслугами, между тѣмъ, какъ свѣтская налагала свое владычество завоеваніемъ и наслѣдственностью. Папа свободно избирался изъ простыхъ монаховъ и до самаго Льва X, который окружилъ себя дворомъ, какъ свѣтскій государь, духовная власть затмѣвала свѣтскую и господствовала надъ ней. Поучителенъ этотъ примѣръ: монахъ, выходя изъ своей кельи на папскій престолъ, заставляетъ самыхъ гордыхъ наслѣдственныхъ владѣтелей цаловать свою туфлю. Исторія папства въ средніе вѣка показываетъ, что чело-

вѣчество идетъ въ такой организаціи, въ которой каждому будутъ давать по его способностямъ, а способность будутъ цѣнить по дѣламъ ея". Рискуя утомить читателя повтореніемъ, мы снова скажемъ, что папство никогда не играло такой роли. Папа, какъ папа, никогда не господствовалъ надъ свѣтскими государями. Обыкновеннымъ примѣромъ преобладанія духовной власти приводятъ борьбу Гогенштауфеновъ съ римскими первосвященниками, особенно борьбу Генриха IV съ Григоріемъ VII. Но тутъ дѣйствовали побужденія совершенно иного рода, чѣмъ послушность повелѣніямъ духовной власти: Гогенштауфены имѣли противъ себя въ Германіи нѣсколько могущественныхъ герцогскихъ династій, которыя воевали противъ нихъ по обыкновеннымъ житейскимъ побужденіямъ; итальянцы вели противъ нѣмецкихъ завоевателей національную борьбу; у папы были союзники, находившіе житейскую выгоду поддерживать его; когда папа съ своими союзниками дѣлался врагомъ императора, другіе враги, конечно, ободрялись, какъ ободряется всякая держава, видя, что государство, воюющее съ ней, подвергается нападенію новыхъ враговъ. О благочестіи, о повиновеніи духовной власти тутъ такъ же напрасно говорить, какъ напрасно считать доброжелателями лютеранскаго исповѣданія тѣхъ французскихъ государей, которые воевали съ Австріею и поддерживали нѣмецкихъ протестантовъ въ то самое время, когда жгли на кострахъ французскихъ протестантовъ. Религіозныя фразы въ борьбѣ противъ Гогенштауфеновъ служили только благовиднымъ прикрытіемъ для династическихъ разсчетовъ нѣмецкимъ герцогамъ, для національныхъ и муниципальныхъ стремленій итальянскимъ городамъ. Когда папа не прятался подъ защиту этихъ житейскихъ интересовъ, его буллы и проклятія оказывались совершенно безсильны; такъ было въ спорахъ папъ

съ французскими королями, не грозившими порабощеніемъ итальянцамъ и умѣвшими поладить съ своими вассалами: папа проклинаетъ короля, французы не обращаютъ на это никакого вниманія; король посылаетъ въ Римъ небольшой отрядъ войска, солдаты преспокойно арестуютъ папу и предводитель ихъ даетъ папѣ пощечину въ наказаніе за буйство. Но неудачный выборъ примѣра не мѣшаетъ справедливости мысли, которую напрасно подтверждали сенъ-симонисты исторіею папства, а не анализомъ общаго вліянія, оказываемаго развитіемъ просвѣщенія на общественные нравы: исторія дѣйствительно говоритъ, что развитіе ума ведетъ къ лучшей оцѣнкѣ личныхъ заслугъ, къ замѣненію насилія убѣжденіемъ.

Въ промышленности законъ прогресса такъ же очевиденъ, продолжали сенъ-симонисты. Промышленныя привычки постоянно усиливаются, а воинственныя привычки ослабляются. Самыя войны, которыя прежде велись для грабежа областей, стали потомъ вестись для распространенія торговли съ этими областями. Римскія завоеванія имѣли не тотъ характеръ, какой имѣютъ англійскія. Итакъ человѣчество идетъ къ организаціи промышленности.

Изъ этихъ историческихъ изслѣдованій выводились три формулы, въ которыхъ, какъ и въ самыхъ изслѣдованіяхъ, основная мысль не всегда находитъ удачную форму для своего выраженія; вотъ эти выводы:

Человѣчество идетъ къ учрежденію всеобщей ассоціаціи, основанной на любви. Оно идетъ къ тому, чтобы каждый получалъ по своей способности, а каждая способность по своимъ дѣламъ. Оно идетъ къ организаціи промышленности.

Человѣчество дѣйствительно идетъ къ замѣненію вражды, принимающей въ промышленныхъ дѣлахъ

форму конкуренціи, товариществомъ, союзомъ. Но совершенно напрасно ожидать, что основаніемъ этого союза можетъ служить любовь: любовь бываетъ только результатомъ возникающимъ изъ согласія интересовъ, а основаніемъ хорошихъ отношеній служитъ разсчетъ, выгода. Любовь только въ рѣдкія минуты и только въ немногихъ, особенно способныхъ къ экзальтаціи, людяхъ беретъ верхъ надъ разсчетомъ; да и то можетъ побѣждать его только въ одномъ, въ двухъ отдѣльныхъ фактахъ, а общій характеръ дѣйствій все таки остается подъ властью разсчета, только сдѣланнаго не лично нами, а цѣлымъ обществомъ и сдѣланнаго не въ эту минуту, а давнымъ давно и усвоившагося намъ по воспитанію. Изъ-за любви иные люди могутъ утопиться, — рѣшимость очень сильная, но обнимающая собою очень недолгое время. Но чтобы любовь измѣняла характеръ человѣка и его дѣйствій на цѣлую жизнь, этого никогда не бывало: тѣ случаи, въ которыхъ молодой человѣкъ, полюбивъ достойную женщину, отставалъ отъ дурнаго общества или отъ прежнихъ пороковъ, показываютъ только, что встрѣча въ молодыхъ лѣтахъ съ благороднымъ человѣкомъ оказываетъ хорошее вліяніе на человѣка, который имѣетъ доброе сердце и предавался порокамъ не по внутреннему влеченію къ нимъ, а только отъ неумѣнья управлять собою и по недостатку хорошихъ людей между своими прежними знакомыми. Точно такое вліяніе имѣетъ въ подобныхъ случаяхъ и простое сближеніе молодаго человѣка съ хорошимъ пріятелемъ или руководителемъ, не имѣющее никакого оттѣнка сантиментальности или экзальтаціи. Но сенъ-симонисты, будучи энтузіастами подобно своему учителю, ошибочно думали, что энтузіазмъ можетъ имѣть надъ всѣми людьми постоянно такую же власть, какую имѣлъ тогда надъ ними: они не предчувствовали, что даже и въ нихъ, сошедшихся

въ ученики Сенъ-Симона по особенной наклонности къ энтузіазму, эта горячка экзальтаціи скоро пройдетъ и они обратятся въ обыкновенныхъ людей, дѣйствующихъ по обыкновеннымъ житейскимъ побужденіямъ, станутъ изъ сенъ-симонистовъ купцами и банкирами, какъ Перейра, водевилистами, какъ Дюверье, фабрикантами и администраторами промышленныхъ предпріятій, какъ Казо и самъ Анфантенъ, профессорами и учеными, какъ Мишель Шевалье, Жанъ Рено, Пьерръ Леру.

Въ своемъ энтузіазмѣ они не замѣчали, что вторая формула выражена у нихъ самымъ одностороннимъ образомъ, такъ что, вмѣсто водворенія всеобщаго благосостоянія, она своимъ осуществленіемъ только упрочивала бы нынѣшнія страданія огромнаго большинства людей. Право человѣка пользоваться житейскими удобствами они основывали только на его способностяхъ, забывая, что человѣкъ имѣетъ уже извѣстныя права просто какъ человѣкъ, независимо отъ того, уменъ онъ или глупъ; — на обширности результатовъ его дѣятельности, забывая о томъ, что у человѣка съ крѣпкими и съ слабыми мускулами желудокъ одинаково требуетъ пищи. „Каждому по его способности“: если — такъ, Ньютонъ долженъ получить сотни милліоновъ, — на что ему они? ему довольно простаго благосостоянія; для него и для другихъ людей было бы не выгодно, если бы его обратить въ Ротшильда, да онъ и не съумѣлъ бы справиться съ ротшильдовскими дѣлами; но учитель ариѳметики въ приходской школѣ, человѣкъ бѣдныхъ дарованій, едва самъ выучившійся тройному правилу, долженъ быть нищимъ, потому что онъ человѣкъ очень ограниченнаго ума. А что же будетъ съ большинствомъ людей всякаго сословія, въ которыхъ не обнаруживается способности ни къ чему, кромѣ механическаго исполненія рутины, у которыхъ совершенно нѣтъ ни-

какихъ умственныхъ правъ? Но мало того, что каждому дается по его способности, — сама способность измѣряется дѣлами: что же тогда будетъ съ людьми пораженными параличемъ, или другими хроническими болѣзнями, или увѣчными? — они не имѣютъ никакого права на самое сохраненіе жизни.

Если общество располагаетъ такими средствами, что за достаточнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ законныхъ потребностей каждаго человѣка остается у него излишекъ, пусть оно распредѣляетъ этотъ излишекъ на какомъ ему угодно основаніи: раздаетъ ли его по способностямъ, или по результатамъ дѣятельности, или, можетъ быть, по другимъ разсчетамъ, болѣе выгоднымъ для общественнаго благосостоянія; но прежде всего каждый человѣкъ имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ человѣческихъ потребностей; общество только потому и существуетъ, что предполагается надобность его для обезпеченія каждому изъ его членовъ полнѣйшаго удовлетворенія человѣческихъ нуждъ.

Двѣ первыя формулы сенъ-симонизма оказываются неудовлетворительными. Да и третья формула удовлетворительна только въ своемъ общемъ выраженіи, какое мы видѣли, а не въ томъ болѣе опредѣленномъ смыслѣ, какимъ сенъ-симонисты думали осуществить ее. „Организація промышленности.“ Это такъ, это возможно и нужно, это неизбѣжно. Но какимъ способомъ промышленность получитъ и будетъ сохранять свою организацію? Сенъ-симонисты извлекали этотъ способъ изъ своей фальшивой идеализаціи католицизма. Они хотѣли дѣйствовать авторитетомъ, какъ господствовалъ будто бы католицизмъ и господствовалъ будто бы съ пользою для людей. Они придумывали правила и хотѣли, чтобы люди исполняли эти правила не по разсчетливому убѣжденію въ ихъ основательности, а по уваженію и по предан-

ности къ людямъ, провозглашающимъ эти правила, повелѣвающимъ хранить ихъ. Мало того : люди облеченные авторитетомъ сами должны были стоять выше всякихъ правилъ, ихъ воля должна была служить верховнымъ и безусловнымъ правиломъ для другихъ, какъ воля папы будто бы служила верховнымъ закономъ для католиковъ въ средніе вѣка. Мы не станемъ дѣлать уже ни какихъ замѣчаній о дикости этой фантазіи : нелѣпость тутъ очевидна.

Но каковы бы ни были недостатки способовъ, которыми сенъ-симонисты предполагали вести человѣчество къ благоденствію, высокость основнаго стремленія ихъ школы выкупала все, и потому къ ученикамъ Сенъ-Симона присоединялось довольно много даровитѣйшихъ людей изъ молодаго поколѣнія. Замѣчательно то, что всѣ они были люди самаго серьезнаго образованія, главнымъ образомъ воспитанники Политехнической Школы, математики, инженеры, натуралисты. Конечно, это надобно объяснять тѣмъ, что, несмотря на второстепенныя нелѣпости развитія, коренная мысль, забота объ улучшеніи быта простолюдиновъ, имѣла справедливость и настоятельность, такъ что чѣмъ развитѣе былъ умъ человѣка, тѣмъ болѣе готовъ онъ былъ предпочесть сенъ-симонизмъ всѣмъ другимъ тогдашнимъ ученіямъ, упускавшимъ изъ виду самую основную черту общественнаго положенія. До іюльской революціи пропаганда шла тихо, но пробужденная послѣ іюльскихъ событій энергія общественной мысли дала сильный успѣхъ ученикамъ Сенъ-Симона. Школа считала уже нѣсколько десятковъ членовъ и могла приступить къ изданію газеты. Нужна была значительная сумма, чтобы основать газету : Фурнель и его жена пожертвовали на это свое состояніе. Газета эта, le Globe, была предпріятіемъ совершенно безкорыстнымъ и нумера ея раздавались даромъ. Но еще сильнѣе газеты возбуждали

вниманіе Парижа публичныя засѣданія или лекціи школы въ улицѣ Тебу. Огромная зала была устроена въ видѣ театра съ тремя рядами ложъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ въ театрѣ бываетъ оркестръ, стояли въ три ряда лавки для послѣдователей школы; партеръ и ложи предназначались для любопытныхъ. Каждое воскресенье являлись въ засѣданіе ученики Сенъ-Симона, молодые и серьезные; въ числѣ ихъ было нѣсколько дамъ. Они надѣвали при этихъ случаяхъ свой оффиціальный костюмъ: у мужчинъ онъ былъ голубаго цвѣта, у дамъ бѣлаго съ фіолетовыми шарфами. Когда члены заняли свои мѣста, главы школы, Анфантенъ и Базаръ, вводили въ залу оратора, который долженъ былъ читать лекцію на этотъ разъ. При появленіи „верховныхъ отцовъ“ (Pères suprêmes), какъ назывались Анфантенъ и Базаръ, ученики вставали; между многочисленными зрителями водворялось глубокое молчаніе и ораторъ начиналъ изложеніе теоріи. Многіе изъ зрителей слушали его сначала съ насмѣшливымъ выраженіемъ лица, но пламенная рѣчь, полная любви къ людямъ постепенно увлекала все собраніе и сами скептики выходили изъ залы глубоко тронутые, серьезно размышляя объ удивительномъ явленіи.

Сама школа вся была предана своему дѣлу; устроился въ ней общій столъ, какъ первая попытка братской жизни. Младшіе члены называли старшихъ отцами, мужчины называли женщинъ матерями, сестрами или дочерьми. Школа посылала своихъ ораторовъ и въ провинціальные города для распространенія теоріи. Сначала провинціалы принимали ихъ, какъ и парижане, съ насмѣшкой, но результатомъ лекцій и въ провинціяхъ бывало сильное впечатлѣніе.

Пріобрѣтая внѣшній успѣхъ, теорія продолжала развиваться внутри самой школы; но съ развитіемъ дошла, наконецъ, до такихъ вопросовъ, по которымъ

обнаружилось разногласіе между главными членами школы. Цѣлью теоріи было доставить трудящимся преобладаніе надъ праздными; формулою своею она избрала соразмѣрность между способностями человѣка и матеріальными средствами, какія предоставляются ему въ распоряженіе обществомъ. При такихъ воззрѣніяхъ сенъ-симонисты необходимо должны были дойти до понятія о томъ, что нынѣшнее распредѣленіе собственности неудовлетворительно и что должны измѣниться правила, по которымъ она переходитъ отъ однихъ людей къ другимъ. Они думали, что государство, обратившись въ сенъ-симонистскую ассоціацію, должно постепенно выкупить у частныхъ лицъ недвижимую собственность, поземельную и всякую другую; они предполагали, что это дѣло должно совершаться медленно, почти незамѣтно и безъ всякаго нарушенія чьихъ бы то ни было денежныхъ интересовъ. Такимъ образомъ имущество частныхъ лицъ, по ихъ теоріи, должно было состоять только въ доходахъ съ капитала, а самый капиталъ долженъ былъ вѣчно оставаться собственностью общества. Имѣя въ своихъ рукахъ всю національную недвижимую собственность, государство должно было имѣть очень большую массу доходовъ за надѣломъ своихъ трудящихся членовъ по размѣру ихъ труда. На этотъ остатокъ оно производило бы тѣ улучшенія и содержало бы тѣ нужныя для общаго блага учрежденія, которыя по своей огромности не могутъ быть устроиваемы и поддерживаемы частными средствами. Одною изъ его заботъ было бы обезпеченіе хорошаго воспитанія всѣмъ безъ исключенія дѣтямъ своихъ гражданъ. А если каждый видитъ судьбу своихъ дѣтей обезпеченною, то исчезаетъ разсудительная надобность оставлять имъ наслѣдство, которое тогда послужило бы только во вредъ имъ, давая имъ средство жить въ праздности, то есть подвергаться нрав-

ственной порчѣ, быть въ тягость самимъ себѣ и обществу,—участь всѣхъ праздныхъ людей. Въ такомъ рѣшеніи этихъ вопросовъ всѣ были согласны; но съ наслѣдствомъ тѣсно связано самое существованіе семьи въ нынѣшнемъ ея видѣ, и вотъ возникъ въ школѣ вопросъ о бракѣ. Главная связь между родителями и дѣтьми—наслѣдство; если родители не передаютъ дѣтямъ наслѣдства, если воспитаніе и судьба дѣтей обезпечены и помимо родительской заботы, тогда, конечно, ослабляется важнѣйшее изъ соображеній, на которыхъ основываютъ теперь надобность въ прочности брачнаго союза. До какой степени должны остаться неприкосновенными супружескія отношенія—въ этомъ никакъ не могли сойтись два главныя лица сенъ-симонизма, Базаръ и Анфантенъ. Восторженность доходила у всѣхъ сенъ-симонистовъ до галлюцинаціи, но все таки была между ними разница по степени восторженности, и нѣкоторые могли назваться людьми разсудительными, по сравненію съ другими, хотя и сами были очень горячіе энтузіасты. Изъ двухъ „верховныхъ отцевъ“ Базаръ былъ разсудительнѣе Анфантена; онъ былъ очень счастливъ въ своей супружеской жизни, имѣлъ взрослыхъ дочерей, которыхъ нѣжно любилъ; онъ никакъ не могъ переварить мысли, что такія семейныя отношенія, которыми были счастливы и онъ, и его жена, и дѣти, несовмѣстны съ теоріей. Во Франціи католики не признаютъ полнаго развода; Базаръ не понималъ серьезности брака при существованіи развода. Но Анфантенъ не ограничивался защитою развода: онъ находилъ, что вліяніе правителей сенъ-симонистскаго общества должно простираться и на супружескія отношенія. Эта мысль Анфантена служитъ обыкновенною характеристикою сенъ-симонистскаго ученія; многіе только то и слышали о немъ, будто бы оно хотѣло, чтобы правители могли имѣть связи со всѣми

женщинами, съ какими имъ вздумается. Но Анфантенъ хотѣлъ вовсе не того: его мысль была только идеализаціею тѣхъ будто бы благотворныхъ и чистыхъ отношеній, разсказамъ о которыхъ онъ по своей фантастичности вѣрилъ и которыя будто бы существовали между дамами и рыцарями въ средніе вѣка и будто бы существуютъ между набожными католичками и ихъ нравственными совѣтниками іезуитскаго ордена. Извѣстно, что іезуиты съ своими собратіями необыкновенно любятъ вмѣшиваться въ семейныя дѣла; Анфантенъ хотѣлъ, чтобы то же дѣлали сенъ-симонистскіе правители, только дѣлали съ чистымъ безкорыстіемъ, между тѣмъ какъ іезуиты хлопочутъ для выманиванія денегъ. Сенъ-симонисты думали, что надобно дать женщинѣ всѣ тѣ права, какими пользуется мужчина, открыть ей доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ, наравнѣ съ мужчинами. Анфантенъ выводилъ изъ этого, что кромѣ правителей должны быть и правительницы; отношеніе этихъ правительницъ къ семейной жизни подчиненныхъ имъ людей онъ представлялъ себѣ въ родѣ того вліянія, какимъ по преданію пользовались дамы надъ своими рыцарями въ средніе вѣка. Онъ вѣрилъ дѣйствительности того, чѣмъ восхищаемся мы въ романсѣ Пушкина о блѣдномъ, застѣнчивомъ и скромномъ рыцарѣ, который, разъ увидѣвъ какое-то таинственное существо, земную женщину или нѣчто высшее, трудно и рѣшить, написалъ ея девизъ на своемъ щитѣ и рубился въ ея славу съ сарацинами, одушевляя себя произнесеніемъ ея имени въ минуты опасностей, и ни разу больше не видѣлъ ея во всю свою жизнь, и во всю свою жизнь не взглянулъ уже ни на одну женщину:

Онъ имѣлъ одно виденье,
Непостижимое уму,
И глубоко сновиденье
Въ душу врѣзалось ему.

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не глядѣлъ;
Молвить слова ни съ одною
Онъ до гроба не хотѣлъ.
Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ пламенной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Написалъ онъ на щитѣ, и т. д.

У Базара еще оставалось настолько разсудительности, что онъ понималъ невозможность подобныхъ отношеній, которыя переходятъ въ матеріальную связь, какъ скоро перестаютъ быть пустыми, праздными словами. Анфантенъ вѣрилъ, что все будетъ такъ, какъ представляется его разгоряченному воображенію, обманутому сказочными преданіями. Споры были безконечны, исполнены увлеченій и потрясеній, которыя сами по себѣ уже свидѣтельствовали объ экзальтаціи близкой къ бреду. Изъ нѣсколькихъ десятковъ полныхъ приверженцевъ сенъ-симонизма, составлявшихъ такъ называемое „семейство“ (famille), нѣсколько человѣкъ главныхъ образовали такъ называемую коллегію, верховный совѣтъ, гдѣ предварительно разбирались вопросы, рѣшеніе которыхъ объявлялось потомъ всему „семейству.“ Когда поднялись между Базаромъ и Анфантеномъ разнорѣчія о неразрывности брака, о томъ, въ какихъ отношеніяхъ къ обществу и правителямъ будутъ правительницы и нужны ли онѣ, о вмѣшательствѣ правителей и правительницъ въ супружескія отношенія, бурныя засѣданія коллегіи стали продолжаться по цѣлымъ днямъ и ночамъ, такъ что члены коллегіи часто падали въ обморокъ среди пылкихъ споровъ. Однажды Олиндъ Родригесъ упалъ бездыханенъ, какъ будто пораженный апоплексіей, когда Рено отвѣчалъ ему „не думаю“ на вопросъ, думаетъ ли Рено, что онъ говоритъ по вдохновенію. Онъ оправился, но его жизнь была въ опасности, такъ что Рено по совѣту доктора долженъ былъ успокоить его словами, что вѣритъ ему. Въ дру-

гой разъ Базаръ, чувствуя, что Анфантенъ уничтожаетъ всѣ его возраженія своею діалектикою, упалъ замертво послѣ спора, продолжавшагося цѣлую ночь. Нравственное потрясеніе было такъ сильно, что здоровье Базара уже не возстановлялось: черезъ нѣсколько времени онъ умеръ, какъ хилой старикъ.

Большинство членовъ сенъ-симонистскаго „семейства“ долго не знало ничего положительнаго объ этомъ приближавшемся разрывѣ; наконецъ онъ сталъ необходимъ, и 19 ноября 1831 года было созвано общее собраніе „семейства.“ Анфантенъ, изложивъ причины разнорѣчія между нимъ и Базаромъ, объявилъ однако же, что не считаетъ своего мнѣнія окончательнымъ закономъ сенъ-симонистской теоріи, потому что, по самому предмету спорныхъ вопросовъ, нельзя рѣшить ихъ одному мужчинѣ безъ участія женщины; а сенъ-симонизмъ, имѣя въ немъ верховнаго отца (онъ уже получилъ первенство надъ Базаромъ), еще не имѣетъ верховной матери; когда явится она, она откроетъ искомый законъ; до той поры теорія нравственныхъ отношеній, развиваемая Анфантеномъ, еще не имѣетъ такой достовѣрности, чтобы можно было отступать отъ обыкновенныхъ нравственныхъ обычаевъ, опираясь на нее. „До той поры всякій поступокъ въ лонѣ ученія, который заслуживалъ бы порицанія по нравамъ и понятіямъ окружающаго насъ міра, былъ бы поступкомъ безнравственнымъ, потому что нанесъ бы вредъ всему ученію,— такъ заключилъ Анфантенъ свою рѣчь: — и лично я считалъ бы такой поступокъ величайшимъ свидѣтельствомъ нелюбви ко мнѣ, какое только можетъ быть со стороны моихъ дѣтей.“ Но разсудительнѣйшая часть школы находила это ручательство совершенно недостаточнымъ: „по моему мнѣнію позволительно и даже нужно дѣлать вотъ что, но я прошу васъ изъ уваженья ко мнѣ не дѣлать этого“—ожидать, что кто нибудь будетъ оста-

новленъ такою просьбою, значитъ совершенно забывать законы дѣйствительной жизни. Большинство главныхъ членовъ сенъ-симонистскаго общества ужасались послѣдствій эманципаціи, которой хотѣлъ Анфантенъ. Пьерръ Леру горячо перервалъ его и, протестуя отъ имени всей коллегіи противъ его мнѣнія, сказалъ, что удаляется изъ его общества. Абель Трансонъ горько упрекалъ Анфантена за то, что онъ раскрываетъ, какъ часто нарушается супружеская вѣрность въ нынѣшнемъ обществѣ, какъ мало вѣрныхъ,—не только мужей (вѣрныхъ мужей изъ милліона наберется развѣ только десять—это знаетъ каждый мужчина), но и вѣрныхъ женъ, какъ мало замужнихъ женщинъ, положеніе которыхъ не было бы очень тяжело. „Отецъ Анфантенъ думаетъ (вскричалъ Жанъ Репо), что женщина явится узаконить правила имъ возвѣщенныя, и потому онъ стоитъ, смѣло поднявъ голову; но я вѣрю, что женщина сотретъ главу его. Я боюсь вліянія отца Анфантена на людей, приведенныхъ нами къ нашему ученію; потому я не уйду отъ него, буду подлѣ него, чтобы показывать имъ, каковъ онъ.“ — „Ваше ученіе возводитъ прелюбодѣяніе въ законъ,“ сказалъ Анфантену Карно. — „Вы восхваляете развратъ,“ сказалъ Дюжье. Анфантенъ, въ своемъ фанатизмѣ никогда не терявшій спокойной и ласковой самоувѣренности, кротко выслушивалъ всѣ рѣзкія укоризны и только говорилъ, что радуется самостоятельности и откровенности, съ какою высказывается противное ему мнѣніе. Почти всѣ члены коллегіи были противъ него; но находилось довольно много и пламенныхъ защитниковъ, если не его мнѣнія, то его лица. Однимъ изъ нихъ былъ Мишель Шевалье, нынѣ сенаторъ французской имперіи: удивительно, что можетъ выйти со временемъ изъ восторженнаго юноши. „Объявляю вамъ, сказалъ Талабо, указывая на Анфантена, что этотъ человѣкъ руководитель человѣчества.“ — „Съ

печалью вижу я, воскликнулъ Барро, обращаясь къ Абелю Трансону, что ты, Трансонъ, знаменоносецъ нашего ученія, ты, рядомъ съ которымъ шелъ я, отдѣляешься отъ насъ. Нѣтъ, Трансонъ, ты не можешь покинуть насъ, потому что ты любишь простолюдиновъ, бѣдныхъ и страдающихъ." Анфантенъ, ни на минуту не терявшій гордой ясности духа, наконецъ распустилъ бурное собраніе, торжественнымъ голосомъ сказавъ: „происходящее теперь имѣетъ великую пользу для всѣхъ, но я желаю скорѣе кончить это. Мы снова соберемся въ понедѣльникъ. Очевиденъ тотъ фактъ, что есть изъ насъ люди, которые должны на время удалиться и успокоиться."

Школа собралась на новое засѣданіе; тутъ уже не было нѣкоторыхъ изъ числа значительнѣйшихъ членовъ. Анфантенъ съ нѣсколькими вѣрными послѣдователями спѣшилъ перейти отъ прежнихъ теоретическихъ разсужденій къ практическому осуществленію системы. Какъ только онъ остался полнымъ распорядителемъ по удаленіи Базара, онъ повелъ дѣло впередъ съ чрезвычайною быстротою. Подлѣ его президентскаго кресла въ этомъ засѣданіи уже стояло другое кресло, пустое: оно показывало, что для полной организаціи общества должна явиться подлѣ верховнаго отца верховная мать. Всталъ Олиндъ Родригесъ, управлявшій хозяйственною стороною школы. Съ восторженностью, обычною въ ней, онъ возвѣстилъ, что начинаетъ великое дѣло, передъ которымъ померкнутъ всѣ прежнія дѣла промышленности, торговли и кредита. „Ротшильдъ и Лафитъ не предпринимали ничего столь велпкаго, сказалъ онъ: ихъ время кончается, начинается мое." И онъ изложилъ планъ хозяйственной организаціи сенъ-симонистскаго общества; главными чертами ея онъ постановлялъ: 1) совершать, исключительно мирными средствами, улучшеніе нравственнаго, умственнаго и матеріаль-

наго быта многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса; 2) устроить воспитательные домы для дѣтей сенъ-симонистовъ; эти дѣти должны воспитываться всѣ одинаково, безъ различій по богатству и знатности; 3) основать промышленныя ассоціаціи для работниковъ, принявшихъ ученіе сенъ-симонизма; 4) давать на первое время денежныя пособія этимъ ассоціаціямъ; 5) распространять ученіе, чтобы замѣнить нынѣшнюю промышленную анархію работническою ассоціаціею. Анфантенъ уже всталъ, считая собраніе конченнымъ, когда Рено сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить; онъ былъ въ величайшемъ волненіи и вскричалъ: „ваши деньги, отецъ Анфантенъ, не могутъ имѣть нравственнаго вліянія, потому что вы разрушаете прежнюю нравственность, не имѣя новой.“ — „Развѣ не имѣли вы новой нравственности, когда провозглашали вмѣстѣ со мной ліонскому народу наступленіе новой эпохи?“ — вскричалъ, обращаясь къ нему, Лоранъ.— „Отецъ мой былъ пролетарій, воскликнулъ Анри Бо. Трудомъ своимъ онъ собралъ богатства. Когда слово Сенъ-Симона было услышано мной, я почувствовалъ, что долженъ отказаться отъ моей привилегіи и я сталъ пролетаріемъ; тогда семья моя отреклась отъ меня, но вся суровость ея не охладитъ мою любовь къ ней. Своими дѣлами я заставлю ее возвратить мнѣ свою любовь. Рено! ты часто говорилъ: голосъ народа, голосъ божій! — чего же требуютъ эти люди, населяющіе самый трудовой изъ нашихъ городовъ? Какой крикъ раздается подъ знаменемъ смерти? (читатель вспомнитъ, что незадолго передъ этимъ собраніемъ, бывшимъ въ концѣ 1831 г., происходило ліонское возстаніе подъ чернымъ знаменемъ съ девизомъ: „жить трудомъ или умереть въ бою“). Рено! Рено! они требуютъ хлѣба. Пролетаріи, слышащіе меня! рука моя не разъ жала ваши руки, загрубѣвшія отъ труда, и чувствовала, что вы

отвѣчаете на ея пожатіе. Успокойтесь же! Богъ не допуститъ, чтобы человѣкъ могъ являться передъ людьми съ такимъ спокойнымъ и яснымъ лицомъ, въ такомъ величіи, такой красотѣ, чтобы служить на обольщеніе и пагубу ихъ. А вамъ, женщины, скажу я: здѣсь нѣтъ той, которая носила меня подъ сердцемъ, она не слышитъ меня; дайте же въ вашихъ сердцахъ мѣсто материнской любви ко мнѣ, чтобы увидѣвъ ту, которая по волѣ Бога родила меня, утишить скорбь безплодія, въ которую впала она. Скажите ей, чтобы смягчить ее, какую печаль долженъ чувствовать сынъ, подобный мнѣ, лишившись ея объятій, ея слова, ея присутствія."

Мы привели этотъ довольно длинный отрывокъ затѣмъ, чтобы читатель могъ судить по немъ объ экзальтаціи, въ какой находились сенъ-симонисты. Эта пламенная безсвязица похожа на бредъ опьянѣнія или на вопли помѣшаннаго. Трудно повѣрить, что люди, такъ говорившіе и вообще производившіе надъ собою такія сцены, были люди очень умные и почти всѣ оказались впослѣдствіи людьми очень разсудительными. Весь періодъ ихъ принадлежности къ школѣ былъ длиннымъ припадкомъ экстаза, чѣмъ-то въ родѣ мономаній, которымъ подвергались фанатики среднихъ вѣковъ, основатели и знаменитости босоногихъ, нищенствующихъ, капуциновъ и траппистовъ.

Засѣданіе кончилось достойною своего начала сценою: увлеченное рѣчью Анри Бо, собраніе встало въ волненіи, многіе бросились обнимать Анфантена; другіе навсегда удалились изъ общества, безусловнымъ руководителемъ котораго онъ остался. Натурально было, что онъ побѣдилъ Базара и другихъ, еще сохранившихъ искру разсудительности: весь сенъ-симонизмъ былъ экзальтаціею, презиравшею всѣ внушенія разсудка, и кто былъ болѣе экзальтированъ, тотъ былъ вѣрнѣе духу ученія.

Мы не умѣемъ рѣшить, была ли въ Анфантенѣ черта шарлатанства, разсчитывающаго, если не на денежныя выгоды, то на шумъ и звонъ. Все, что мы читаемъ о немъ, склоняетъ къ такому предположенію; если такъ, то надъ сенъ-симонизмомъ повторилась очень частая исторія, что добросовѣстные фанатики попадаются подъ вліяніе ловкихъ обманщиковъ. Но свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ, недостаточны для возведенія естественной догадки въ полную увѣренность. Анфантенъ постоянно держалъ себя какъ отличный актеръ, ни на минуту не измѣнивъ роли, которая была наложена на него убѣжденіемъ, или которую наложилъ онъ на себя по разсчету: онъ постоянно являлся вдохновеннымъ жрецомъ; его рѣчь всегда была торжественна и медленна, чтобы слушатели чувствовали важность каждаго слова; его движенія, позы, жесты были величественны и всегда спокойны, какъ будто онъ неизмѣримо выше всего окружающаго міра со всѣми его вдохновеніями. Въ англичанинѣ, въ нѣмцѣ, въ русскомъ по этимъ признакамъ безошибочно можно было бы узнать шарлатана; но французы болѣе насъ или англичанъ пріучаются обычаями своего общества театральничать безсознательно. То, что бываетъ аффектаціею у людей сѣверной Европы, у французовъ очень часто дѣлается совершенно искренно и, быть можетъ, мы напрасно оскорбляемъ Анфантена, видя въ немъ не одну задушевную восторженность, какая была въ другихъ сенъ-симонистахъ, а также и сильную примѣсь актерства. Какъ бы то ни было, но то направленіе, представителемъ котораго былъ Анфантенъ, одержало совершенный верхъ надъ болѣе умѣренными мнѣніями другихъ главныхъ людей школы; школа распалась, всѣ отдѣлившіеся отъ Анфантена остались раздроблены между собою и скоро изъ сенъ-симонистовъ сдѣлались обыкновенными людьми; у

благородныхъ между ними — а почти всѣ отдѣлившіеся были люди безукоризненнаго благородства,— сохранилось отъ прежняго увлеченія сенъ-симонизмомъ только живое сочувствіе къ судьбѣ простолюдиновъ и болѣе широкое понятіе, чѣмъ у другихъ тогдашнихъ либераловъ и радикаловъ, о томъ, какія преобразованія матеріальныхъ отношеній нужны для удовлетворенія потребностямъ бѣднѣйшаго и многочисленнѣйшаго класса, для его успокоенія, т. е. для успокоенія всего французскаго общества, снова начинавшаго потрясаться волненіями пролетаріевъ, совершившихъ переворотъ въ концѣ прошлаго вѣка.

Изъ восемнадцати человѣкъ главныхъ членовъ школы только шестеро остались вѣрны Анфантену. Очень скоро по отдѣленіи Базара, отдѣлился отъ него и Олиндъ Родригесъ, управлявшій хозяйственными дѣлами общества. Небольшой кружокъ, оставшійся около Анфантена и считавшій уже очень мало замѣчательныхъ людей въ своемъ составѣ, скоро долженъ былъ подвергнуться денежнымъ затрудненіямъ, потому что кредитъ его поколебался по удаленіи Родригеса. Другою еще неизбѣжнѣйшею причиною скораго распаденія и этой горсти людей, состоявшей уже всего изъ сорока или пятидесяти человѣкъ, должно было послужить то обстоятельство, что экзальтація ихъ дошла до крайней степени напряженія, которое не можетъ держаться въ человѣкѣ долго: они должны были впасть въ нравственное изнуреніе, обратиться къ отдыху въ обыкновенной жизни. Но въ первое время энтузіазмъ господствовалъ надъ ними со всею силою, развившеюся въ страстной борьбѣ съ болѣе умѣренными прежними товарищами и энергія ихъ возвышалась сознаніемъ побѣды надъ отпавшими отъ нихъ, не имѣвшими духа идти такъ далеко, какъ они. Анфантенъ хотѣлъ воспользоваться этою порою крайняго одушевленія, чтобы придать себѣ

и своей школѣ новый блескъ передъ ея паденіемъ.

У Анфантена былъ въ Менильмонтанскомъ предмѣстьѣ, на краю Парижа, домъ съ садомъ: онъ рѣшился перевести туда своихъ вѣрныхъ послѣдователей, чтобы они показали міру примѣръ новой жизни, основанной на братствѣ и на сочетаніи матеріальнаго труда съ умственнымъ. 20 апрѣля 1832 года, въ страстную пятницу, объявляя о прекращеніи газеты le Globe, служившей органомъ сенъ-симонизма и падавшей теперь отъ недостатка денежныхъ средствъ, онъ говорилъ: „Милыя дѣти, нынѣшній день празднуется какъ великій день въ теченіе восемнадцати вѣковъ; въ этотъ день умеръ божественный освободитель рабовъ. Въ память святой годовщины да начнется наше отшельничество и да исчезнетъ изъ среды насъ послѣдній слѣдъ рабства — домашняя прислуга.“

Сорокъ учениковъ послѣдовали за Анфантеномъ на Менильмонтанъ и начали новую жизнь, которая казалась имъ великимъ подвигомъ самоотверженія. Ихъ общество состояло изъ поэтовъ, музыкантовъ, инженеровъ; эти люди, высоко развитые и привыкшіе къ почетному положенію въ свѣтѣ, стали сами исполнять для себя всѣ обязанности домашней прислуги, стали какъ черные рабочіе заниматься самымъ грубымъ и простымъ матеріальнымъ трудомъ: они поправляли домъ, подметали комнаты, подметали дворы, копали землю въ саду и въ огородѣ, усыпали аллеи пескомъ, который сами копали и привозили. Ихъ винили въ нечистыхъ понятіяхъ о бракѣ и эманципаціи женщинъ: доказывая, что ихъ идеи не были внушеніемъ сластолюбивыхъ наклонностей, они постановили правиломъ себѣ не прикасаться къ женщинамъ во все время своего отшельничества и строго сохранили этотъ законъ. Каждое утро, каждый вечеръ они собирались слушать поученія своего верховнаго отца

или читать жизнеописанія святыхъ, которыхъ брали себѣ примѣромъ. Фелисьенъ Давидъ, нынѣ ставшій знаменитымъ композиторомъ, а тогда бывшій однимъ изъ ихъ товарищей, писалъ музыку для гимновъ, пѣніемъ которыхъ одушевляли они себя, исполняя свою черную работу. Въ пять часовъ вечера собирались всѣ они къ общему столу и садились обѣдать, пропѣвъ хоромъ молитву. Все это дѣлалось публично: каждый желающій могъ смотрѣть, какъ проводятъ свой день менильмонтанскіе подвижники.

Торжественное вступленіе сенъ-симонистовъ въ новый порядокъ жизни происходило 6 іюня 1832 года, въ тотъ самый день, когда сосѣдніе кварталы Парижа были театромъ республиканскаго возстанія, возбужденнаго процессіею похоронъ Ламарка. Безмятежно приступая къ своей внутренней организаціи среди грома пушекъ, истреблявшихъ малочисленные отряды инсургентовъ, сенъ-симонисты какъ будто показывали, что нѣтъ имъ никакого дѣла до старыхъ радикальныхъ партій, идущихъ къ преобразованію общества путемъ, который сенъ-симонисты считали ошибочнымъ, и даже не понимающихъ, какія реформы нужны для общества: отрекаясь отъ стараго міра, они отреклись даже и отъ людей, которые больше всѣхъ другихъ въ старомъ мірѣ хотѣли добра простолюдинамъ. Понятія этихъ людей были по мнѣнію сенъ-симонистовъ слишкомъ узки и фальшивы, способы ихъ дѣйствія ни къ чему негодны. Въ половинѣ втораго часа менильмонтанское семейство стало кружкомъ передъ своимъ новымъ жилищемъ; около этого круга, состоявшаго изъ пламеннѣйшихъ энтузіастовъ, обрекавшихъ себя на новую жизнь, стоялъ другой кругъ ихъ сотоварищей, не имѣвшихъ такой рѣшимости и остававшихся въ мірѣ. Далѣе находилась толпа зрителей, толпа немногочисленная, потому что парижанамъ 6 іюня было не до того, чтобы заниматься сенъ-

симонистами. Но зрители, собравшіеся тутъ, видѣли картину гораздо болѣе новую и странную, чѣмъ сцены междоусобной войны, раздиравшей Парижъ.

Происходила церемонія облаченія въ новый костюмъ, служившій символомъ отреченія отъ старой жизни. Костюмъ былъ страненъ, какъ и все, что придумывали сенъ-симонисты: человѣку нельзя было явиться въ немъ на улицѣ, не навлекая на себя всеобщихъ насмѣшекъ; но рѣшимость переносить ихъ служила испытаніемъ твердости духа адептовъ новаго ученія. Подъ голубою курткою, застегивавшеюся спереди, былъ жилетъ, застегивавшійся на спинѣ; бѣлые панталоны стягивались кожанымъ поясомъ; шея оставалась открыта: сенъ-симонисты отвергли галстухъ, за то отпускали бороду, что было тогда странною новостью; на головахъ они носили красную шапочку. Чтобы придать болѣе эффекта обряду облаченія, Анфантенъ, три дня передъ тѣмъ провелъ запершись, не показываясь своимъ ученикамъ: онъ и они готовились къ подвигу уединенными размышленіями. Когда ученики заняли свои мѣста въ кругу и все было готово, явился верховный отецъ. Лица прозелитовъ просіяли восторгомъ при его появленіи и они пропѣли хоромъ привѣтствіе своему главѣ:

Salut, Père, salut.
Salut et gloire à Dieu!

Онъ подходилъ къ нимъ медленнымъ и величественнымъ шагомъ, съ открытой головой, съ сіяющимъ лицомъ. „Я далъ Буффару полномочную довѣренность располагать всѣмъ, что принадлежитъ мнѣ по мірскимъ законамъ, сказалъ онъ. Я теперь уже не хочу и не могу совершать никакихъ гражданскихъ актовъ, относящихся къ имуществу; люди, хотящіе идти по моему пути, также отказываются отъ этого права; мы всѣ освобождаемся отъ мірскихъ узъ, отрицаемся сатаны и всей гордыни его, чтобы пріоб-

рѣтать насущный хлѣбъ нашъ своимъ трудомъ, жить рабочею платою, какъ живетъ народъ.“ Послѣ этой рѣчи верховный отецъ при помощи одного изъ учениковъ надѣлъ новый костюмъ; переодѣвшись, онъ въ свою очередь помогъ одѣться въ него ученику, который прежде помогалъ ему. Надѣвая жплетъ, онъ объяснилъ смыслъ его оригинальнаго покроя: „Этотъ жилетъ символъ братства, сказалъ онъ: его нельзя надѣть одному безъ помощи брата, и каждый разъ онъ напоминаетъ необходимость товарищества.“ Вслѣдъ за Анфантеномъ стали облачаться другіе адепты. Съ этого дня начиналась ихъ трудовая жизнь, проводимая въ черной работѣ, въ плотничествѣ, земледѣліи, домашней службѣ и т. д.; они своимъ примѣромъ возстановляли достоинство черной работы, показывали необходимость ея соединенія съ умственнымъ трудомъ въ одномъ человѣкѣ. Само собою разумѣется, что вся эта торжественная комедія заключала въ себѣ ребяческаго и смѣшнаго гораздо больше, чѣмъ высокаго, хотя была со стороны сенъ-симонистовъ совершенно серьезна. Всѣ смѣялись надъ дикостью поступковъ менильмонтанскаго семейства, въ которомъ ученые и артисты служили другъ другу лакеями и возились надъ простонародными ремеслами, къ которымъ стали неспособны по всей своей предшествующей жизни. Все дѣло походило на забаву праздныхъ людей, которые отъ нечего дѣлать вздумали развлечь себя небывалою шалостью. Менильмонтанскіе штукатури, огородники, землекопы напоминали собою аристократокъ временъ Людовика XV, которыя любили писать съ себя портреты въ костюмѣ пастушекъ. Этотъ маскарадъ, поддерживаемый только крайнею экзальтаціею, не могъ тянуться долго: нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ, нѣсколько недѣль, и онъ надоѣлъ бы всѣмъ своимъ участникамъ, они разошлись бы, какъ разошлись отъ нихъ прежніе

ихъ товарищи; подобно этимъ прежнимъ товарищамъ сожалѣя о забавномъ безразсудствѣ, до котораго увлеклись, сами сознавая, что заслуживали всеобщихъ насмѣшекъ. Но консерваторы и реакціонеры, составлявшіе кабинетъ Луи-Филиппа, сдѣлали ошибку, обыкновенно дѣлаемую реакціонерами; они не дали восторженному порыву дойти до своего натуральнаго конца, не дали сенъ-симонистамъ распасться по вліянію внутренней несообразности ихъ попытки съ холоднымъ разсудкомъ, не дали имъ дожить въ менильмонтанѣ до того, чтобы они сами разошлись, упрекая другъ друга и каждый самого себя за слишкомъ наивное самообольщеніе. Министры Луи Филиппа разсудили поступить иначе: они подвергли менильмонтанское семейство преслѣдованію и дѣло кончилось для сенъ-симонистовъ торжествомъ вмѣсто пристыженія, до котораго довело бы ихъ, будучи предоставлено своему нестѣсненному ходу.

Министры уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ распорядились, чтобы дѣйствія сенъ-симонистовъ были подвергнуты формальному обвиненію; слѣдствіе тянулось довольно долго; нѣсколько разъ въ менильмонтанскій домъ являлась полиція съ солдатами производить обыски, совершенно излишніе. Наконецъ, матеріалы для юридическаго обвиненія были собраны, и главные распорядители сенъ-симонистской школы: Анфантенъ, Мишель Шевалье, Барро, Дюверье, Олиндъ Родригесъ, были потребованы къ суду, который долженъ былъ начаться 27 августа. Обвинительными пунктами противъ нихъ выставлялось: 1) нарушеніе 292 статьи уголовнаго кодекса, запрещающей учреждать безъ правительственнаго разрѣшенія какія бы то ни было общества, имѣющія болѣе 20-ти членовъ; 2) нарушеніе правилъ общественной нравственности и оскорбленіе морали. Неразсчетливость обвиненія видна уже изъ того, что въ число обви-

ненныхъ былъ включенъ Олиндъ Родригесъ, отставшій отъ Анфантена. Дѣло съ самаго начала имѣло видъ придирки.

Анфантенъ воспользовался выгоднымъ положеніемъ, какое получалъ отъ напраснаго преслѣдованія. Онъ пошелъ въ судъ торжественною процессіею. Всѣ глаза обратились на него, когда онъ явился въ залу суда, переполненную любопытными зрителями. Церемоніальнымъ маршемъ шли за нимъ сенъ-симонисты въ своихъ костюмахъ; онъ шелъ впереди въ такомъ же костюмѣ, на груди его куртки было вышито слово „отецъ.“ Въ менильмонтанскомъ домѣ жили только одни мужчины, чтобы отвратить всякую возможность нечистыхъ подозрѣній; но раздѣлять съ своими братьями по духу судебную опасность явились двѣ женщины безукоризненной репутаціи: Аглая Сентъ-Илеръ и Сесилія Фурнель, сопровождаемыя своими мужьями. Важно сѣвъ на скамью обвиненныхъ, Анфантенъ медленно обозрѣвалъ все собраніе, какъ будто знакомясь съ людьми, господствовать надъ которыми скоро онъ будетъ. Зрители удивлялись восторженному уваженію, съ которымъ смотрѣли на него всѣ члены семейства, и торжественному спокойствію, съ которымъ онъ давалъ свои странные отвѣты на вопросы президента и прокурора. „Правда ли, что вы называете себя отцемъ человѣчества? Правда ли, что вы признаетесь за живое воплощеніе закона?“ спросилъ президентъ. — „Да,“ отвѣчалъ онъ съ равнодушіемъ, какъ будто говорилъ самую обыкновенную вещь. Начался допросъ свидѣтелей; почти всѣ они были сенъ-симонисты и первый, котораго пригласили присягнуть, чтобы начать формальныя показанія, обратился къ Анфантену со словами: „отецъ, могу ли я присягнуть?“ — „Нѣтъ,“ отвѣчалъ Анфантенъ, и свидѣтель сказалъ, что не можетъ давать показаній; тоже повторилось со всѣми слѣдующими свидѣтелями, принадлежавшими

новому ученію. Генералъ-адвокатъ Делапаль изложилъ развитіе сенъ-симонизма, который называлъ фетишизмомъ, и объявлялъ Анфантена человѣкомъ, который доведенъ тщеславіемъ до сумасбродства. Онъ сильно порицалъ сенъ-симонистскую ассоціацію за то, что она принимала денежныя пожертвованія отъ своихъ приверженцевъ; онъ доказывалъ, что сенъ-симонизмъ не можетъ быть признанъ религіозной сектой, впадая въ явное противорѣчіе съ собственными своими словами, винившими сенъ-симонистовъ въ суевѣріяхъ: доказать, что они не составляютъ секты, нужно было для того, чтобы подвести ихъ подъ 292 статью уголовнаго кодекса, подъ которую не подходятъ секты и на которой основывалось требованіе наказать ихъ за самовольное составленіе общества, имѣвшаго болѣе 20 человѣкъ. Переходя ко второму обвиненію, къ обвиненію въ безнравственности, генералъ-адвокатъ спрашивалъ, можно ли не признать противнымъ нравственности ученіе, оправдывающее непостоянство отношеній между мужчинами и женщинами, говорящее объ эманципаціи тѣла, подвергающее супружескія отношенія вмѣшательству своихъ правителей и правительницъ. „Но, господа, сказалъ генералъ-адвокатъ, эти гибельныя правила не остались безъ противорѣчія: когда отецъ Анфантенъ провозгласилъ ихъ, его слова были услышаны женщиной, душа которой возмутилась гнусными его понятіями и она, слабая, робкая, встала и энергически протестовала.“ При этихъ словахъ Сесилія Фурнель, о которой говорилъ генералъ-адвокатъ, не знавшій ее въ лицо, поднялась съ своего мѣста и вскричала: „мнѣ приписываютъ такую роль несправедливо....“ — „Замолчите,“ прервалъ ее президентъ; но не слушая его, она продолжала, что, разъяснивъ себѣ понятія Анфантена, убѣдилась въ ихъ невинности и чистотѣ. „Если вы не замолчите, сердито сказалъ президентъ, я прикажу

вывести васъ.“ Эта выходка противъ дамы скомпрометировала и судей и обвинителей въ общемъ мнѣніи: зрители были теперь расположены въ пользу обвиняемыхъ. Такое же дѣйствіе произвела неловкость, о которой мы уже говорили: министры поступили неразсчетливо, допустивъ, чтобы одному обвиненію съ Анфантеномъ подвергался Олиндъ Родригесъ, разошедшійся съ Анфантеномъ по тѣмъ самымъ вопросамъ, за безнравственное мнѣніе о которыхъ обвинялся Анфантенъ. Олиндъ Родригесъ даже не оправдывался: онъ только защищалъ память Сенъ-Симона, на котораго нападалъ генералъ-адвокатъ, не захотѣвшій понять, что Сенъ-Симонъ никогда не говорилъ и не думалъ ничего подобнаго тому, за что обвинялись сенъ-симонисты, уже долго спустя по смерти своего учителя занявшіеся вопросами объ эманципаціи женщинъ и семейныхъ отношеніяхъ. Послѣ Олинда Родригеса стали говорить обвиненные менильмонтанскаго семейства. Они доказывали, что могутъ называться сектою и потому не подходятъ подъ 292 статью уголовнаго кодекса; очень легко имъ было доказать неосновательность обвиненія въ фетишизмѣ, въ самомъ дѣлѣ смѣшнаго въ примѣненіи къ извѣстнымъ математикамъ, инженерамъ, къ лучшимъ воспитанникамъ политехнической школы. Отъ защиты своихъ понятій они перешли къ строгимъ нравственнымъ порицаніямъ противъ жизни и понятій общества, осуждавшаго ихъ за безнравственность.

Рѣчи Мишеля Шевалье, Дюверье, Барро и ихъ адвокатовъ наполнили собою засѣданіе 27 августа. Зрители были потрясены строгимъ нравственнымъ судомъ надъ ихъ жизнью, произносимымъ отъ людей, которыхъ они почли было проповѣдниками шаткой нравственности. Судьи были смущены.

На другой день, 28 августа, сталъ говорить Ан-

фантенъ. По своему обычаю, онъ произносилъ слова медленно, съ разстановками, и во время этихъ паузъ пристально всматривался своими проницательными глазами, то въ президента и судей, то въ генералъ-адвоката, то въ зрителей. Мучимый этимъ взглядомъ, президентъ думалъ избавиться отъ него и смутить Анфантена, сказавъ: „Вы часто останавливаетесь; вы должно быть не совсѣмъ приготовились; вамъ надобно обдумать рѣчь.“ — „Мнѣ нужно видѣть, какіе люди меня окружаютъ и нужно, чтобы они смотрѣли на меня. Кромѣ того, я желаю, чтобы г. генералъ-адвокатъ понялъ могущество нашего тѣла, могущество формы, чувствъ, и для этого даю ему испытывать могущество взгляда,“ отвѣчалъ онъ. Раздраженный президентъ сказалъ: „намъ не время ждать, пока вы обдумываете вашу рѣчь.“ Анфантенъ, обращаясь къ своимъ ученикамъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ замѣтилъ: „Вотъ новое доказательство тому, что они не способны быть нашими судьями. Они отрицаютъ нравственное могущество чувствъ, а я однимъ своимъ взглядомъ заставляю ихъ лишаться спокойствія, приличнаго ихъ должности.“ Онъ былъ человѣкъ очень краснорѣчивый и чрезвычайно сильный діалектикъ. Тѣ мысли, которыя наканунѣ были выражены его учениками, онъ повторилъ еще съ большею силою, такъ что торжество обвиненныхъ надъ обвинителями было поразительно. Разумѣется, это не помѣшало процессу кончиться осужденіемъ обвиняемыхъ. Анфантенъ, Дюверье и Мишель Шевалье были приговорены къ годичному заключенію въ тюрьму. Неловкость обвинять вмѣстѣ съ ними Олинда Родригеса была такъ очевидна, что его присудили только къ штрафу въ 50 франковъ, чтобы не компрометировать себя полнымъ его оправданіемъ. Такимъ же штрафомъ ограничилось наказаніе пятаго обвиненнаго, Барро.

Этимъ процессомъ былъ положенъ насильственный

конецъ сенъ-симонизму, который и безъ того скоро скончался бы естественною смертью, было доставлено очень эффектное торжество ученію уже погибавшему отъ внутреннихъ своихъ недостатковъ, были возвеличены, какъ страдальцы за убѣжденія, люди, которые безъ того скоро оказались бы жалкимъ образомъ опомнившимися отъ ребяческой наивности или стали бы изобличать другъ друга въ тщеславіи.

Читатель видитъ, что мы вовсе не сочувствуемъ той формѣ стремленія къ общественнымъ реформамъ, которая называется сенъ-симонизмомъ. Это ученіе кажется намъ галлюцинаціею, сформировавшеюся изъ ошибочной идеализаціи католицизма и кромѣ того носившею какой-то приторный характеръ изящной аристократичности, аффектирующей замашки сантиментальнаго демократизма. Сенъ-симонисты разыгрывали въ лицахъ идиллію г-жи Дезульеръ. Это были свѣтскіе люди, хотѣвшіе не терять своего щегольства, накидывая на себя мужичество. Они напоминаютъ намъ знаменитый золотой лапоть, лежащій, какъ говорятъ, на рабочемъ столѣ одного изъ нашихъ милліонеровъ, разыгрывающаго роль русскаго мужичка, напоминаютъ фантастическіе бархатные костюмы, въ которыхъ щеголяютъ нѣкоторые наши поклонники народности, имѣющіе съ нашимъ народомъ гораздо меньше общаго, нежели всякій французъ или нѣмецъ. Сенъ-Симонизмъ смѣшитъ нашъ разсудокъ своею фантастичностью, возмущаетъ наше чувство своимъ благонамѣреннымъ іезуитизмомъ, своею апотеозою авторитета, своими поползновеніями къ артистичности. Балетная танцовщица можетъ быть очень хороша на своемъ мѣстѣ, но она стала бы противна, если бы выдѣлывая свои антраша, говорила намъ о страданіяхъ бѣдныхъ мужичковъ. Сенъ-симонисты были салонные герои, подвергавшіеся припадку филантропизма.

Но называя приторной ту форму, которую имѣло

первое проявленіе мысли о преобразованіи общества, мы, конечно, должны цѣнить историческую важность этого перваго ея проявленія. Оно важно, какъ признакъ того, что пришла пора обществу заниматься идеями, выразившимися на первый разъ въ этой неудовлетворительной формѣ. Скоро мы увидимъ, что онѣ стали проявляться въ формахъ болѣе разсудительныхъ и доходить до людей, у которыхъ бываютъ уже не восторженною забавою, а дѣломъ собственной надобности; а когда станетъ разсудительно заботиться о своемъ благосостояніи тотъ классъ, съ которымъ хотѣли играть кукольную комедію сенъ-симонисты, тогда, вѣроятно, будетъ лучше ему жить на свѣтѣ, чѣмъ теперь.*)

*) *Современникъ.* Январь, февраль и мартъ 1860.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.